Н. А. ТЭФФИ

ЗИГЗАГЪ

Изд-во "Русскія Записки"

Н. А. ТЭФФИ

ЗИГЗАГЪ

Изд-во "Русскія Записки"
1939 г.

Карпъ

Погода сегодня веселая, праздничная, телефонная трубка звенитъ безпечными голосами, зовущими, приглашающими и укоряющими, а я сижу дома, простуженная, сонная и сердитая, сижу у письменнаго стола, по которому разложены листы для спѣшной работы.

Я не расчитывала простудиться и сидѣть дома и отпустила свою Франсину. Она прибѣжала только на нѣсколько минутъ, наспѣхъ разбила чашку и передъ уходомъ вразумительно растолковала мнѣ, что завтракъ мой, собственно говоря, готовъ, потому что на плитѣ стоитъ кастрюлька съ приготовленнымъ «курбуйонъ», а на столѣ лежитъ рыба — «une belle carpe» и надо только эту рыбу положить въ кастрюльку на четверть часа — и все будетъ готово.

Я все отлично поняла и, когда настало время завтракать, пошла въ кухню.

И все было такъ, какъ Франсина мнѣ растолковала: на плитѣ стояла кастрюлька, въ которой плавала луковица и петрушка, а на столѣ лежала толстая рыба съ темной спиной и блѣд-

нымъ животомъ. Крупная чешуя красиво золотилась. Это, конечно, очень хорошо, что она красиво золотилась, но вѣдь для того, чтобы рыбу сварить, надо эту чешую содрать, что Франсина, очевидно, забыла сдѣлать.

Я дотронулась до рыбы кончикомъ пальца и вдругъ она дернула хвостомъ. Она была живая!

Я налила воды въ стаканъ и плеснула ей на жабры.

Она вздрогнула и ударила хвостомъ по столу.

Какой ужасъ!

Что же мнѣ съ ней дѣлать? Скрести ее ножомъ, когда она какъ собака виляетъ хвостомъ?

Я налила воды въ миску и осторожно столкнула въ нее рыбу. Для этой операціи я обвернула руку полотенцемъ, такимъ отвратительнымъ было для меня прикосновеніе къ этой твари, потому что она живая. Странно — именно потому, что живая.

Рыба шлепнулась на дно, пустила пузыри, чуть-чуть шевельнула жабрами, но лежала на боку. Очевидно ея дѣла были плохи.

Но вотъ жабры шевельнулись сильнѣе. Открылся круглый хрящеватый ротъ, широко, словно рыба запѣла. Ротъ этотъ былъ чуть-чуть розоватый.

Ей тѣсно въ мискѣ. Нужно найти что нибудь попросторнѣе.

Стала обыскивать бабье хозяйство моей Франсины. Нашла за шкапомъ какой то металлическій тазъ, для стирки что-ли. Налила въ него воды и осторожно перелила миску съ рыбой.

Рыба всколыхнулась, шлепнула хвостомъ, обдала меня всю водой, повернулась спиной кверху и поплыла вокругъ таза, тычась носомъ въ стѣнки.

Нужно ее накормить.

Покрошила ей хлѣба.

Взглянула на часы, замѣтила, что провозилась больше часа. А на столѣ работа, и голова болитъ, и хочется ѣсть.

— Послушайте вы, рыба! Это очень хорошо, что вы воспрянули духомъ, но вѣдь я ѣсть хочу!

Пошла въ столовую, разыскала въ буфетѣ корочку сыра, погрызла. Сѣла работать. И все время чувствую, что я въ квартирѣ не одна, что поселилось у меня въ домѣ *существо*, чья то жизнь, незамысловатая, но все же жизнь, протечетъ рядомъ съ моею, вошла въ мою.

Она мнѣ мѣшаетъ работать, эта рыба. Я все время невольно прислушивалась — что она тамъ, не плеснула-ли...

Куда мнѣ ее дѣть?

Не могу же я навязать ее себѣ на всю жизнь. Карпы живучи. Она можетъ протянуть еще лѣтъ двѣсти. Недаромъ поймали въ какомъ то итальянскомъ пруду карпа съ кольцомъ на жабрѣ, а на кольцѣ надпись: «Рыба эта пущена въ воду за полтораста лѣтъ до Рождества Христова». Почему бы и моей не прожить еще нѣсколько сотъ лѣтъ? Перспектива для меня не веселая. Возись съ ней двѣсти лѣтъ. Видъ у нея здоровенный, спина лошадиная. Если на лошадь смотрѣть сверху изъ окна — совсѣмъ мой карпъ.

Да и имя у нея самое подходящее — «Карпъ». Купецкое имя. Карпъ Иванычъ.

Куда его дѣть? Подарить Франсинѣ? Такъ вѣдь она его съѣстъ. Нехорошо. Онъ теперь вродѣ какъ бы свой человѣкъ, живетъ въ домѣ, купается, ѣстъ. Выходитъ, что сама я убить его не могу, но если убьютъ другіе — протестовать не стану. Некрасиво выходитъ.

Между прочимъ, я совсѣмъ не сентиментальна. Когда одинъ французскій университетъ прислалъ мнѣ протестъ противъ смертной казни, я не подписала его. Рѣшила отложить и подумать. И сколько вздору пришлось тогда выслушать по поводу этихъ протестовъ.

— Вы вѣдь не подадите руку палачу?

— Не знаю. Знаю, что видъ человѣка, который можетъ зарабатывать себѣ хлѣбъ такимъ омерзительнымъ ремесломъ, навѣрное вызвалъ бы во мнѣ физическое отвращеніе. Мясникъ, только что зарѣзавшій быка, тоже не очень аппетитенъ.

Удивительное явленіе это физическое отвращеніе къ убійству. Явленіе *ненатуральное*. Въ природѣ его нѣтъ. Оно привоспитано въ теченіе вѣковъ. Отвращеніе моральное вызываетъ уже физическій рефлексъ, — тошноту, обморокъ.

Вотъ та публика, которая, по свидѣтельству газетъ, элегантная и веселая пріѣзжаетъ прямо изъ кабаковъ Монмартра смотрѣть на казнь, та публика по моему очень подозрительна. Не есть ли это сборище потенціальныхъ убійцъ? Если они не испытываютъ физическаго отвращенія при

видѣ убійства, то вѣдь при случаѣ не придется имъ разрушать самую могучую преграду на страшномъ пути — преодолѣвать физическое отвращеніе.

***

Что-то какъ будто плеснуло...

Это онъ, Карпъ!

Что я буду съ нимъ дѣлать?

Будь это гдѣ нибудь въ деревнѣ, я бы выпустила его на волю, куда нибудь въ рѣчку. А здѣсь въ Парижѣ бросить въ Сену очень трудно. Это кажется даже запрещено, кто ихъ знаетъ. Пришлось бы ночью подхватить карпа подъ мышку (а онъ будетъ хлопать меня хвостомъ по спинѣ!) и спуститься внизъ подъ мостъ. Но тамъ всегда присматриваетъ полиція и, чуть шлепнетъ карпъ по водѣ, мгновенно раздастся свистокъ и за моей спиной выростутъ двѣ тѣни въ пелеринахъ.

— Что вы бросили въ воду? — спроситъ одна тѣнь и схватитъ меня за руку.

— Не трудитесь отпираться, — скажетъ другая тѣнь и схватитъ за другую руку.

— Я бросила рыбу, — отвѣчу я стуча зубами.

— Рыбу? Она бросила рыбу! — усмѣхнется первая тѣнь.

— Рыбу вытаскиваютъ изъ рѣки, мадамъ, а не бросаютъ въ рѣку, — скажетъ другая тѣнь.

— Будьте любезны слѣдовать за нами, — скажутъ обѣ вмѣстѣ.

И вотъ я въ участкѣ.

Меня вводятъ въ отдѣльную комнату. Садятъ на стулъ и направляютъ прямо въ лицо яркій свѣтъ лампы съ рефлекторомъ. Кто то сидитъ съ другой стороны лампы. Двое стоятъ у дверей.

— Вамъ нѣтъ смысла отпираться, — говоритъ спокойный, увѣренный голосъ. — Ваши сообщники уже арестованы и принесли повинную. Отпираясь, вы только отягощаете свою вину.

Я понимаю, что это хитрость, на которую онъ хочетъ меня поймать.

— Но у меня не было никакихъ сообщниковъ! — лепечу я.

— Такъ вы утверждаете, что вы совершили преступленіе одна? — строго спрашиваетъ голосъ.

— Какое преступленіе? — въ отчаяніи восклицаю я.

Онъ ничего не отвѣчаетъ на этотъ вопль. Я слышу только какъ шуршитъ его перо по бумагѣ.

— Можетъ быть вы — fille-mère? — снова раздается его голосъ. — Помните, что чистосердечное признаніе... Что толкнуло васъ на этотъ ужасный шагъ?

— Нужда, — отвѣчаю я машинально. — То есть нѣтъ. Жалость.

— Убійство изъ жалости, — говоритъ голосъ. — Отлично. Значитъ, онъ былъ безнадеженъ?

— Ну конечно. У него уже жабры не шевелились.

— Жабры? — переспросилъ онъ и прибавилъ въ полголоса, — какая грубая! Ну-съ, подпишите протоколъ. Завтра съ утра будутъ посланы водолазы обшаривать рѣку на этомъ мѣстѣ.

Да. Они пошлютъ водолазовъ и тѣ найдутъ то, что всегда находится на днѣ современныхъ рѣкъ: семь правыхъ рукъ, три бедра, двѣ головы мужскихъ, четыре женскихъ, одну ключицу дѣтскую, одно ухо, одинъ ротъ и восемь поясницъ. Все это предъявятъ мнѣ для опознанія. Меня затошнитъ и все станетъ ясно. И все будетъ кончено.

Меня посадятъ въ тюрьму. Холливудъ пришлетъ мнѣ предложеніе крутить фильмъ. Казино де Пари — сыграть скэтчъ, какъ я убивала. «Matin» помѣститъ мой портретъ, на которомъ я выйду съ бородой и съ тремя глазами.

Начнутъ изслѣдовать мои умственныя способности. Найдутъ, что я вполнѣ сумасшедшая, но за свои поступки отвѣтственна.

Потомъ меня повезутъ въ судъ. Вызовутъ въ качествѣ свидѣтельницъ всѣхъ моихъ знакомыхъ дамъ и хотя онѣ ничего показать не смогутъ, ихъ все же заставятъ подъ присягой сказать, сколько имъ лѣтъ. И я буду смотрѣть на ихъ муки и ничѣмъ не буду въ силахъ имъ помочь.

Потомъ защитникъ скажетъ, что я очень раскаиваюсь и, утопивъ своихъ жертвъ, хотѣла сама броситься въ воду, но промахнулась.

— Да, виновна, — прозвенитъ голосъ предсѣдателя. Я спокойно выслушаю приговоръ.

Толпа на улицѣ захочетъ разорвать меня на части, но правосудіе откажется отъ этихъ услугъ и ночью, на разсвѣтѣ, меня разбудятъ и предложатъ мнѣ выпить стаканъ рому. Это мнѣ напомнитъ разныя чествованія въ русско-цыганскомъ стилѣ, когда стоишь и черезъ силу глотаешь не по вкусу сухое шампанское, а всѣ кругомъ, выпуча глаза, припѣваютъ: «Пей до дна, пей до дна, пей до дна!».

Я отгоню недостойныя воспоминанія, откажусь отъ рома и поѣду казниться.

— Палачъ! — скажу я гордо. — Дѣлайте свое дѣло.

И ни одна фибра моего лица не дрогнетъ.

Нарядныя дамы изъ кабаковъ Монмартра встанутъ на сидѣнья автомобиля, чтобы лучше меня разглядѣть. Нарядныя дамы... Посмотрю-ка и я въ послѣдній разъ, какія манто теперь носятъ...

Ну вотъ, я и умерла. Голова моя съ сухимъ стукомъ упала въ корзинку. А ѣсть все таки хочется.

Пошла въ кухню, нашла хлѣбъ. Нечего сказать, — весело.

Карпъ шевелилъ плавниками, глоталъ воду, пускалъ пузыри и жилъ полной жизнью. И я, такъ трагически изъ за него погибшая, очевидно совершенно его не интересовала.

Типы и группы

Человѣческія взаимоотношенія вещь сложная. Они-то главнымъ образомъ и отягощаютъ земное наше пребываніе.

Безъ этихъ самыхъ взаимоотношеній жизнь была бы и проще, и разумнѣе, и опредѣленныя причины рождали бы натуральныя слѣдствія, и опредѣленныя слѣдствія всегда вытекали бы изъ надлежащихъ причинъ.

При взаимоотношеніяхъ все переворачивается самымъ неожиданнымъ образомъ.

Приведу примѣръ. Аллегорическій — такъ выйдетъ поучительнѣй.

Посѣялъ человѣкъ овесъ. И отъ этой причины, отъ посѣва овса, онъ имѣетъ право ожидать того или иного урожая овса. Хоть самаго сквернаго, самаго неудачнаго. Человѣкъ знаетъ, что на полосѣ, засѣянной овсомъ, взойдетъ овесъ.

А вотъ при человѣческихъ взаимоотношеніяхъ, на полосѣ, засѣянной овсомъ, весьма возможно, что выраститъ рѣдька. Потому что столько внесется въ это дѣло брехни, ерунды, дружескихъ совѣтовъ, вражескихъ навѣтовъ, воздѣй-

ствій и дѣйствій, что самая твердь земная, взбаломутившись, претворитъ сѣмя овсяное въ сѣмя рѣдечное.

Никогда въ человѣческихъ взаимоотношеніяхъ вы не можете знать, какія послѣдствія будетъ имѣть тотъ или иной вашъ поступокъ.

Вы, можетъ быть, думаете, что доброе ваше дѣло вызоветъ доброе къ вамъ отношеніе? Ничуть не бывало. Вы сдѣлаете подарокъ, а на васъ обидятся. Вы протянете губы въ восторженномъ поцѣлуѣ, а вамъ закатятъ пощечину. Ну, какъ тутъ наладить? Какъ знать, на что идешь?

Для удобства взаимоотношеній, чтобы не всегда изъ посѣяннаго овса выростала рѣдька, можно прибѣгнуть къ давно извѣстному средству: группировкѣ людей на опредѣленные типы. Назовемъ, напримѣръ, главныя наши русскія группы, старинной стройки, но прочно держащіяся:

Враль съ раздутыми ноздрями.

Свѣтлая личность.

Корявая старушенка.

Гимназистъ-грубіянъ.

Дама-патронесса.

Человѣкъ, который все знаетъ (разновидность дурака).

Дѣлецъ настоящій.

Дѣлецъ-любитель.

Стремящаяся женщина.

Впрочемъ, всего не перечтешь. И даже строго распредѣливъ типы по группамъ, вы легко мо-

жете сбиться съ толку, если не обладаете достаточнымъ опытомъ.

Вотъ какъ вы, напримѣръ, представляете себѣ корявую старушенку? Что-то старенькое, слезливое.

— Охъ, милая моя! Была я вчера у заутрени...

Вотъ и ошибетесь. Для корявой старушенки заутреня далеко не типична. Корявая старушенка говоритъ больше всего о туалетахъ.

— Хочу, милочка, прикупить къ коричневой юбкѣ чего-нибудь пестренькаго на рукава. Теперь вообще рукава въ модѣ. Какъ вы думаете?

Корявая старушенка любитъ также давать совѣты въ этой области:

— Взгляните на мою шляпку, — скажетъ она съ гордостью, — другой подумаетъ и нивѣсть сколько за нее заплачено, а на самомъ дѣлѣ сущіе пустяки. Потому что весь матеріалъ у меня свой, а модистку я нашла такую честную, такую честную, что не только моего не украдетъ, а еще и своего приложитъ. Видите пряжечку? Это она дала. Уголочекъ сломанъ, ну да кто же будетъ приглядываться.

Вы смотрите въ ужасѣ на нѣчто похожее на «буатъ а ордюръ», что увѣнчиваетъ сѣдую голову корявой старушенки. Вы различаете кусочекъ застираннаго кружевца, клокъ какой-то шерсти, заячью лапку, ленточку, кусокъ мѣди. Чего тутъ только нѣтъ! Развѣ что вставной челюсти. И надъ всѣмъ этимъ мусоромъ (всюду жизнь!) дрожитъ маленькій голубой цвѣточекъ.

— Да, — говоритъ старушенка, — нужно самой понимать въ туалетахъ; тогда васъ никто не надуетъ. Вотъ теперь тоже принято лицо всякими кремами мазать. А что тутъ хорошаго? Каждый кремъ, заплати за него хоть сто тысячъ, непремѣнно что-нибудь да содержитъ. Ужъ въ этомъ вы меня не переспорите. Да они и сами не скрываютъ. А вотъ вазелинъ ровно ничего не содержитъ. Я вотъ сорокъ лѣтъ мажу лицо вазелиномъ, и чисто, и духами не пахнетъ. Это все нужно понимать.

Въ медицинѣ корявая старушенка свой человѣкъ.

Она твердо знаетъ, что мягчитъ, а что ежитъ, и какъ въ старину лѣчились люди, которые «не глупѣе насъ были», а съ другой стороны, не отрицаетъ и всякія мало понятныя новшества.

— Вотъ, говорятъ, докторъ есть. Такъ онъ совсѣмъ не лѣчитъ, а почешетъ чѣмъ то себѣ въ носу, человѣкъ и поправляется. И огромныя деньги нажилъ.

Корявая старушенка слѣдитъ за всѣми событіями. Сны перемѣшиваются у нея съ дѣйствительностью, но не затемняютъ ея, а, наоборотъ, выясняютъ.

— Въ Америкѣ водку разрѣшили. Пусть. Мнѣ-то что. Мнѣ не жалко. А вотъ видѣла я во снѣ, будто какой-то румынъ сидитъ въ Америкѣ. Вотъ, значитъ, и сядутъ они со своей водкой. Война будетъ. Вотъ увидите.

Корявая старушка скрипитъ и прихрамываетъ, но цѣлые дни куда-то идетъ и идетъ. То

ей нужно взглянуть на баржу Арміи Спасенія, то на выставку искусственныхъ ногъ, то на лекцію по противогазовой оборонѣ, — всюду, гдѣ только двери открыты, корявая старушенка влѣзетъ, оттолкнетъ васъ локтемъ и сядетъ въ первый рядъ.

— Слушала я этого, какъ его тамъ, философа. Плететъ, не плететъ, ничего не разберешь. Чуть не заснула. Кантъ, да Кантъ, а чего Кантъ — и самъ не знаетъ. Надо дѣло дѣлать, а не Канта болтать. На словахъ-то всѣ хороши, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ ихъ и слѣдъ простылъ. Такое ли теперь время, всюду шомажъ. Тоже выдумали.

Корявая старушенка можетъ быть даже очень состоятельной. Это дѣла не мѣняетъ. Она можетъ быть и образованной — это тоже дѣла не мѣняетъ. Она не можетъ быть только умной.

Она входитъ въ салонъ жизни черезъ черный ходъ, впитываетъ душой кухню, коридоръ, столовую. Она знаетъ о картинѣ, сколько за нее заплачено, о концертѣ, — почемъ былъ билетъ, объ артистѣ — измѣнялъ ли онъ женѣ, а какимъ онъ голосомъ поетъ или на чемъ играетъ — это ужъ не ея сфера.

Такова, приблизительно, корявая старушенка.

Если васъ столкнетъ съ ней судьба и вамъ удастся опредѣлить, къ какой группѣ данная особа принадлежитъ, вы избѣжите многихъ ошибокъ.

Дѣйствовать съ корявой старушенкой (чтобы овесъ не родилъ рѣдьку) нужно очень осторожно.

Прежде всего, по возможности, ничего ей не говорить, потому что она совершенно лишена способности понимать человѣческую рѣчь.

— Вотъ, — скажете вы, — собираемся открыть прiютъ для дѣтей.

— Охъ, ужъ только не для дѣтей, — скажетъ она. — Дѣти выростутъ, а потомъ что?

— А потомъ новыхъ.

— Это значитъ — все мѣняй, да корми. На этомъ тоже много не заработаешь.

— Да это вѣдь не для наживы, это будетъ благотворительное учрежденiе.

— Ну, вотъ тоже нашли время. Теперь всюду такая бѣдность.

— Такъ вотъ поэтому-то и занимаются благотворительностью.

— Благотворительностью можно заниматься, когда дѣлать нечего. А когда кругомъ бѣднота, такъ тутъ работаютъ.

— Кто?

— Да всѣ.

— Такъ вѣдь теперь кризисъ, безработица.

— Кто не хочетъ работать, тому всегда безработица. Я вонъ вчера пришла домой, вижу у дивана аграманчикъ оторвался. Такъ не полѣнилась, а взяла, да пришила. Кто хочетъ работать, тому работа всегда найдется.

Или такой разговоръ:

— Какой у васъ плохой видъ! — скажетъ старушенка.

— Голова болитъ.

— Гулять надо! — крякнетъ старушенка. — Свѣжій воздухъ здоровѣе всего.

— Не могу гулять — работы много.

— А вы работу бросьте, да погуляйте.

— Брошу работу — со службы выкинутъ.

— Ну и пусть. Здоровье важнѣе всего. Здоровая голова важнѣе всякаго жалованья.

— А куда я эту здоровую голову ткну, если у меня денегъ не будетъ?

— Ну, знаете, и черезъ золото слезы льются.

Съ корявой старушенкой разговаривать нельзя. Все ваше вниманіе, если она какъ-нибудь влѣзла въ вашу жизнь, должно быть направлено именно на то, чтобы ни о чемъ ей не проговориться, чтобы она ничего о вашихъ дѣлахъ не знала.

Если васъ направятъ къ ней по какому-нибудь дѣлу — благотворительному или иному, — вотъ, молъ, скажутъ, богатая дама, можетъ быть, заинтересуется и будетъ полезной, — приглядитесь внимательно и если поймете, что передъ вами корявая старушенка, — бѣгите скорѣе прочь. Если что-нибудь, не разглядѣвъ толкомъ, успѣли сболтнуть — берите слова назадъ, заметайте слѣды. Иначе все пропало. Иначе овесъ родитъ рѣдьку.

Жильцы бѣлаго свѣта

«Жилецъ бѣлаго свѣта».

Это звучитъ не такъ гордо, какъ «гражданинъ вселенной».

Гражданинъ вселенной — выраженіе, включающее въ себя, главнымъ образомъ, понятіе о какихъ-то правахъ, о своей опредѣленной долѣ въ земныхъ благахъ.

Жилецъ бѣлаго свѣта — человѣкъ подневольный, пришибленный.

Гражданинъ вселенной достигъ своего. Жилецъ бѣлаго свѣта — борется и не достигаетъ.

Гражданинъ вселенной — вымыселъ.

Жилецъ бѣлаго свѣта — реальность.

На бѣломъ свѣтѣ жить трудно. И не столько утомляетъ необходимая для жизни работа, сколько самозащита.

— Отъ кого? Кто нападаетъ?

— Всѣ. Всегда. Вездѣ. Всячески.

**
*

Отчего же они нападаютъ? Борьба за существованіе? Otes toi que je m'y mette! Спихнувъ человѣка, занять его мѣсто? Ахъ, если бы такъ! Въ этомъ былъ бы хоть практическій смыслъ. А вѣдь то, отъ чего постоянно защищаются, смысла не имѣетъ, потому что не имѣетъ цѣли. Имѣетъ только причину. Причина эта — больная печень, бѣшеная форма неврастеніи, реакція на неотмщенную обиду, зависть, отчаяніе и глупость. Все это дѣйствуетъ порознь или въ различныхъ сочетаніяхъ или огромнымъ всесоединяющимъ аккордомъ. Какъ на органѣ «grand jeu», когда всѣ клапаны открыты для потрясающаго своды гула и рева.

Такова жизнь, таковъ человѣкъ. Ничего не подѣлаешь.

Чѣмъ же люди защищаются? Каково ихъ оружіе, ихъ щитъ?

А оружіе ихъ таково:

Молодость, красота, деньги и удача. Эти четыре пистолета должны быть у каждаго.

Если ихъ нѣтъ — нужно притворяться, что они есть.

У женщинъ больше возможностей чѣмъ у мужчинъ симулировать красоту и молодость. Къ ихъ услугамъ если не институты красоты, то просто пудра, кремы и краски. Эстетическая хирургія все больше завоевываетъ себѣ право на существованіе, и женщины мѣняютъ форму своего носа или груди такъ же откровенно, какъ

перемѣнили бы прическу въ локоны на прическу роликомъ.

Недавно въ газетахъ мелькнуло описаніе любопытной операціи освѣженія уха. Опытный хирургъ освѣжилъ какое-то несвѣжее ухо. Для этого онъ вырѣзалъ изъ груди кліентки полоску кожи и обтянулъ заново это проклятое ухо. Но чтобы не оставлять грудь ободранной, онъ вырѣзалъ полоску кожи съ ея спины и наложилъ на грудь заплатку. Но спина безъ кожи тоже не могла оставаться. Тогда онъ вырѣзалъ кусокъ кожи съ бедра и залаталъ спину. Что именно налѣпилъ онъ на бедро — не сказано, но это и не важно. Я думаю, и сама кліентка махнула на него рукой. Не бѣда, если она вся въ заплатахъ. Главное, чтобы ухо было молодое.

Эстетическія операціи никого не смущаютъ.

Недавно, къ одному очень извѣстному врачу по внутреннимъ болѣзнямъ явилась молодая дама, которая спросила, можетъ ли ея организмъ вынести операцію. Ей нужно исправить форму груди. У дамы была хорошая фигура, и врача удивило ея желаніе.

— Ахъ, вы не знаете условій нашей жизни, — серьезно отвѣчала дама. — Для Европы моя фигура хороша, но я чилійка, я живу въ Чили, а у насъ часто бываютъ землетрясенія.

— Ну, такъ надѣньте лифчикъ потуже, если на то пошло, — посовѣтовалъ врачъ.

— Какой тамъ лифчикъ! — махнула рукой чилійка. — Во время землетрясенія принято

выскакивать изъ дому, кто какъ есть и даже всегда выбѣгаютъ еле-еле одѣтыя.

— А если землетрясеніе днемъ?

— Все равно. Одинаково.

— Ну, разъ такія серьезныя причины, такъ ужъ тутъ отговаривать трудно.

***

Красота, какъ оружіе самозащиты, признана прочно. Даже самые серьезные мужчины, искренне осуждающіе женщинъ за чрезмѣрное занятіе своей внѣшностью, и тѣ не могутъ устоять противъ этого закона самозащиты, и выражается онъ у нихъ въ видѣ робкаго, жиденькаго начеса отъ уха до уха, черезъ лысину.

Такъ защищается человѣкъ оружіемъ молодости и красоты.

О томъ, какъ человѣкъ защищается деньгами — разсказывать нечего. Это и такъ хорошо извѣстно. Но самозащита эта принимаетъ иногда такія формы, что не сразу и поймешь, что это орудуетъ именно она.

Вотъ, напримѣръ, какая-нибудь семья устраиваетъ у себя пріемъ, сзываетъ гостей.

Начинаются приготовленія.

«И дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ».

Да, именно. Фитили горятъ. Чистится квартира. Все обиходно-скверное припрятывается.

Врагъ не долженъ видѣть слабаго мѣста. Онъ направитъ на это слабое мѣсто огонь, и сраженіе проиграно.

Если на коврѣ пятно — на него ставятъ столикъ, кресло. Если на скатерти дыра — ее закрываютъ корзинкой съ печеньемъ, вазочкой съ цвѣтами. Купаютъ дѣтей и собаку, моютъ кота бензиномъ, чистятъ дверныя ручки и переворачиваютъ диванныя подушки свѣжей стороной наружу. Если въ домѣ водится какая-нибудь неэстетическая тетка съ флюсомъ, — ее запираютъ въ плакаръ.

Все вычищено, все прибрано, что нужно закуплено, на лицахъ звѣрски-напряженная улыбка: голыми руками насъ не возьмешь.

«И дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ».

А тѣмъ временемъ гости тоже вооружаются.

— Я не могу надѣть коричневое платье, — съ отчаяніемъ говоритъ мужу приглашенная дама. — Я въ немъ была уже два раза.

И мужъ тоже понимаетъ, что это трудно, что это обнаруживаетъ нѣчто такое, въ чемъ признаваться нельзя, — отсутствіе лишнихъ денегъ.

— Накинь мѣхъ, будто холодно.

— А вдругъ у нихъ натоплено? Еще хуже, если догадаются, что я нарочно мѣхъ надѣла.

Мужъ вздыхаетъ. Что тутъ посовѣтуешь? Прямо хоть отказывайся отъ вылазки. Съ такимъ оружіемъ во вражескую крѣпость!

— Посмотрите, Сержъ, — говоритъ теща, — незамѣтно, что у меня рукава на локтяхъ блестятъ?

— Можетъ быть, лучше мамашѣ остаться дома? — испуганно шепчетъ женѣ Сержъ.

— Ну, знаешь, ихъ бабушка не лучше.

Мужъ вспоминаетъ «ихъ бабушку» и радостно констатируетъ, что это такая брешь въ укрѣпленіи, благодаря которой ихъ всѣхъ можно штурмомъ взять.

— Я разскажу имъ, какъ я въ ресторанѣ сидѣлъ почти за однимъ столомъ съ великимъ княземъ.

— И не забудь сказать, что ты передалъ ему свою зажигалку.

— Ахъ вѣрно. Я и забылъ.

— А они скажутъ, — вступила теща, — по ресторанамъ князьямъ зажигалки подаетъ, а женѣ приличнаго платья сшить не можетъ.

— Ну, я какъ-нибудь выкручусь, — героически рѣшаетъ жена.

Глаза у нея сверкаютъ. Она не сдастся живая.

— Я имъ скажу, что меня пригласила на все лѣто одна страшно богатая дама въ... куда?

— Шпарь — въ Италію, — рѣшилъ мужъ.

— На время жары на озерахъ, а то такъ въ Венеціи, — согласилась жена.

— Путешествовать на яхтѣ, — посовѣтовала теща. — Это еще шикарнѣе.

— Такъ надо все-таки условиться, а то такъ завремся, что все вылѣзетъ наружу.

— Собственно говоря, здѣсь даже особенной лжи нѣтъ. Вѣдь Маня приглашала меня на цѣлую недѣлю къ ней въ Медонъ. Ну, а здѣсь немножко дольше и не въ Медонъ, а въ Италію. Чего же тутъ уславливаться?

Передъ уходомъ оглядываютъ себя въ зеркало и осматриваютъ другъ друга.

— Перчатки не забыла?

— Почисти отвороты... Вотъ щетка.

— Боже мой! Съ мизинца лакъ слѣзъ. Подожди минутку.

— Мамаша, напудрите немножко носъ. Нельзя же такъ. Видъ такой, точно вы прямо изъ кухни.

— Такъ вѣдь оно и правда.

— Но совершенно лишнее, чтобы всѣ объ этомъ знали.

(Ружья прочищены. Пушки наведены. Затворы смазаны. Прицѣлъ взятъ. Недолетъ. Перелетъ. Ба-бахъ!).

— Идемъ.

Бой назначенъ на девять часовъ.

Все готово.

Штурмъ ведется съ нѣсколькихъ концовъ. Сердюковы, Лютобѣевы, Бабаносовы, Гринбаумъ (партизанъ-одиночка).

Идутъ. Пришли. Ворота крѣпости широко растворены. Но довѣрять не слѣдуетъ.

Мадамъ Бабаносова первая открываетъ огонь.

— Батюшки, какой шикъ! Въ передней и вазочка съ цвѣтами! А мы и въ гостиной то никогда не ставимъ. Петя не любитъ. Отъ цвѣтовъ, говоритъ, только лишній соръ и посторонній запахъ.

— Нѣтъ, отчего же, — вступаетъ мужъ (резервныя войска). — Я люблю цвѣты, но такіе, которые дѣйствительно украшаютъ — огромный букетъ хризантемъ, кустъ бѣлыхъ лилій.

— Ахъ, не люблю, — защищаетъ прорывъ хозяйка. — Лиліи слишкомъ сильно пахнутъ.

Тутъ супругъ Бабаносовъ выкатываетъ дальнобойное орудіе:

— А эти ваши нарциссики не пахнутъ? Разница только та, что лиліи пахнутъ лиліями, а эти нарциссики — конюшней. Ужъ вы, хе-хе-хе, не сердитесь.

— Ну, что вы, что вы! — вдругъ вступается партизанъ-одиночка, который при видѣ бутылки коньяку подло смѣнилъ вѣхи и перешелъ на сторону осаждаемыхъ. — Нарциссы любимые цвѣты японскихъ самураевъ.

Это партизану даромъ не проходитъ. — Поймать! Разстрѣлять!

У партизана въ семьѣ скандалъ. Мамаша сбѣжала съ парикмахеромъ.

— А какъ здоровье вашей матушки? — елейно-почтительнымъ тономъ спрашиваетъ Сердюковъ.

— Благодарю васъ. Она уѣхала на югъ.

— Что такъ?

— Просто немножко отдохнуть.

— Устала, значитъ? Впрочемъ, это очень благоразумно. Въ ея возрастѣ слѣдуетъ себя очень беречь.

У партизана забѣгали по скуламъ желваки. Онъ оборачивается къ ехидно улыбающейся женѣ Сердюкова и говоритъ почтительно:

— Вы, значитъ, тоже ѣдете на югъ отдохнуть?

Этимъ «значитъ» запалилъ ей прямо въ лобъ.

Лютобѣева немедленно подобрала трупъ Сердюковой и старается его оживить.

— Какое прелестное это ваше платье! Сейчасъ видно, что изъ хорошаго дома. И какая вы въ немъ тоненькая.

Сердюкова возвращается къ жизни. Но хозяйка дома не дремлетъ.

— Огонь! — командуетъ она сама себѣ, и говоритъ Сердюковой восторженно.

— Да, замѣчательно удачное платье. Я всегда на него любуюсь.

Убила. «Всегда»!

Но Сердюкова еще шевелится.

— Ахъ, я его безъ конца ношу. Навѣрное, всѣмъ уже надоѣло. Новыя платья висятъ въ шкапу, а я все треплю это и не могу съ нимъ разстаться. Мужъ говоритъ: «зачѣмъ же ты нашила себѣ столько новыхъ, разъ ты ихъ не носишь?».

Хозяйка въ отвѣтъ грустно улыбается, какъ врачъ, который смотритъ на агонію своего па-

ціента и знаетъ, что наука безсильна, а паціентъ все еще надѣется.

А въ это время между хозяиномъ и Бабаносовымъ идетъ крупный моральный мордобой. На тему испанской войны.

Бабаносовъ лѣзетъ на приступъ, хозяинъ поливаетъ его по старинкѣ съ крѣпостной стѣны кипяткомъ.

— Народъ не потерпитъ власти Франко! Испанія изойдетъ кровью! — кричитъ Бабаносовъ.

— А вашему сердцу дорогъ коммунизмъ? — шпаритъ его хозяинъ. — Вотъ не думалъ, что буду принимать у себя большевика!

— И такъ и будетъ, — не слушаетъ его и оретъ Бабаносовъ, одновременно переворачивая во рту бубликъ съ макомъ. — Такъ и будетъ! И не отгородитесь вы отъ жизни вашими цвѣточками и вазочками.

— Петя, оставь! — урезониваетъ его жена. — Симпатіи нашего милаго хозяина давно всѣмъ извѣстны.

— Да-съ. И хорошо, что извѣстны! — оретъ хозяинъ и вдругъ бахаетъ изъ орудія большого калибра. — По крайней мѣрѣ, никто не посмѣетъ сказать, что я большевистскіе векселя учитывалъ.

Бой идетъ долго по всему фронту, съ послѣднимъ метро аттакующіе отступаютъ, унося убитыхъ и раненыхъ. Дома зализываютъ раны.

— Въ общемъ, было довольно мило. Во всякомъ случаѣ, оживленно.

— Бабаносиха воображаетъ, что еще можетъ нравиться, съ ея носомъ, а ля хвостъ жареной курицы.

— Ужасная штука эти закрытые сандвичи. Никогда не знаешь, на что нарвешься. Мазанутъ кошачьей печенки и кушайте пожалуйста.

— Такъ все провинціально.

— Лютобѣева — какое-то ископаемое.

— Гринбаумъ тоже типикъ!

— Надо будетъ ихъ всѣхъ позвать на будущей недѣлѣ.

Праздникъ перемирія коротокъ. Враги готовятъ силы.

Занятно на этомъ свѣтѣ, господа.

Стрѣлокъ

*«Я хочу вамъ разсказать,
разсказать, разсказать...»
Стрѣлочекъ.*

Я хочу вамъ разсказать все. Вы только послушайте, такъ сами поймете. Конечно, есть такіе многіе даже среди насъ, которые отъ лѣни. Но я то не изъ такихъ.

Развѣ я работой гнушаюсь? Да я готовъ все что угодно и разстояніемъ не стѣсняюсь, — вызывай меня хоть въ Берлинъ — сяду и поѣду. Но одно долженъ сказать: хамства не выношу. Будь со мной почтителенъ, будь ко мнѣ внимателенъ и тогда можешь располагать моей рабочей силой. Но если ты барствуешь — не получишь ничего.

Вотъ, напримѣръ, позвали меня къ одному тутъ бобрикъ наколачивать. Нѣкто Швуръ. Ну, Швуръ такъ Швуръ. Мнѣ безразлично. Однако приглядываюсь — батюшки мои, да вѣдь онъ нашъ ярославскій! Лавка скобяная была. Такъ онъ сынъ этой лавки то. Яшка Швуръ. Подумать только — въ Парижѣ и квартира. Ну я, конечно, молчокъ, въ знакомство не лѣзу. А онъ носъ задралъ и приказываетъ:

— Обтяните мнѣ эту комнату малиновымъ, а переднюю зеленымъ.

Ну, знаете-ли, меня и взорвало.

— Прошу, говорю, мною не командовать. Я можетъ быть почище васъ, и работать у васъ за ваши паршивые полуфранки не намѣренъ. Желаю быть здоровыми.

Забралъ свои гвозди и ушелъ.

Я изъ себя аристократа никогда не выдѣлываю, но оскорблять себя не позволю. Я, можетъ быть, самаго извѣстнаго происхожденія, но хвастаться не желаю, какъ другіе. Здѣсь, какъ послушать, такъ всѣ въ канцеляріяхъ служили. За человѣка стыдно. Какъ же ты, такой сякой, въ канцеляріяхъ служилъ, когда у тебя даже приличныхъ потребностей нѣтъ. Проработалъ положенные часы у Рено, да и завалился спать. Да развѣ я такъ могу? Нѣтъ, извините, меня такая жизнь не удовлетворяетъ. Я долженъ пойти куда нибудь, потолкаться среди людей. Ну, зайдешь въ русскій ресторанчикъ, въ бистрошку, перекинешься словечкомъ, освѣжишь душу. Душа, она ищетъ отклика. Ну, иногда и перехватишь франчокъ-другой. Это тоже роднитъ съ человѣчествомъ.

Н-да, трудно жить чуткому человѣку. Денегъ ни гроша, выпить хочется.

Стою я разъ поздно вечеромъ на мосту Мирабо и смотрю въ воду. Вода черная и блеститъ, какъ вакса. Ну, думаю, есть же дураки, которые топятся. Да вотъ, заплати мнѣ хоть сто тысячъ — ни за что топиться не стану. Самая по-

ганая это смерть. Подумалъ я такъ, да и перегнулся черезъ перила, чтобы плюнуть. И вдругъ кто-то хвать меня за плечо. Оборачиваюсь — господинъ пожилой, приличный, одѣтъ чисто и весь трясется.

— Вы, говорю, чего хватаетесь?

А онъ лопочетъ:

— Умоляю васъ, остановитесь! Одумайтесь! Не приводите въ исполненіе вашего намѣренія!

Вотъ, думаю, какой надзиратель привязался, ужъ и плюнуть нельзя.

— Оставьте, говорю, меня. Не ваше дѣло, вы не ажанъ и никто мнѣ запретить не можетъ и закона такого нѣтъ.

А онъ знай трясется и тащитъ меня за рукавъ отъ перилъ подальше.

— Другъ мой, — лопочетъ, — что васъ на это толкнуло? Вы молоды, вы можете работать, грѣхъ приходить въ отчаяніе.

Тутъ я понялъ, чего онъ испугался. Однако, молчу. Жду, что будетъ дальше.

— Вы, — говоритъ, — можетъ быть страдаете отъ любви?

— Да, говорю, страдаю.

Думалъ, что это ему понравится.

Онъ вздохнулъ.

— Надѣйтесь, — говоритъ, — на время, время излечиваетъ всѣ раны. Я думалъ, что можетъ быть отъ нужды. Этому было бы легче помочь.

Тутъ я спохватился, что далъ маху.

— Да, говорю, это отъ лихой нужды, потому что коварная прелестница унесла съ собой всѣ

мои деньги и драгоцѣнности. Убѣжала съ офицеромъ. И ничего мнѣ больше не остается, какъ въ воду плюнуть.

Онъ чего то удивился.

— Вы, — говоритъ, — странно выражаетесь, но я вполнѣ понимаю ваше волненіе.

Ну, я времени терять не сталъ.

— Мнѣ, говорю, если возвращаться къ жизни, то обязательно нужно теплое пальто. Безъ пальто меня опять начнетъ манить къ себѣ бездна.

А онъ прямо такъ меня и не выпускаетъ, тащитъ за рукавъ.

— Пойдемте, — говоритъ, — ко мнѣ, я вамъ достану пальто.

Тогда я говорю — «Мнѣ сапоги нужны. Только на сапоги нужно мнѣ деньгами выдать, потому что у меня нога крупная и ваше какое нибудь тамъ старье на меня не налѣзетъ.»

А онъ все волнуется, волнуется и, наконецъ, протащилъ меня по мосту и вышли мы на улицу.

Тутъ онъ вздохнулъ и говоритъ:

— У меня въ прошломъ году племянникъ утопился, такъ я съ тѣхъ поръ ужасно разстраиваюсь, если кто топится.

Привелъ онъ меня къ себѣ, угостилъ виномъ, подарилъ пальто, денегъ далъ, положимъ, маловато, если принять во вниманіе, что онъ спасъ меня отъ смерти — всего пятьдесятъ франковъ. За такое дѣло, казалось бы, и тысячи не пожалѣешь. Ну, я спорить не сталъ — чего съ ду-

ракомъ связываться. Сталъ, конечно, къ нему захаживать за поддержаніемъ силъ. Онъ сначала давалъ франковъ по двадцать, потомъ сталъ съ цифры съѣзжать, доѣхалъ до пяти. Тутъ я ему письменно пригрозилъ самоутопленіемъ, если, молъ, онъ не понимаетъ своихъ обязанностей. Да и то сказать — я вѣдь его не просилъ возвращать меня къ ненавистной жизни. А разъ вернулъ — неси отвѣтственность. А онъ — эдакій нахалъ — совершенно пересталъ меня въ домъ пускать. Ужъ я ему писалъ, писалъ — надоѣлъ онъ мнѣ ужасно — молчитъ и только. Ну, пришлось его бросить. Мелкая душонка. Написалъ ему прощальное письмо, что, молъ, иду въ воду и на этотъ разъ ужъ не въ его силахъ остановить меня. Двѣ ночи подрядъ прогулялъ по мосту, все его поджидалъ. Такъ и не пришелъ. Эдакій гадъ! Больше всего меня всегда возмущаетъ въ людяхъ неблагодарность.

Есть тутъ одинъ старый генералъ. Онъ еще въ Россіи много намъ помогалъ, то есть родителямъ моимъ. Ну, а здѣсь бѣдствуетъ. Я его разыскалъ, заявился, такъ молъ и такъ, голодаю и все прочее. Такъ — можете ли повѣрить — отвалилъ два франка. Нѣтъ, по правдѣ говоря, иногда понимаешь, отчего старый строй прогнилъ и рухнулъ.

А вотъ еще разскажу вамъ исторійку. Эвакуировался я изъ Севастополя. На пароходѣ, конечно, ужасъ и хаосъ, и тамъ въ этомъ самомъ хаосѣ металась премилая дамочка. Не первой молодости, но однако ничего, и корзинка съ про-

визіей при ней. Ну я, какъ джентльменъ, конечно, всячески ей услуживаю, ночью на палубѣ подъ однимъ пледомъ грѣлись, ну и конечно врали другъ другу всякія интересности. Потомъ, однако, получилось, что вралъ то я одинъ, а она дѣйствительно оказалась женой банкира. Ну, я то въ грязь лицомъ не ударилъ и расписалъ себя такимъ героемъ, что даже у самого нервы не выдержали — зарыдалъ. Съѣли мы ея жаренаго пѣтуха, съѣли пироги съ капустой, шоколадъ сгрызли, а какъ высадились въ Константинополѣ, такъ вышло, что потеряли мы другъ друга изъ вида. Но, однако, я запомнилъ, что фамилія ея Хендъ. И вотъ, уже въ Парижѣ, встрѣчаю я какъ то одного пріятеля, который вмѣстѣ со мной тогда эвакуировался. Ну, конечно, жалуемся другъ другу на дѣла. А онъ вдругъ и говоритъ:

— А почему бы тебѣ не пойти къ мадамъ Хендъ, съ которой ты на пароходѣ любезничалъ? Она здѣсь въ Клариджѣ живетъ. Наши стрѣлки ея адресъ вызнали, да только ничего не вышло. Ну да ты другое дѣло, ты съ ней любезничалъ.

Ну, надо ли говорить, что на другой же день поперъ я въ Клариджъ. Смухинъ одолжилъ мнѣ шляпу. Ерохинъ перчатки, пальто гадово было еще свѣженькое. Пошелъ. Мнѣ этотъ шикъ, конечно, только для швейцара былъ нуженъ, потому что, имѣя опредѣленную цѣль, мнѣ элеганція совершенно не была кстати.

Прихожу. У нея, оказывается, цѣлый апартеманъ. Стою, жду. Дверь отворяется, выкатываются шариками двѣ собачки, за ними она, Хендша. Подтянутая, подмазанная.

— Ахъ, — говоритъ, — помню, помню. Однако, оглядываетъ меня съ неудовольствіемъ.

Ну, долго-ли, коротко-ли, изложилъ я передъ ней свое положеніе. Вмѣстѣ, говорю, мы страдали, теперь вы вознесены, а я гибну. Ну, словомъ — окажите пособіе.

Можете себѣ представить, она вдругъ до того удивилась, что я даже испугался — не брякнулъ ли я чего неподобнаго. Выпучила на меня глаза, жаба, жабой.

— Я, — говоритъ, — вѣроятно ослышалась? Или вы просто не понимаете, что говорите. Вы у меня просите денегъ? Да развѣ вы не видите, какъ я живу?

Я осмотрѣлся.

— Что-жъ, говорю, номеръ у васъ чистенькій, жаловаться нечего. Одѣты вы тоже ничего себѣ. Можетъ не такъ модно, я въ этомъ не понимаю, но однако у другихъ и того нѣтъ.

Тутъ она совсѣмъ оскотинилась.

— Номеръ чистенькій! Да имѣете ли вы понятіе, во сколько онъ мнѣ обходится! Три комнаты въ Клариджѣ! Туалетъ мой отъ Шанель. Да вамъ во снѣ не снилось, сколько за него заплачено.

— Такъ тѣмъ лучше, — говорю.

— Нѣтъ, — кричитъ, — не лучше, а хуже. Какъ же вы хотите, чтобъ я вамъ еще помогала,

когда у меня и безъ того столько тратъ. Очень жалко, что приказала васъ впустить. Вы только испортили воспоминаніе моей юности.

Ну, я потомъ далъ ея адресъ кое кому изъ нашихъ. Они ейному консьержу говорили, что они ея братья, а Васька Ерофѣевъ шепнулъ, что онъ ея незаконный сынъ.

Ни гроша, конечно, они съ нея не вытянули, но вѣдь иногда не такъ важны деньги, сколь важно торжество нравственности.

И забывать объ этомъ стыдно и даже грѣхъ.

Эхъ, люди, люди, человѣки! Посмотришь на васъ — эдакая вы мелочь!

Свѣтская жизнь

Коротенькій, пузатенькій господинъ, въ свѣтлыхъ гетрахъ, выскочилъ изъ лифта, засуетился, кинулся къ двери, потыкалъ въ замкѣ ключемъ, схватился за голову, бросился къ другой двери, отворилъ ее и вбѣжалъ въ переднюю.

— Соня! — крикнулъ онъ. — Что такое? Что?

На крикъ вышла изъ коридора Соня — пухлая, спокойная, неопредѣленныхъ лѣтъ, съ тщательно наплоенными волосами — ровными волнами, какъ грива у ассирійскихъ львовъ...

Соня лѣниво смотрѣла выпуклыми глазами и что то жевала.

Увидя ее, господинъ въ гетрахъ заволновался еще больше.

— Ну, чего ты стоишь? Чего ты ждешь? — закричалъ онъ. — Вино прислали?

— Прислали, — спокойно отвѣтила она и облизнулась.

— Столъ накрыли? Закуски поставлены? Букетъ! Букетъ! Букетъ! Гдѣ букетъ? Я съ ума сойду!

— Букетъ въ вазѣ, столъ накрытъ, все готово, — спокойно отвѣчала Соня и проглотила то, что жевала.

— Ну, такъ чего же ты стоишь? — вопилъ онъ. — Ну, двигайся, хлопочи, безпокойся! У нея все готово и она изволитъ преспокойно хлопать глазами. Это же форменный сумасшедшій домъ! И кто тутъ оретъ все время? Ахъ, да это я ору. И эта Карпа Софьевна! И о чемъ она думаетъ? И почему я одинъ долженъ за всѣхъ волноваться и терять голову?

— Еще только пять часовъ, а онъ придетъ въ семь — равнодушно сказала Соня и зѣвнула.

Онъ повѣсилъ свое пальто на вѣшалку.

— А что мамаша? — спросилъ онъ вдругъ трагическимъ тономъ.

— Мамаша? Мамаша ничего себѣ. Хотѣла надѣть розовое муаровое платье.

— Розовое? Муаровое? — въ ужасѣ воскликнулъ онъ. — Откуда у нея розовое муаровое платье?

— Съ Берточкиной свадьбы, еще съ японской войны.

— Вотъ кто насъ погубитъ! Твоя мамаша насъ погубитъ! Ну, неужели же ты не могла ее уговорить, чтобы она сидѣла у себя въ комнатѣ? Старая женщина, пережившая столько непріятностей, потерявшая домъ въ Минскѣ! Чего ей вылѣзать къ гостямъ, когда мы живемъ въ такое ужасное время и въ Америкѣ такой ужасный кризисъ? Всюду безработица. Зачѣмъ ей выходить къ гостямъ? Ей нуженъ спокойный ком-

фортъ въ собственной комнатѣ. Неужели ты не можешь ей это объяснить? Что тебѣ — не хватаетъ слова для разговора съ родной матерью? Тебѣ не жаль, что старушка разволнуется отъ гостей и окончательно растреплетъ себѣ нервы? Объясни ей это!

— Пойди объясни самъ. Что я сдѣлаю, когда она любитъ гостей? Она говоритъ, что если сидѣть дома и не развлекаться, то это уже не Парижъ.

— Ей нуженъ Парижъ!

Онъ поднялъ глаза и руки къ потолку какъ бы призывая небеса вмѣшаться, наконецъ, и прекратить это безобразіе.

— И если бы она еще молчала! Но вѣдь она будетъ говорить. Она любитъ говорить съ гостями. Она будетъ разсказывать, сколько мы заплатили за курицу и сколько за виноградъ и какъ ты ѣздила на центральный рынокъ, чтобы дешевле купить. Она будетъ говорить. Понимаешь ли ты, несчастная, что твоя мамаша будетъ говорить!

— Ну, что жъ? — флегматично пожала плечами жена. — Ты же знаешь, что она не можетъ молчать.

— Фатально! Она не можетъ молчать! Какъ Левъ Толстой!

Соня посмотрѣла на него пристально и сказала:

— Миня, будь человѣкомъ, пойди намочи себѣ голову съ водой и успокойся. Чего тутъ ужаснаго, что придетъ обѣдать господинъ Кулбасовъ,

когда курочка уже зажарена и готовъ русскій борщъ съ ватрушками и селедки двухъ сортовъ?

Миня вдругъ притихъ и задумался.

— Конечно, съ міровой точки зрѣнія — въ чемъ дѣло? Нѣкто Кулбасовъ придетъ отобѣдать къ Зигелю. Но Кулбасовъ человѣкъ нужный для Зигеля — вдругъ снова закричалъ онъ. — И Кулбасовъ человѣкъ высокаго ранга и Зигель хочетъ его принять прилично и произвести впечат-лѣ-ніе! Поняла? И гдѣ эта идій-отка, Софья Карповна, эта знатная дама, всю жизнь проведшая при высочайшемъ дворѣ въ станицѣ Баталпашинской? Для чего ее наняли? Для того, чтобъ она руководила свѣтскими порядками. А она что дѣлаетъ и въ такой ужасный моментъ?

— Она моетъ раковину въ умывальникѣ. Мамаша чего то туда такъ... Можетъ этотъ Кулбасовъ захочетъ помыть руки или что.

Миня схватился за голову и закружился какъ овца, которой залѣзъ клещъ въ ухо.

— Мамаша! Мамаша! Мамаша! — повторялъ онъ. — Дай мнѣ забыть про твою мамашу! Не напоминай мнѣ объ этомъ ужасномъ понятіи. Я чувствую, что она насъ погубитъ... «Мнѣ костію смерть угрожала». Слова великаго Олега. Гдѣ Карпа?.. Софья Карповна! Идите же сюда!

Большая, бѣлая, съ бѣлыми рѣсницами, обиженная и презрительная, вышла Софья Карповна.

— Ну, вы же одѣнетесь прилично? — звѣрски закрутилъ на нее глазами Миня. — Гости должны знать, что вы горничная, но не должны

знать, что вы же и кухарка. За кулисами вы — что хотите. Вы придворная дама, вы Софья Карповна, вы кухарка, вы менажъ де фаммъ, но при гостяхъ вы горничная. Приличная горничная, которая на мои приказанія отвѣчаетъ «вуй, мадамъ».

Софья Карповна опустила глаза, поджала губы и раздула ноздри.

— Мнѣ положительно даже смѣшно, Михаилъ Абрамычъ, васъ слушать. Повѣрьте, что я очень даже хорошо понимаю, какъ должна себя держать прислуга хорошаго дома. У насъ у самихъ было по четырнадцать горничныхъ, такъ что даже маменька и по именамъ ихъ путала. Четыре англичанки Мери, а сколько конюховъ — такъ даже вспомнить непріятно. Спросите у кого хотите. У повара пятнадцать человѣкъ помощниковъ и всѣ съ высшимъ образованіемъ.

— Ну, уже не волнуйтесь, не волнуйтесь, — успокаивала ее хозяйка и посмотрѣла на мужа многозначительно. (Видишь, молъ, что за персона передъ тобой).

Но персону не такъ легко было унять.

— Всѣ помѣщики намъ руки цѣловали. Спросите у кого хотите. По четыре раза въ день обѣдали.

— А курочка у васъ не пережарится? — желая отвлечь ее отъ величавыхъ воспоминаній, перебила хозяйка.

Софья Карповна метнула глазами молнію.

— У насъ по четыреста индюковъ откармливалось. Особые псари за ними ухаживали. На

дѣдушкины именины фаршировали павлиньими печенками и руки цѣловали... А вы думаете, я не сумѣю курицу зажарить! Конечно, вы въ правѣ оскорблять, но я умираю съ чувствомъ порядочности.

Она демонстративно высморкалась и пошла въ кухню.

— Видѣла ты этотъ номеръ? — растерянно спросилъ Миня. — Сорокъ тысячъ индюковъ. Ничего не понимаю. Четыре Мери. Слыхали вы что нибудь подобное? Или она идіотка, или я идіотъ. Другого ничего предположить нельзя. Надѣюсь, что она идіотка. Ой!

«Ой» было возгласомъ испуга, потому что дверь неожиданно открылась. Вернулась Софья Карповна.

— Слышала она или не слышала? — смятенно подумалъ Миня.

— Будьте добры дать мнѣ ключъ отъ сундука, — сказала она хозяйкѣ.

— Ключъ? Зачѣмъ?

— Ваша маменька просятъ достать имъ розовое муаровое платье.

Соня схватилась за сердце. Миня за голову.

— Я говорилъ! — трагическимъ шопотомъ воскликнулъ онъ. — Развѣ я не говорилъ? Она надѣнетъ розовое платье и придетъ разговаривать съ Кулбасовымъ. Все кончено.

Онъ опустился въ кресло и вытеръ лобъ платкомъ.

— Ну, чего же ты стоишь? — вдругъ крикнулъ онъ. — И чего вы обѣ стоите? Вы хотите,

чтобы старуха пришла въ розовомъ платьѣ, какъ цыганка изъ табуна? Ну, такъ придумайте что нибудь! Бѣгайте, хлопочите, вызывайте пожарную команду — что я знаю? Но надо же что нибудь придумать!

— Я скажу, что потеряла ключъ.

— Тогда она выйдетъ въ капотѣ или напялитъ мой фракъ. Вѣдь развѣ это обыкновенная старуха? У всякой семьи бываетъ старуха. Но это обыкновенныя старухи. А меня на этой старухѣ Богъ обсчиталъ. Пойди скажи, что обѣдъ отмѣняется, — прибавилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Такъ она уже была въ столовой и даже расковыряла всѣ сардинки.

— Боже мой, Боже мой! А время идетъ, а катастрофа назрѣваетъ... Чего вы выпучились на меня, Карпа Софьевна? Ну скажите же что нибудь. Ну какъ нибудь поступаютъ же у васъ въ придворныхъ сферахъ въ такихъ случаяхъ? Ну она опять скажетъ, что всѣ руки цѣлуютъ. Соня! Слушай! Пойди скажи мамашѣ, что обѣдъ будетъ въ девять, въ десять, въ полночь. Дай ей чего нибудь закусить. Видѣли ли вы когда нибудь такую исторію? Что я сдѣлалъ дурного? Убилъ кого нибудь? Ограбилъ? Выбралъ чекъ безъ провизіи? Ничего подобнаго. Я просто пригласилъ вполнѣ приличнаго Кулбасова покушать борща. Слушай ты, сонная дура! Если я съ тобой до сихъ поръ не развелся, такъ только потому, что у твоей мамаши капиталъ. Ой! Что я говорю? Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы

человѣкъ говорилъ своей женѣ такія вещи? И кто тутъ все время оретъ такъ, что можно съ ума сойти? Соня, поцѣлуй меня. Не вѣрь ничему. Я тебя никогда не брошу, потому что у твоей мамаши... Ффу! Мнѣ что то совсѣмъ худо.

— Софья Карповна, идите надѣньте передникъ, — спокойно сказала Соня. — Скоро семь часовъ. Онъ сейчасъ придетъ. Миня, сними гетры и помой руки.

Миня въ ужасѣ выпучилъ глаза:

— Уже? Уже-е? Бѣгу, бѣгу! Соня, помни, что его зовутъ Николай Кулбасовичъ, а не наоборотъ, — крикнулъ онъ уже изъ коридора.

Онъ еле успѣлъ содрать съ себя гетры, какъ въ передней раздался звонокъ.

Онъ махнулъ рукой на собственныя руки — гдѣ ужъ тамъ мыть! — и кинулся въ переднюю, такъ бурно, что чуть не сшибъ съ ногъ длиннаго, прилизаннаго и очень строгаго господина, передъ которымъ, свѣтски улыбаясь, стояла его жена и привѣтливо говорила:

— Милости просимъ, Николай Кулбасовичъ. Я такъ много о васъ слышала отъ моего мужа, и обѣдъ уже готовъ. Чрезвычайно пріятно будетъ покушать.

— Милости просимъ! Милости просимъ! — засуетился хозяинъ. — Запросто. Щи и каша. То есть щи и борщъ.

Онъ повернулся къ Софьѣ Карповнѣ и сказалъ барственнымъ тономъ:

— Горничная, скажите тамъ на кухнѣ, что можно уже отпускать обѣдъ.

Потомъ изогнулся передъ дверью, пропуская гостя впередъ, пропустилъ, поднялъ голову и замеръ.

— Около стола стояла мамаша и жевала булку, съ которой что то капало.

Мамаша ничуть не смутилась, очень весело закивала гостю и сказала:

— Уже? А мы васъ ждали только къ девяти. Ну ничего. Не стѣсняйтесь. Садитесь и кушайте.

И, вздохнувъ, прибавила:

— Ой, теперь все такъ дорого!

Ирочка

Въ дѣтствѣ ее называли Ирочкой и учили танцовать.

Почти въ каждой русской эмигрантской семьѣ есть танцующая Ирочка.

Совсѣмъ маленькія Ирочки подаютъ всегда очень большія надежды. Съ ростомъ Ирочек надежды слабѣютъ. Рѣдкая Ирочка дотягиваетъ до конца балетной школы и выходитъ на сцену.

Съ той Ирочкой, о которой я хочу разсказать, произошла нѣкая совсѣмъ неожиданная непріятность. Несмотря на усердное ляганье и прыжки, а, можетъ быть, и благодаря имъ, у нея стали катастрофически развиваться бедра. Въ гостиной, въ обычномъ длинномъ платьѣ, она казалась даже тоненькой, но стоило ей надѣть балетныя пачки, какъ весь ея силуэтъ мѣнялся. Доброжелатели смотрѣли на нее съ добродушной улыбкой, и даже приговаривали:

— Какая, однако, здоровая дѣвушка!

Словъ враговъ мы повторять не будемъ.

Балетная карьера Ирочки обѣщала трагическое завершеніе. Есть такія балетныя «полез-

ныя силы», которыхъ ставятъ въ грустно-граціозныхъ позахъ, обнявшись по двѣ, по три, гдѣ-нибудь около колоннъ въ то время, когда весь кордебалетъ отплясываетъ какіе-нибудь танцы поселянъ или роскошныя вакханаліи. Это бываютъ, большею частью, рослыя дѣвицы съ толстыми ногами и тяжелыми задами.

Вотъ къ такой группѣ неумолимая судьба предназначила самолюбивую Ирочку.

— Я не желаю учиться танцамъ, — сказала она испуганнымъ родителямъ. — У меня слишкомъ яркая индивидуальность. Я буду сама творить.

Ирочка держала родителей въ респектѣ, и они кромѣ удивленія и испуга никакія чувства выражать не смѣли. Они были бѣдные, они были неудачники, какъ могутъ они спорить съ этимъ удивительнымъ существомъ, съ двѣнадцатилѣтняго возраста дѣлающимъ имъ выговоры и замѣчанія.

Дома она держалась принцессой, случайно попавшей въ мѣщанскую семью.

— У тебя опять галстукъ свернулся жгутомъ, — цѣдила она сквозь зубы, презрительно глядя на отца. — Почему у тебя изъ ушей торчитъ какая-то шерсть? Это возмутительно и неприлично.

Матери она говорила:

— Я понимаю, что въ кухнѣ ты должна надѣвать передникъ. Но зачѣмъ же входить въ этомъ ужасномъ видѣ въ столовую, гдѣ я пью кофе? Меня тошнитъ отъ твоего вида.

Когда у матери бывала мигрень, она никогда не входила въ ея комнату.

— Я могу заразиться.

Она никогда не заходила въ кухню:

— Этотъ чадъ и паръ могутъ испортить мою кожу.

Когда съ балетной карьерой было покончено, она рѣшила придумать какое-нибудь другое примѣненіе своимъ артистическимъ силамъ, и для этого, прежде всего, стала изобрѣтать себѣ псевдонимъ. Кинематографическія дивы, обладающія невѣроятно-собачьими кличками, ее вдохновляли.

Имена — Трида Тельда, или Грида Мельда, или Мильтридъ Стриль, или Вента Болида. Каждый день являлось что-нибудь новое, небывалозвучное.

Кто-то сказалъ, что въ мірѣ искусства удачный псевдонимъ это уже половина успѣха. Какъ же не похлопотать о половинѣ успѣха?

Родители на совѣщаніе не приглашались. Они были сѣрые мѣщане, безъ фантазіи. Они только робко спрашивали:

— Ну, что, Ирочка, нашла что нибудь?

— Зачѣмъ вы называете меня Ирочкой, — шипѣла она, — когда я вамъ вчера сто разъ повторила, что меня надо называть Вернида да Пусси.

— Хорошо, Вернидочка, ты не сердись, — лебезила испуганная мать. — Я забыла, Пусочка.

Ирочка устало закрывала глаза и пожимала плечами.

— Мнѣ кажется, что она мечтаетъ о синема, — шопотомъ говорили другъ другу родители.

Но Ирочка затѣяла что-то другое. Она заперлась у себя въ комнатѣ, и слышно было какъ шуршитъ бумага.

Иногда она приглашала къ чаю какихъ-то международныхъ молодыхъ людей въ ослѣпительныхъ воротничкахъ на грязной шеѣ. Родителямъ было запрещено показываться, и мать, передавая сандвичи черезъ дверь, жадно ловила обрывки разговоровъ.

— Я отдала свою «новеллу» въ «Кандидъ», но врядъ ли я ее тамъ оставлю, — говорила Ирочка, пуская колечки дыма сжатыми въ бутончикъ губами, совсѣмъ какъ Марлена Дитрихъ.

Она принимала гостей въ золотой пижамѣ, полулежа на диванѣ. Встать она не могла. Ея бедра въ раззолоченномъ видѣ фатально напоминали золотой крупъ лошади съ римской статуи Виктора-Эммануила.

Международные молодые люди издавали почтительныя восклицанія на непонятныхъ языкахъ.

Потомъ сталъ приходить блѣдный піанистъ съ красными глазами и хроническимъ насморкомъ и сталъ брать меланхолически неразрѣшенные аккорды, часто разрывая ихъ торжествующимъ трубнымъ звукомъ сморканья. И подъ эту меланхолію и трубы Ирочка, облаченная въ старую турецкую шаль, босая и сердитая, плясала на полупальцахъ.

Родители пили чай на кухнѣ, стараясь не звякнуть посудой. Потомъ насталъ періодъ пѣнія.

Тотъ же піанистъ, но уже только подергивая носомъ, потому-что не смѣлъ трубить, аккомпанировалъ, а Ирочка громко и скверно выла «Пѣсни Билитисъ»...

— Cet-te nuit j'ai rêvé-é-é...

И мать на кухнѣ крестилась мелкими крестиками.

На столѣ въ гостиной появился номеръ никогда не виданнаго французскаго журнальчика, и въ немъ портретъ Ирочки съ пририсованными трехвершковыми рѣсницами. И, кромѣ рѣсницъ, въ журналѣ поражала замѣтка о томъ, что Ирочку зовутъ Гина Титида, что она талантливѣйшая представительница русской аристократіи, и что въ ея крови есть капля отъ Мазепы, жены Петра Великаго.

Потомъ Ирочка протанцовала на благотворительномъ балу въ пользу любителей кроликовъ тотъ самый танецъ, подъ который унылый піанистъ трубилъ въ носовой платокъ.

Въ отчетѣ о вечерѣ о ней написали: «Наша извѣстная соотечественница Тина Гигина съ обычнымъ бріо исполнила «Смерть Изольды» изъ «Пера Гинта».

Въ иллюстрированномъ журналѣ появился ея портретъ «Къ балу любителей кроликовъ».

Потомъ, черезъ знакомую теософку, она прочла въ датскомъ кружкѣ абстрактно мыслящихъ англичанокъ докладъ объ экстазѣ въ танцахъ.

Прочла она его на англійскомъ языкѣ, котораго совсѣмъ не знала, но переводъ ея доклада былъ съ большой энергіей состряпанъ однимъ изъ международныхъ молодыхъ людей. Докладъ имѣлъ большой успѣхъ у англо-русской аудиторіи, такъ какъ англичанки думали, что она читаетъ по-русски, а русскихъ предупредили, что докладъ будетъ сдѣланъ по-англійски. Никому не хотѣлось признаться, что ни слова не понялъ, и всѣ дружно аплодировали и благодарили.

Одинъ изъ международныхъ молодыхъ людей вдохновилъ старую богатую англичанку на устройство спеціальнаго вечера, гдѣ бы эта необычайная русская женщина Гвиріана Улла (таковъ былъ псевдонимъ Ирочки на этотъ случай) могла въ подобающей обстановкѣ воплотить въ жизнь свои идеи.

Англичанка восторженно закудахтала, и предоставила свой салонъ и своихъ друзей.

Пошли дѣятельныя приготовленія. Одинъ изъ международныхъ друзей сочинилъ музыку всю въ паузахъ. Во время этихъ паузъ Гвиріана топала ногами и махала руками, на которыя были надѣты башмаки съ каблуками. На ноги она напялила перчатки, набивъ пальцы ватой.

Въ программѣ было написано, что она красавица.

Зрители рѣшили, что это русскій фольклоръ, и шептали другъ другу на ухо «достоевски».

По окончаніи программы хозяйка и ея приближенные сочувственно жали руку исполнительницѣ и спрашивали, не было ли ей очень

жарко. Больше они ничего не могли придумать.

Послѣ этого вечера, Ирочка утвердила себя въ званіи красавицы и окончательно перестала разговаривать съ родителями.

О ней начали говорить. Говорили такъ:

— Да, она, конечно, красавица, хотя мнѣ лично она не нравится.

— Она выступаетъ только въ англійскихъ салонахъ.

— Въ ней есть какая-то недоговоренность, даже болѣе того, какая-то недодуманность. И это плѣняетъ.

Скептически настроенные люди говорили задумчиво:

— Очевидно, все-таки въ ней что-то есть, разъ всѣ съ ней такъ носятся.

При всемъ своемъ скептицизмѣ, они не догадывались, что носится то она сама, она одна.

Въ эту эпоху ея расцвѣта гастролировалъ въ Парижѣ русскій театръ художественныхъ миніатюръ.

И, вотъ, къ директору этого театра, въ сопровожденіи двухъ международныхъ юношей, направилась Ирочка.

— Ваша программа банальна, — процѣдила она. — Передайте мнѣ спички. Я хочу курить.

Директоръ выпучилъ глаза и передалъ спички.

— Я предлагаю вамъ номеръ, — продолжала Ирочка, — выражая и лицомъ и фигурой глубокое отвращеніе къ своему собесѣднику. — Слушайте меня внимательно. Музыка Эдуарда

Сифайда. Вы, конечно, его не знаете. Это композиторъ завтрашняго дня. Декораціи Инаффа. Если не знаете, то стыдно. Два огромныхъ голыхъ негра синеватаго оттѣнка выносятъ меня на золотомъ подносѣ. Костюмъ Крэда, само собою разумѣется... Я спрыгиваю съ подноса и... и что нибудь дѣлаю. Вотъ и все.

— Гм... — призадумался директоръ. — А что же именно вы дѣлаете?

Ирочка пожала плечами:

— Что нибудь.

— Но что же именно? — уперся директоръ. — Надо же знать, что: печете пирогъ съ капустой, что ли?..

Ирочка раздула ноздри, встала и вышла изъ комнаты. Испуганные международные юноши метнулись за нею.

Вечеромъ директоръ разсказывалъ, смѣясь, объ этомъ посѣщеніи.

— Что вы надѣлали, — остановилъ его одинъ шустрый журналистъ. — Вѣдь это же была сама Трина Гельди, красавица и вообще замѣчательное явленіе.

— Я же не зналъ, — что она красавица, — растерялся директоръ. — Мнѣ никто не потрудился объ этомъ сказать. И вообще я ничего не понялъ.

— Это все оттого, что вы не чувствуете Европы, дорогой мой.

— Можетъ быть, можно еще поправить дѣло, — смущенно пробормоталъ директоръ.

Но дѣла поправить уже не удалось. Трина Гельда нашла менаджера, который повезъ ее въ Америку.

— Что же она будетъ дѣлать?

— Что нибудь. Что именно, — это уже не важно.

Мусенька

Конецъ сезона.

Курортная публика допиваетъ свои послѣдніе цѣлебные стаканы.

Оркестръ подбодряетъ больныхъ, какъ умѣетъ, смертью Изольды.

Николай Алексѣевичъ пробирается между столиками, ища свободнаго мѣста. Онъ только что пріѣхалъ отдохнуть и полечиться и съ любопытствомъ поглядываетъ по сторонамъ. Онъ желтый, усталый и, какъ всѣ желтые и усталые, самъ не знаетъ чего ему собственно говоря хочется — тишины и спокойствія, или, наоборотъ, веселаго общества. Отъ тишины — тоска, отъ общества — скука. Что полезнѣе?

— Николай Алексѣевичъ! — окликнули его.

— А-а! — сдѣлалъ онъ радостно-удивленное лицо, хотя въ точности не могъ опредѣлить кто именно его окликнулъ.

— Николай Алексѣевичъ! — окликнули, — къ намъ. У насъ свободный стулъ. Позвольте познакомить съ женой. Мусенька, Николай Алексѣевичъ э-э-э...

— Вихоревъ, — сказалъ Николай Алексѣичъ.

Мусенька, молодая нарядная дама, повернула къ нему голову и посмотрѣла съ непріятнымъ удивленіемъ. Вихоревъ, впрочемъ, тутъ же понялъ, что это непріятное удивленіе его не касалось, а относилось къ какимъ-то личнымъ мусенькинымъ дѣламъ.

Мусенькинъ мужъ растерянно улыбнулся и по этой улыбкѣ Вихоревъ сразу его узналъ. Это былъ докторъ Фуртъ. Семенъ Арнольдовичъ Фуртъ.

— Сема, — сказала Мусенька. — Ты не помнишь, который стаканъ воды я выпила?

— Не знаю, голубчикъ, — отвѣчалъ Фуртъ. — Я не считалъ.

— Ты никогда ничего не знаешь! — съ упрекомъ сказала Мусенька. — Онъ никогда ничего не знаетъ! — обернулась она къ Вихореву. — Это прямо замѣчательно. Вамъ, какъ писателю, это будетъ очень интересный типъ. Вы съ него прямо четырнадцать томовъ напишите. Прямо смотрите на него и пишите. Шестнадцать томовъ.

— Да я вовсе не писатель, — сказалъ Вихоревъ. — Я химикъ.

— Ну это не есть оправданіе, — бойко подхватила Мусенька. — Почему-же, если по образованію химикъ, такъ нельзя быть писателемъ? Очень часто бываетъ, что образованные люди пишутъ. Сема, гдѣ мой лорнетъ?

— Не знаю, голубчикъ, — робко отвѣчалъ Фуртъ. — Должно быть у тебя въ сумочкѣ.

— Онъ никогда ничего не знаетъ! А если его въ сумочкѣ нѣтъ?

— Да ты сначала посмотри, можетъ быть и тамъ.

Мусенька порылась въ сумочкѣ.

— Онъ, дѣйствительно, тамъ. Сама не знаю, почему, но онъ тамъ. Но отчего нѣтъ моего кошелька? Куда дѣвался мой кошелекъ?

— Кошелекъ? — съ удивленіемъ спросилъ Фуртъ. — Да ты посмотри хорошенько въ сумочкѣ.

— Онъ еще будетъ меня учить какъ я должна смотрѣть! Ты меня прости, но ты — форменный дегенератъ. Почему ты не знаешь гдѣ мой кошелекъ? Мы вмѣстѣ вышли изъ дому, почему же ты не замѣтилъ, куда я положила кошелекъ?

— Можетъ быть онъ остался въ другой сумочкѣ?

— Почему въ другой? Я же сразу послѣ завтрака надѣла это платье, значитъ взяла эту сумку.

— Да, но кошелекъ... — бормоталъ Фуртъ явно для того, чтобы что-нибудь бормотать для выраженія сочувствія.

Мусенька устало закрыла глаза и вздохнула.

— Вѣчно одно и то же. Возьми мой стаканъ и принеси мнѣ еще воды.

— А гдѣ же твой стаканъ?

— Какъ гдѣ? Здѣсь... А дѣйствительно, гдѣ-же онъ? Я же только что пила воду. Николай Алексѣевичъ, вы свѣжій человѣкъ, вы не видали моего стакана?

— Хоть и свѣжій, но не видалъ, — пошутилъ Вихоревъ.

Шутка успѣха не имѣла.

— Сема, чего же ты ждешь? — съ упрекомъ обратилась она къ мужу. — У меня пропалъ стаканъ, а ты ждешь?

— Я не знаю, Мусенька, — бормоталъ Сема. — Ей Богу я не знаю гдѣ онъ.

— Онъ не знаетъ! Ты же никогда ничего не знаешь! Ну такъ дѣлай что-нибудь! Пойди спроси у дѣвицы, которая наливаетъ воду, зайди въ дирекцію, наконецъ, купи новый стаканъ. Дѣлай что-нибудь. Нельзя же такъ!

Сема вздохнулъ и всталъ.

— Прежде всего, конечно, купишь новый стаканъ, — сказалъ онъ и уныло зашагалъ вдоль по колоннадѣ.

Мусенька грустно покачала головой.

— Вы давно знаете Арнольда Семеныча? — спросила она.

— Кого?

— Арнольда Семеныча.

— А кто это Арнольдъ Семенычъ?

— Какъ, кто? Мой мужъ! Какой вы странный!

— Вашего мужа, насколько мнѣ извѣстно, зовутъ Семеномъ Арнольдовичемъ?

— Да что вы! А, впрочемъ, совершенно вѣрно. Я слегка спутала. А вотъ и онъ... Слушай, Сема, меня всетаки безпокоитъ исторія съ кошелькомъ. Ты бы пошелъ домой, посмотрѣлъ не лежитъ-ли онъ на комодѣ. Нельзя быть такимъ безпечнымъ. У меня тамъ порядочно денегъ. Да

я вообще терпѣть не могу разгильдяйства. Ты пойди, а мы съ господиномъ писателемъ подождемъ тебя здѣсь. Знаете? — обернулась она, я обожаю ваши произведенія. Ваши романы у меня буквально на всѣхъ столахъ, на всѣхъ стульяхъ. И вамъ не стыдно, что вы до сихъ поръ ни одной строчки не посвятили мнѣ?

— Я же имѣлъ честь докладывать вамъ, что я не писатель.

— Ахъ, пустяки. Вы это просто изъ скромности. Ну, иди же, Сема, чего же ты ждешь?

— Знаете, другъ мой, — сказала она, выждавъ, чтобы мужъ отошелъ. — Пока его нѣтъ мы съ вами сбѣгаемъ на почту. Я почти увѣрена, что я забыла кошелекъ именно тамъ. Пойдемте. Я свои письма всегда пишу на почтѣ. Терпѣть не могу, когда мужъ заглядываетъ. Я вчера послала очень интересную открытку одному дурачку въ Ліонъ. Вамъ, какъ поэту, это должно понравиться. Понимаете, — видъ нашего казино, а подпись... «А я и здѣсь люблю тебя какъ море». Понимаете? Моря никакого нѣтъ, а «люблю какъ море». Правда красиво? Вездѣ люблю какъ море. Куда ни кинь, все клинъ.

— Да вы, Марья... Николаевна? Да?

— Ахъ, что за пустяки. Зовите просто Мусей. Всегда была для васъ Мусей и вдругъ... Ну вотъ и пришли.

— Да это же не почта. Это ванное заведеніе.

— Ванное? Что за чудеса. Какъ же я отсюда отправила телеграмму?

— Значитъ не отсюда.

— Какой у васъ ужасный характеръ. Ну чего-же тутъ дурного, что мы зашли въ ванное заведенiе. Я заодно узнаю, не забыла-ли я здѣсь часы, Евгенiй Николаевичъ...

— Николай Алексѣевичъ, — поправилъ Вихоревъ.

— Ну все равно. Пусть такъ. Я же не спорю. Такъ вотъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, если вы дѣйствительно любите меня, какъ увѣряете, окажите мнѣ услугу, зайдите въ бюро, спросите про часы. Ну, что вамъ стоитъ?

Вихоревъ пожалъ плечами и пошелъ въ бюро.

— И заодно про перчатки, — крикнула вслѣдъ Мусенька. — Бѣлыя съ синимъ. Брошку ужъ все равно не вернутъ. Я уже три раза спрашивала.

Ни часовъ, ни перчатокъ не оказалось. Отправились на почту.

— Надо торопиться, Сергѣй Андреевичъ, — строго говорила Муся. — Я не хочу, чтобы мужъ дожидался.

— Меня зовутъ Николай Алексѣевичъ — раздраженно поправилъ Вихоревъ.

— Ну, ну, не сердитесь, дорогой Сергѣй Андреичъ. Я же знаю, что васъ зовутъ Николай Алексѣичъ. Ну-съ такъ вотъ что, Сергѣй Андреичъ, вы сами спросите здѣсь насчетъ моего кошелька. Мнѣ неловко. Они тутъ всѣ такiе дураки, ничего не понимаютъ, что имъ говоришь. Ужъ кажется могли бы привыкнуть. Я почти каждый день что-нибудь ищу.

Вихоревъ сердитый и мрачный справился въ отдѣленіи, гдѣ продаютъ марки. Тамъ ничего не нашли.

— Надо же и на постъ-рестантъ справиться, какой вы небрежный! — обидѣлась Мусенька.

Справился и тамъ.

— А на телеграфѣ? — очень строго спросила она.

Тамъ тоже ничего не было.

— А не забыли за одно спросить и про перчатки?

— Да вы же мнѣ ничего не сказали.

— Такъ вѣдь не трудно было и самому догадаться? — съ холоднымъ упрекомъ сказала Муся. — Разъ ихъ нѣтъ въ ванномъ заведеніи, вполнѣ логично было-бы поискать ихъ здѣсь. Ну да, все равно. Скажите, Сергѣй Андреичъ, отчего мужчины всѣ такіе безтолковые?

Вихоревъ хотѣлъ было снова протестовать противъ «Сергѣя Андреевича», да сразу же и передумалъ.

Очевидно, она прочно на этомъ утвердилась и сбить ее съ этой позиціи было бы трудно.

— Интересно, нашелъ-ли Сема мой кошелекъ? Онъ такой растяпа — ничего ему нельзя поручить. Только бы не полѣзъ въ комодъ. Тамъ лежатъ письма одного дурачка. То, что не нужно, онъ всегда живо находитъ, и при этомъ еще позволяетъ себѣ выражать неудовольствіе. Точно я виновата, что по мнѣ сходятъ съ ума. Я же не поощряю. Я люблю мужа и вѣрна ему одному.

— А открытка про море?

— Такъ это же не серьезно. Просто пришла въ голову поэтическая фраза. Я потомъ скажу этому дурачку, что просто пошутила. И потомъ тамъ его имени нѣтъ, такъ что можно подумать, что это относится къ Казино. Понимаете? Что я люблю Казино, какъ море. Это очень, очень тонко.

— А адресъ-то вѣдь его?

— Адресъ? А и правда — какой-же я адресъ написала? Я сейчасъ совсѣмъ не помню его адреса. Но, очевидно, тогда вспомнила. Ахъ!

Она вдругъ остановилась и схватила себя за голову.

— Что?

— Зонтикъ! Куда вы дѣвали мой зонтикъ?

— Да я его и въ руки не бралъ.

— Въ такомъ случаѣ — куда я дѣвала свой зонтикъ? Когда мы шли въ ванное заведенiе, онъ былъ у меня въ рукахъ. Куда же онъ дѣвался. Я васъ спрашиваю, куда дѣлся мой зонтикъ? Ну чего-же вы стоите? Бѣгите на почту, спросите, не видалъ-ли кто-нибудь?

— Ну, знаете, дорогая моя, какъ хотите, а я больше на почту не пойду.

— Очень любезно, нечего сказать. Ну, въ такомъ случаѣ, зайдемъ въ ванное заведенiе. Можетъ быть я тамъ оставила. Заодно спросимъ про губную помаду. Это уже навѣрное у нихъ. Я забыла вамъ напомнить, когда вы справлялись о часахъ. Кстати, который часъ?

— Безъ пяти семь.

— Боже мой! Черезъ пять минутъ воду закроютъ. Бѣжимъ скорѣе, а то мы мужа не найдемъ. Какой вы медлительный! Гдѣ моя сумка? Куда вы дѣвали мою сумку? Нѣтъ, это что-то прямо...

— Да вотъ же она у васъ въ рукѣ!

— Въ какой рукѣ? Ахъ, да, вотъ. Ну, чего-же вы кричите? Кричитъ, волнуется, а она у меня въ рукѣ. Идемте-же скорѣе. Сема ждетъ, я не хочу, чтобы онъ волновался.

— Да вотъ это не онъ-ли идетъ?

Фуртъ, сіяющій, лукавый, издали дѣлалъ имъ привѣтственные знаки.

— Сема! Нашелъ кошелекъ?

Фуртъ подошелъ, протянулъ руку и, совершенно неожиданно для Вихорева, ущипнулъ жену за щеку.

— Видѣли идіота? — выпучила она глаза.

— Плутовка! — радовался Фуртъ. — Не подписалась! Смотрите, — обернулся онъ къ Вихореву. — Написала мнѣ анонимное письмо. «А я и здѣсь люблю тебя какъ море»...

— Отдай! — крикнула Мусенька въ ужасѣ и, вырвавъ у него открытку, долго водила по ней выпученными глазами.

— Что та-ко-е?.. М... Мосье Фуртъ... пансіонъ Куполь... Мм... Какъ-же это могло?... Ну, чего ты скачешь? — прикрикнула она на мужа. — Съ тобой буквально все всегда перепутаешь! Ну, перестань! Только раздражаешь. Ну, пойдемте же, Евгеній Ардальонычъ, то есть Сергѣичъ... Сема, гдѣ мой лорнетъ?

На своихъ гвоздяхъ

Каждая птица вьетъ себѣ гнѣздо.

Для гнѣзда птица собираетъ прутики, чего то тамъ покрутитъ, поплюетъ, какъ полагается, и готово.

Человѣкъ самъ гнѣзда вить не умѣетъ. Человѣкъ зоветъ архитектора. Архитекторъ покружитъ, поплюетъ и ничего не готово. Человѣкъ долженъ потомъ самъ соображать и мучиться, и прибивать, и обивать, и налаживать.

Архитектора даютъ человѣку много заботъ и горя.

Въ Парижѣ архитектора помѣшаны на дверяхъ. Чуть гдѣ кусочекъ стѣны больше метра, тотчасъ парижскій архитекторъ прорѣзываетъ двери. Намъ приходилось встрѣчать квартиры, гдѣ изъ одной комнаты въ другую пробиты въ стѣнѣ двѣ двери рядомъ, съ простѣнкомъ одинъ шагъ шириной. Случалось видѣть и три двери рядомъ, выходящія въ тотъ же коридоръ.

Чѣмъ оправдать подобныя выходки, эту дверећанію?

Ему, архитектору, ничего не угрожаетъ. И, конечно, зачѣмъ ему сдерживать свои страсти?

И вотъ, несчастный квартиронаниматель остается при трехъ дверяхъ въ безвыходномъ положеніи (это каламбуръ самой судьбы). Что съ ними дѣлать. Завѣсить? Задѣлать? Замазать?

Впрочемъ, нашъ разсказъ прямого отношенія къ этому безвыходному положенію не имѣетъ и затронули мы его въ силу ассоціаціи, потому что тема нашего разсказа — нѣкая новая квартира, нуждающаяся въ ремонтѣ.

Итакъ:

Переѣхала дама на новую квартиру, рѣшила кое что подправить и понадобился ей для этого дѣла маляръ.

Такъ какъ дама была русская, то, натурально, и маляра надумала позвать русскаго.

Оказалось, что такихъ сколько угодно. Кто-то живо далъ адресъ, кто-то написалъ, кто-то куда-то сбѣгалъ, и, словомъ, долго ли коротко ли, а недѣли черезъ двѣ маляръ явился.

Былъ это человѣкъ среднихъ лѣтъ, рыжій, блѣдный, съ жиденькой бороденкой. Обликъ былъ у него такой, какъ будто кто-то тащитъ его за бороденку внизъ. Кожа подъ глазами оттянута, все лицо опущено, лобъ выпяченъ. Выраженіе лица получается, будто онъ бодаетъ. Когда говоритъ, брови шевелятся трагически и мудро. Онъ дуракъ.

— Вотъ, голубчикъ, — сказала дама, — я бы хотѣла, чтобы вы выбѣлили въ этихъ двухъ комнаткахъ потолки. Можно?

Онъ саркастически улыбнулся.

— Отчего же нельзя? Конечно, можно. Кто же можетъ запретить потолки бѣлить? Только стоитъ ли. Они все равно потомъ запачкаются.

— Такъ вѣдь не сразу же запачкаются, — возразила дама.

— А вамъ ужъ непремѣнно сразу! — Сразу не запачкаются. Потомъ запачкаются. Такъ стоитъ-ли того?

— «На время не стоитъ труда», — мелькнуло у дамы въ головѣ, — «А вѣчно... невозможно». Какой, однако, байронизмъ!

— А сколько вы возьмете, чтобы выбѣлить эти два потолка?

Малярь тяжело вздохнулъ, задралъ бороденку кверху, крякнулъ и сказалъ:

— Да что взять-то? Это вамъ должно обойтись франковъ въ восемьсотъ. То-то и оно.

Сказалъ и отвелъ глаза въ сторону, точно застыдился.

— Да что вы, голубчикъ! — ахнула дама. — Почему же такъ дорого?

— Это не дорого, — внушительно отвѣчалъ малярь. — Это очень даже дешево. Тутъ однихъ бѣлилъ пойдетъ франковъ... франковъ на шесть. То-то и оно.

— Ничего не понимаю, — растерялась дама. — Бѣлила стоятъ шесть. Значитъ, вы за одну работу берете семьсотъ девяносто четыре франка! Сколько же времени вы разсчитываете работать?

— А это ужъ мы разсчитать не можемъ. Тутъ дня три провозиться надо.

— А сколько же вы берете за часъ?

— Пять франковъ. Конечно, другіе берутъ четыре, но я, какъ работаю на своихъ гвоздяхъ, такъ и беру пять.

— Да какіе же вамъ понадобятся гвозди, чтобы потолокъ бѣлить?

Онъ иронически улыбнулся.

— Конечно, для побѣлки гвоздей не нужно. Но такъ какъ мы и столяры, и обойщики, такъ значитъ на кругъ и работаемъ на своихъ гвоздяхъ.

— Ничего не понимаю, но, да ладно. Значитъ, вы берете пять франковъ въ часъ. Сколько часовъ въ день вы работаете?

— Часовъ восемь работаемъ. И все на своихъ гвоздяхъ.

— Ладно. Значитъ, сорокъ франковъ въ день. За три дня, значитъ, сто двадцать. А вы говорите восемьсотъ!

— А бѣлила? Бѣлила вы ужъ нипочемъ не считаете?

— Такъ вы сами сказали, что бѣлилъ пойдетъ на шесть франковъ.

— Да и того не будетъ. На четыре.

— Ну, такъ тѣмъ болѣе.

— Такъ вѣдь то по часамъ, это совсѣмъ другой разсчетъ. А вы не по часамъ нанимаете, а хотите, чтобы сдѣлано, да еще на своихъ гвоздяхъ.

— Опять вы съ вашими гвоздями!

— Такъ мы же обойщики. Какъ же мы можемъ безъ гвоздей? Безъ гвоздей ничего не обобьешь. Сами бы попробовали. Это дѣло понимать надо.

— И потомъ, почему вы берете по франку въ часъ на гвозди? Неужели такъ много надо гвоздей?

— Тутъ опять таки другой расчетъ, къ вашей же выгодѣ. Какая же это работа будетъ, если я за каждымъ гвоздемъ долженъ буду бѣгать? Это уже не работа. Это вы мнѣ сами скажете, — я, молъ, плачу, а отъ васъ только пятки видно. Какъ, молъ, ни хватишься, а все выходитъ, что вы за гвоздемъ побѣжали. А того разсудить, конечно, не сможете, что иной разъ и лавочки по близости нѣту, и изволь за каждымъ гвоздемъ черезъ рѣку переть на ту сторону. Небось, тоже вамъ не пондравится.

— Боже мой, какъ все это нудно. Да купите сразу пачку гвоздей, какихъ нужно, да и ладно. И толковать больше нечего.

— Пачку-у? Ладно. Я куплю пачку, а у меня уйдетъ полъ-пачки, а то и одна треть. Это вамъ небось тоже не понравится.

— Такъ вѣдь мнѣ не на семьсотъ франковъ убытку будетъ, отъ этой пачки гвоздей.

— На семьсотъ франковъ?

Онъ даже отвернулся отъ отвращенья къ человѣческой тупости.

— На семьсотъ франковъ ей гвоздей покупай!

Дама обидѣлась:

— Съ вами совершенно нельзя разговаривать.

Онъ покрутилъ бороденку и сказалъ:

— Только всѣ эти обои ободрать придется.

— Да что вы. Дорогіе новые обои. Зачѣмъ ихъ обдирать?

— А какъ же я бѣлить буду. Я все какъ есть кругомъ перегажу.

— А какъ же мнѣ на старой квартирѣ французъ бѣлилъ. Закрылъ стѣны бумагой и ровно ничего не запачкалъ.

Онъ оскорбительно усмѣхнулся.

— Францу-узъ? Такъ французъ и есть французъ. Французъ развѣ что нибудь понимаетъ. Идите къ французу такъ онъ вамъ въ одинъ день все побѣлитъ, да еще въ ножки поклонится.

— Ничего не понимаю! — раздраженно сказала дама. — Значитъ вы сами признаете, что французъ работаетъ скорѣе и беретъ дешевле.

— А вотъ пойдите и попробуйте. Я ничего не говорю. Можетъ онъ и совсѣмъ задаромъ все сдѣлаетъ. Развѣ я что говорю? Я только говорю — пойдите и попробуйте, а потомъ и будемъ разговаривать.

— Господи! — застонала дама. — У меня прямо начинается сердцебіеніе! Что вы тамъ такое городите. Мнѣ нужно побѣлить потолки. Вы заламываете ни съ чѣмъ несообразную цѣну и при этомъ говорите, что французъ сдѣлаетъ скорѣе и дешевле. Я спрашиваю объясненія, а вы говорите, какія то загадочныя вещи. Что же

французы не умѣютъ какъ слѣдуетъ бѣлить, что-ли?

— А я, госпожа, за нихъ не отвѣтчикъ, — съ достоинствомъ произнесъ малярь, приподнялъ брови и отвернулся.

Дама промолчала, сознавая свое безсиліе и, чтобы взять себя въ руки, перемѣнила разговоръ.

— Вотъ здѣсь у меня занавѣска въ двухъ кускахъ. Я хочу ее повѣсить вотъ въ эту арку, чтобы можно было задергивать по желанію.

Маляръ разглядѣлъ занавѣску.

— Въ сборку, значитъ? — дѣловито спросилъ онъ.

— Ну да, вы же видите.

— А я вамъ посовѣтую одну половину совсѣмъ спрятать, а повѣсить только половину. Натянуть, значитъ, вгладь.

— Такъ вѣдь это же будетъ страшно безобразно.

— Да ужъ конечно. Ужъ какая же тутъ красота. Натянуть вгладь, ровно барабанъ.

— Такъ у меня же два куска, спеціально сдѣланные для этой арки. Зачѣмъ же я буду вѣшать одинъ.

— А другой припрячьте. На что нибудь пригодится.

— Совершенно отказываюсь васъ понимать! — чуть не плача говорила дама. — Я затратилась, купила красивую матерію, сдѣлала раздвижную, изящную драпировку въ сборку, а вы мнѣ совѣтуете натянуть половину, изуродовать ком-

нату, а другую половину для чего то припрятать.

Онъ пожалъ плечами.

— Извините, госпожа, я имѣлъ въ виду ваши интересы. Что же такъ то ухлопать все. А тутъ кусочекъ припрятали, онъ всегда можетъ пригодиться, на какія нибудь подѣлочки, либо на тряпочки. Тѣмъ болѣе, матерія солидная, новая, прочная. Дорогая матерія. Такую дешево не купишь.

— Ну, довольно, ради Бога!

— Мое дѣло сторона. Я, конечно, долженъ посовѣтовать, какъ обойщикъ.

— Мнѣ еще стулья надо перебить. Такой же матеріей, какъ занавѣска. Видите — у нихъ обивка совсѣмъ не подходящая, да и надоѣла.

— Гмм... Перебить то конечно можно, отчего не перебить. А какъ вамъ не пондравится, тогда что?

— Почему же не понравится. Я же вамъ говорю, что старая обивка не подходитъ и надоѣла. Понимаете? Старая мнѣ не нравится. Мнѣ нравится новая. Поняли?

— Я отлично все понимаю. А только какъ вамъ потомъ не пондравится, тогда что мы заведемъ?

— Боже мой! — бзвизгнула дама. — Я у васъ спрашиваю — можете вы обить эти стулья и больше ничего. Впрочемъ, лучше вы сейчасъ уйдите, а я потомъ вамъ напишу. Потомъ напишу и назначу, когда придти.

— Стало быть такъ. На своихъ гвоздяхъ. Потому что для васъ же, госпожа, это выгоднѣе. А то пошелъ человѣкъ за гвоздемъ, да и пропалъ на четыре часа, а вы плати.

— Да довольно ужъ, довольно, довольно!

— И вотъ еще, къ слову сказать. Не извѣстно-ли вамъ, какъ римскій папа, признаетъ ли онъ нетлѣнныя мощи или нѣтъ?

— Что-о? — даже испугалась дама. — Папа? Мощи? При чемъ здѣсь.

— Это я такъ просто потому, что къ слову пришлось. Я вообще этими вопросами занимаюсь. Я уже, между прочимъ, спрашивалъ у одного тутъ человѣка. Такъ онъ мнѣ просто въ ухо далъ. Напившись былъ. Я не обижаюсь. Такъ, значитъ, адресокъ мой у васъ есть? А то мы скоро переѣдемъ къ самому метро. Къ Северу Длякуръ.

Счастливо.

Сердцевѣдки

— А вы, милая моя, давно въ гардъ-малядахъ?

— Я то? Я давно. Я еще въ Россіи по малядной части работала. А вы?

— А я, милая моя, всю войну продѣлала. Теперь вотъ здѣсь девятый годъ. Да вотъ силы уходить стали, устаю.

— Ну, конечно. Еще бы не устать. Развѣ мы къ больному такъ относимся, какъ здѣшнія, заграничныя. Мы больному всю душу отдаемъ. Не доѣшь, не доспишь, все о немъ забота, какъ бы не забыть чего, да какъ бы помочь. Развѣ здѣшнія такъ могутъ. Онѣ, какъ заведенная машина. Больной ее ночью окликнетъ — вскочила, сдѣлала что надо, бухъ опять въ подушку, да и спитъ. И горя мало. А я развѣ такъ могу? Да я, пока мой больной не заснетъ, я глазъ не сомкну. Я и не лягу. Все сижу, да прислушиваюсь, какъ дышетъ, да какъ стонетъ. Потому что у меня душа, я не могу. За то утромъ эта, здѣшняя то, вскочила какъ встрепанная. Что ей, машинѣ, сдѣлается. Ника-

кихъ переживаній. А тутъ еле дыбаешь, голова кружится, сердце бьется, въ глазахъ двоится. И изволь все помнить, да ничего не забыть. Когда какое лѣкарство, да когда компрессъ или еще что.

— А онѣ, эти-то, еще записываютъ. И безъ того все помнитъ, такъ она, подлая, еще и запишетъ.

— Да мнѣ тутъ тоже больная говоритъ: вы бы записали, если не помните. А я ей отвѣчаю: это ужъ плохо, если по запискѣ жить. По запискѣ и спутать недолго. Если добросовѣстно къ дѣлу относиться, такъ надо помнить, а не на записки разсчитывать. Только, конечно, милая моя, одинъ Богъ безъ грѣха. Случается, что и забудешь что нибудь. Послѣ безсонной то ночи. Хорошо докторамъ говорить — попробовали бы сами. А у меня еще такая бѣда, что ежели плохо сплю — икота на меня нападаетъ и такая, вѣрите ли, звонкая, что не то что больному, а прямо всему дому покою не даю. Мнѣ бы конечно лечь, да уснуть, все бы угомонилось. Такъ вѣдь не могу. Ну какъ я усну, когда у меня сердце не въ покоѣ. А вдругъ онъ позоветъ, а я и не услышу. Бѣда! Ну, конечно, и больной къ намъ сердечнѣе относится, чѣмъ къ нимъ. Чувствуетъ, что человѣкъ около него, а не машина. Вотъ я тутъ недавно за однимъ падагрикомъ ухаживала. Всю ночь слушала, какъ онъ, бѣдненькій, охаетъ. Жалко вѣдь, страдалецъ онъ. Утромъ стала его убирать — голова кружится, руки трясутся, да, подумайте, вѣдь нужно же

грѣхъ какой! — Прямо его по больной ногѣ лягнула. Нога то у него компрессомъ завернута, онъ въ креслѣ откинулся, а ее впередъ выставилъ. И не знаю сама, съ чего мнѣ показалось, будто это не то подушка, не то котъ завалился и мѣшаетъ мнѣ поближе съ полосканьемъ просунуться. Ну я второпяхъ, вижу, что больной мой раздражается — я и лягни его по этой самой ногѣ. Милая вы моя-а! Онъ только крякнулъ. Однако, посмотрѣлъ на меня — ужъ и сама не знаю, что у меня за лицо было, только ругать онъ меня не сталъ, а говоритъ такъ деликатно: хоть бы вы, чортъ васъ распронадери, уѣхали бы куда нибудь подальше.

— Пожалѣлъ, значитъ. Понялъ, что человѣку отдыхъ нуженъ.

— Да, больные они чувствуютъ, въ комъ душа, а кто просто машина.

— Конечно, уходъ важнѣе лѣкарства. Что лѣкарство — накапалъ, да и готово. А вотъ уходъ, его ужъ не накапаешь. Я не говорю противъ докторовъ, какъ можно. Докторское предписаніе надо выполнять строго и безпрекословно. Это ужъ какъ присяга. Вотъ въ прошломъ году позвали меня дежурить къ одному умирающему. Вероналомъ отравился, что ли. Ну и велѣлъ мнѣ докторъ все время за пульсомъ слѣдить. Если, говоритъ, до ста дойдетъ, сейчасъ же вотъ эту ампулку впрысните. А я потомъ зайду. Ну, вотъ и осталась я съ моимъ больнымъ, считаю пульсъ, считаю, да вижу дѣло неладно — девяносто девять. Ну я жду. Все приготовила,

шприцъ вскипятила, жду. А онъ все жаритъ девяносто девять, да и все тутъ. Не можетъ до ста дотянуть. Смотрю — синѣть сталъ, ногти черные. Ну что мнѣ дѣлать? Разъ врачъ сказалъ, что ему нужно сто, такъ какое-жъ я имѣю право?

— Ну и что же больной?

— Больной то? Больной ничего. Больной скончался. Я доктору разсказала про пульсъ. Онъ чего то на меня удивился, а потомъ говоритъ: у васъ дисциплина, какъ у павловскаго солдата. Скомандовалъ императоръ Павелъ на смотру «налѣво кругомъ маршъ», а остановить ихъ забылъ. И зашагали солдаты поперекъ всей Россіи. Гдѣ то ужъ за Ураломъ ихъ переняли. Такъ и вы.

— Доволенъ, значитъ, докторъ былъ.

— Ну конечно. Тоже такихъ дуръ поискать, которыя бы такъ всю душу отдавали.

— Да ужъ это такъ. Особенно, если долго за больнымъ ухаживаешь, такъ прямо ужъ онъ какъ свой.

— Еще бы. Сколько я имъ денегъ передавала.

— Кому?

— Да больнымъ то. Вотъ ходила тутъ за одной старухой 2 года. Симпатичная была. Француженка изъ шведокъ. Ну первый годъ за нее родные платили аккуратно, а потомъ заминка вышла. Говорятъ: — «Мы не расчитывали, что такъ долго. Вы навѣрное ей что нибудь вредное впрыскиваете, что она не умираетъ». Ну и начали къ моей больной очень поверхностно отно-

ситься. То кофею ей не хватаетъ, то на котлетку денегъ нѣтъ. Ну я, бывало, суну деменажкѣ нѣсколько франчиковъ. Жаль старуху. Такъ понемногу все изъ моего кармана и повыкачали. Привыкаешь къ больному, жалѣешь. И на что деньги, коль душа неспокойна. А вы сейчасъ при какомъ больномъ?

— Оперированномъ. Боюсь, не заплатитъ. Потому что въ бреду все что то у кого то деньги занимаетъ. А на прошлой недѣлѣ проводила своего душечку, генерала Мостокарова. Уѣхалъ къ дочкѣ въ Тунисъ.

— Долго у него дежурили?

— Долго. Страсть какъ боленъ былъ. Четыре доктора лѣчили, каждый по своей части. Одинъ отъ печени, другой отъ легкихъ, третій отъ грыжи, четвертый невропатологъ, отъ неопредѣленныхъ причинъ. Но однако поправился.

— Семейный?

— Дочка у него отъ перваго брака въ Тунисѣ живетъ. А съ нимъ жена, изъ румынокъ. Здоровенная такая, Каролина Федуловна. Какъ пушка, такъ по коридору и катается.

— Дружно жили?

— Очень дружно. Ну онъ такой чудный человѣкъ, веселый, образованный. А Каролина Федуловна дочку его не любила. Если бывало письмо отъ нея придетъ, всегда скажетъ: «Что тебѣ пишетъ твоя Вампука, невѣста африканская?».

— Ну онъ, конечно, понималъ, что она дочку не любитъ, и ничего ей не разсказывалъ. Да она

и не любопытствовала, потому что всѣ его письма спичечкой распечатывала, а потомъ прочтетъ и опять заклеитъ.

— Мнѣ, говоритъ, такъ доктора велѣли, чтобы ничего волнующаго въ письмахъ къ нему не попало.

— Я ему объ этомъ не говорила, только онъ какъ будто самъ догадывался, потому что всегда повертитъ конвертъ, «ловко», — скажетъ и усмѣхнется. Ну, конечно, понималъ, что это отъ заботы. Тоже вѣдь и ей нелегко все это было. Разъ какъ-то заходитъ она къ намъ, а онъ говоритъ: «Посиди, Кароша, хоть полчасика со мной, я хочу, чтобы Анна Степановна пошла отдохнуть, у насъ очень тяжелая ночь была». А она вздохнула и говоритъ: «Да, да, ночь была дѣйствительно ужасная. Я вѣдь почти до утра тутъ за дверью стояла, все прислушивалась, какъ ты страдаешь, и не смѣла войти, чтобы тебя не взволновать». А онъ такъ ласково улыбается: «Да, говоритъ, ангелъ мой, я слышалъ, что ты за дверью стоишь. Я даже сказалъ Аннѣ Степановнѣ: посмотрите, голубушка, кто это тамъ за дверью такъ тяжело дышетъ. — Только, ма шеръ, напрасно ты такъ утомляешься. Въ твои лѣта это вредно. Ты сегодня прямо на десять лѣтъ состарилась. Ты себя побереги».

Ничего она не сказала, ушла, а потомъ меня спрашиваетъ: «Правда ли, что онъ васъ просилъ посмотрѣть за дверью?».

Ну я однако никакъ вспомнить не могла. Можетъ и говорилъ. Тѣмъ болѣе, у больного жаръ,

бормочетъ что-то, не всегда разберешь, что. А можетъ ему и показалось. При высокой температурѣ мало ли что можетъ показаться. Только если бы онъ мнѣ явственно сказалъ, такъ, конечно, я бы пошла посмотрѣть. А съ другой стороны, я въ эту ночь разъ шесть изъ комнаты выходила. Два раза шприцъ кипятила да молоко грѣла, да лимонадъ готовила, а эту самую Каролину Федуловну не видала. Ну, конечно, можетъ быть какъ разъ, когда я выходила, тутъ она, бѣдненькая, и уходила прилечь. Тяжело вѣдь съ непривычки всю ночь то на ногахъ. И больной мой это понималъ и самъ прекратилъ. Какъ то такъ вышло, что говоритъ онъ ей: «А я сегодня ночью все просилъ Анну Степановну мнѣ вслухъ почитать».

А Каролина Федуловна говоритъ:

— Какъ же, какъ же, я слышала, какъ она читала.

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Какъ же ты, ма шеръ, могла это слышать?

Она даже вспыхнула:

— Что же, говоритъ, ты воображаешь, что я могу спокойно спать, когда ты страдаешь? Да я можетъ быть десять разъ въ ночь встаю и къ дверямъ прокрадываюсь. Да какъ же я могла не слышать?

А онъ со спокойнымъ смѣшкомъ:

— Вотъ это то, говоритъ, меня и удивляетъ. Дѣло въ томъ, что я дѣйствительно попросилъ Анну Степановну почитать, а она призналась,

что по французски у нея не очень того, не очень хорошо идетъ. Такъ мы это дѣло и бросили. А ты, говоритъ, ма шеръ, больше подъ дверями не стой, а то у тебя отъ переутомленія галлюцинаціи начались.

Она чего то надулась, а чего — я ужъ и не знаю. Вѣдь это онъ о ней же заботился.

Очень онъ тяжело хворалъ. А разъ, такъ я даже испугалась — предвидѣлось ему невѣсть что.

Входитъ какъ то къ намъ Каролина Федуловна подъ вечеръ, а онъ и говоритъ.

— А гдѣ же ты это, ма шеръ, весь день пропадала?

— Да я, говоритъ, для тебя же ѣздила. Ты все жалуешься, что тебѣ воротники у рубашекъ тѣсны. Вотъ я и рыскала по магазинамъ, искала пошире.

— Ай-ай-ай, это навѣрное ужасно трудно. И что же, нашла?

— Да, говоритъ, обѣщали приготовить.

А онъ улыбается.

— Жаль, жаль, говоритъ, что тебя не было. Тутъ твоя пріятельница Севрюкова приходила, дожидалась тебя. Вы, молъ, условились, пойти вмѣстѣ траурную шляпку примѣрять. Ну вотъ такъ и не дождалась и ушла. Какъ же ты такъ, ма шеръ, назначаешь, а сама уходишь. Это неделикатно.

Я ей мигаю, что, молъ, бредъ, а она не понимаетъ, чего я мигаю. Чего то разсердилась, фыркнула, повернулась и ушла. А онъ уткнулся въ

подушку и, вѣрите ли, прямо заливается, хохочетъ.

Вечеромъ вышла я въ коридоръ — смотрю, Федуловна въ шляпкѣ, уходитъ куда то. Увидѣла меня и говоритъ:

— Пойду воздухомъ подышать. Сидишь, сидишь дома. Отъ такой жизни растолстѣть можно. А ему все равно, развѣ онъ съ этимъ считается. Это такой эгоистъ.

Я ее утѣшаю, что, конечно, больной человѣкъ, онъ всегда на своей боли сосредотачивается. Жалко мнѣ ее было.

Ну потомъ пошелъ онъ поправляться и она повеселѣла.

— Мы, говоритъ, теперь съ тобой въ Италію покатимъ.

Онъ все улыбается, однако помалкиваетъ. А потомъ, какъ сталъ выходить, вдругъ и сообщаетъ своей Федуловнѣ:

— А я, ма шеръ, далъ Лизочкѣ телеграмму. Послѣзавтра выѣзжаю въ Тунисъ. Хочу на внука посмотрѣть, на моего наслѣдника.

Она такъ и сѣла.

— А... А я?

— А тебѣ, говоритъ, необходимо отдохнуть. Ты за мою болѣзнь совсѣмъ извелась, тебѣ опасно для жизни такое путешествіе дѣлать. Отдохни, отоспись.

Подумайте только, какая забота? А она еще его эгоистомъ называла. Отоспись, говоритъ, ма шеръ. Какой человѣкъ чудесный. Она такъ рас-

трогалась, что два дня проревѣла. Даже на вокзалъ не могла поѣхать проводить.

— Н-да. Вотъ и пожилые люди, а какіе другъ къ другу нѣжные. Всю жизнь между людей толчешься, чего только не повидаешь! Всѣ тайны души передъ нами открыты. Сердцевѣдки мы. То-то вотъ и оно...

Прелестная женщина

— Я прямо умоляю васъ, дорогой другъ!

Въ голосѣ Пьера было что то большее, чѣмъ свѣтская любезность.

Мишель посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Я не отказываюсь отъ вашего милаго предложенія, — сказалъ онъ. — Я только думаю, что вамъ вдвоемъ навѣрное было бы гораздо интереснѣе. Вы меня приглашаете, потому что хотите меня развлечь. А потомъ и рады будете отъ меня отдѣлаться, да ужъ оставить меня на дорогѣ не сможете.

— Одеттъ! — позвалъ Пьеръ. — Одеттъ! Иди, уговаривай сама этого упрямца.

Вошла Одеттъ, поколыхала своими черными, толстыми, какъ прутья, рѣсницами и сказала дѣловито:

— Тамъ у тебя на бюро пролилась чашка кофе и прямо на бумаги. Надо сейчасъ ихъ встряхнуть или вытереть, а то онѣ совсѣмъ расплывутся. Если бы не я, — обернулась она къ Мишелю, — то прямо некому было бы присмотрѣть здѣсь за порядкомъ.

— О-о-о! — вскочилъ Пьеръ. — Мои бумаги! Вѣдь это, конечно, ты же вывернула на нихъ кофе!

Онъ сердито зашагалъ прочь изъ комнаты.

Одеттъ сѣла на диванъ, положила ногу за ногу, тщательно подобравъ платье такъ, чтобы было видно нижнее колѣно, закурила папироску, вставивъ ее въ длинный бѣлый мундштукъ, съ порозовѣвшимъ отъ ея губъ кончикомъ, подняла брови и сказала тономъ дѣловой женщины:

— Ужасно мнѣ трудно съ Пьеромъ. Это такой ребенокъ! Я даже спрашивала совѣта у мужа — какъ можно вообще пріучить человѣка къ порядку. Но тотъ самъ ничего не понимаетъ.

— А гдѣ сейчасъ вашъ супругъ? — не зная что сказать, спросилъ Мишель.

— Въ Лондонѣ. Нѣтъ въ Брюсселѣ. Словомъ, въ какомъ то городѣ, гдѣ есть Рицъ. Что вы на меня смотрите? Отель Рицъ. Отчего мужчины всегда все такъ туго понимаютъ, — покачала она головой.

Мишель виновато засмѣялся.

— Слушайте, другъ мой, если вы дѣйствительно меня такъ горячо любите, какъ вы увѣряете, то вы обязаны оказать мнѣ эту услугу.

Мишель никогда ее въ своей любви не увѣрялъ, но отрицать не счелъ вѣжливымъ.

— Эту услугу вы обязаны мнѣ оказать, — продолжала Одеттъ и взглянула ему въ глаза проникновеннымъ взглядомъ. — Вы должны ѣхать съ нами въ Бордо. Сейчасъ праздники, и

вамъ все равно въ Парижѣ дѣлать нечего. Я берусь уговорить Пьера взять васъ съ собой.

— Пьеръ меня уже пригласилъ, — сорвалось у Мишеля.

— Неужели? — удивилась Одеттъ. — Ну такъ онъ умнѣе, чѣмъ я думала. Для меня было бы ужасно ѣхать съ нимъ вдвоемъ. Я его, конечно, обожаю. Но вѣдь я обожаю его уже два года... Пьеръ, — крикнула она въ сосѣднюю комнату. — Пьеръ, сколько времени уже длится поэтическая сказка нашей любви? А?

— Одиннадцать мѣсяцевъ, — закричалъ Пьеръ.

— Одиннадцать мѣсяцевъ! Боже, какъ долго! Пье-еръ! А мнѣ казалось, что не больше двухъ недѣль. Такъ вотъ видите, — обернулась она къ Мишелю, — когда человѣка такъ долго обожаешь, то уже трудно быть съ нимъ съ глазу на глазъ двое сутокъ въ автомобилѣ. Вы меня прямо спасете, если поѣдете съ нами.

***

У подъѣзда кокетливаго особнячка, гдѣ жила Одеттъ, Пьеръ, нервно похлопывая ладонями по рулю автомобиля, говорилъ сидящему рядомъ Мишелю:

— Мы ждемъ уже полтора часа! Мы должны были выѣхать въ десять, а теперь половина двѣнадцатаго. Это совершенно невыносимая женщина! Ради Бога, дорогой мой, подымитесь, посмотрите, скоро ли она. Я не могу. Она прелестная

женщина, но я боюсь, что скажу ей прямо, что она стерва.

Мишель, криво улыбаясь, поднялся по лѣстницѣ.

Одеттъ кричала въ телефонъ:

— Какъ, и розовое не готово? Но я не могу ѣхать безъ розоваго! Зеленое и тайеръ вы можете мнѣ выслать по почтѣ, но безъ розоваго я не могу двинуться съ мѣста.

Мишель вошелъ въ комнату.

— Мы ждемъ. Мы опоздаемъ къ завтраку.

Одеттъ подняла на него негодующіе глаза.

— Боже, какіе вы всѣ безтолковые! Неужели вы не понимаете, что я не могу выѣхать безъ розоваго дезабилье? Подождите немножко. Должна же я это все уладить, организовать.

Мишель уныло опустился внизъ.

Пьеръ выслушалъ, раздулъ ноздри.

— Я кажется возненавижу эту дуру, — пробормоталъ онъ.

Увидя вопросительный взглядъ Мишеля, онъ поспѣшилъ пояснить:

— Очаровательная, прелестная женщина. И мужъ у нея такой славный малый. Вамъ еще не хочется ѣсть? Мы могли бы съѣсть по сандвичу въ сосѣднемъ бистро.

— Идея! И выпить пива.

— Итакъ, съ нашимъ завтракомъ ничего не выйдетъ, — вздохнулъ Пьеръ, взглянувъ на ча-

сы. — Уже безъ десяти два. Можетъ быть вы, милый другъ, не откажетесь подняться и узнать, въ какомъ положенiи наша милая Одеттъ.

Мишель ушелъ и вернулся нѣсколько растерянный:

— Она... представьте себѣ — къ ней пришла массажистка и она рѣшила, что передъ дорогой ей полезно взять массажъ.

Пьеръ стиснулъ зубы такъ, что у него подъ скулами заходили желваки.

— Ну что жъ, подождемъ.

Дверь распахнулась.

— Наконецъ то!

Нѣтъ. Это не она.

По ступенькамъ крыльца быстро сбѣжалъ лакей и, открывъ ящикъ подъ кузовомъ автомобиля, вытащилъ маленькiй желтый чемоданъ.

— Зачѣмъ онъ вамъ? — всколыхнулся Пьеръ.

— Мадамъ хочетъ надѣть тотъ костюмъ, который въ него уложила.

Друзья молча переглянулись.

— Слушайте, Мишель, можетъ быть вы все таки согласитесь подняться еще разъ? Вы понимаете, я конечно могъ бы и самъ пойти, но я слишкомъ уважаю эту прелестную женщину, какъ примѣрную жену — она вѣдь, въ сущности, очень привязана къ своему мужу. И я уважаю ее, какъ мать семейства — ея дочь воспитывается у бабушки. Словомъ, я вообще слишкомъ ее уважаю, чтобы сказать ей прямо въ лицо, что она стерва. А это, если только я поднимусь наверхъ, будетъ на этотъ разъ уже неизбѣжно.

— Да я не отказываюсь, — пробормоталъ Мишель. — Я съ удовольствіемъ. Только, право, это праздное любопытство.

— Если бы еще это было случайностью! Но, поймите, дорогой мой, каждый разъ она устраиваетъ мнѣ такія штуки. И каждый разъ обѣщаетъ мнѣ, что это не повторится и — каждый разъ я вѣрю. Скажите, Мишель, скажите откровенно — можетъ быть я совсѣмъ дуракъ?

— Ну почему ужъ и совсѣмъ, — любезно отвѣтилъ Мишель. — Но, конечно, эта маленькая задержка не особенно удобна, — прибавилъ онъ, вспомнивъ, что онъ гость, приглашенный на прогулку въ автомобилѣ, и отъ него требуется нѣкоторая доля благодарной вѣжливости.

— Маленькая задержка! — вспыхнулъ Пьеръ. — Да вы отдаете ли себѣ отчетъ, который теперь часъ? Половина чет-вертаго! Пойдите, спросите у нея, гдѣ она расчитываетъ обѣдать?

Мишелъ вздохнулъ и пошелъ. Лѣниво поднимаясь по лѣстницѣ, онъ уныло думалъ, что весь праздничный день промотался по этому крыльцу, да просидѣлъ не очень комфортабельно въ пахнущемъ теплой клеенкой автомобилѣ, созерцая злое и разстроенное лицо пріятеля.

Одетту, къ изумленію своему, онъ засталъ въ столовой за столомъ. Она привѣтливо кивнула ему головой.

— Селестина заставила меня съѣсть пару яицъ въ смятку. Она увѣряетъ, что у меня не-

премѣнно сдѣлается мигрень, если я не поѣмъ. Хотите кофе?

— Пьеръ очень волнуется. Мы вѣдь ждемъ съ десяти часовъ.

— Ахъ, онъ такой несносный! Изъ за десяти минутъ опозданія онъ готовъ поставить на карту всю глубину нашей легендарной и прочной... Селестина, вы можете итти. О чемъ я?.. Да, нашей легендарной и прочной семейной... ахъ, я спутала, я думала, что я говорю о Жоржѣ, о мужѣ. Вы не знаете Жоржа? Ахъ, это такой негодяй! Уѣхалъ по своимъ дурацкимъ дѣламъ, и я вѣчно одна, одна и одна. Я, между прочимъ, не особенно вѣрю въ его дѣла. Навѣрное, здѣсь замѣшана женщина. Ахъ, развѣ теперь есть вѣрные мужья! Это все ужасно тяжело, но отъ васъ, какъ отъ стараго друга, у меня не можетъ быть тайнъ. — Мишель былъ немало удивленъ, узнавъ, что онъ старый другъ, такъ какъ видѣлъ Одетту всего въ третій разъ.

— Значитъ, я могу сказать Пьеру, что вы сейчасъ спускаетесь?

Она посмотрѣла на него, точно не сразу поняла о чемъ рѣчь.

— Ахъ, да вы все про это! Про поѣздку! Какъ вамъ не надоѣстъ! Ну, конечно, я сейчасъ бѣгу. Селестина! Несессеръ! Гдѣ мои дорожныя перчатки? Вѣчно вы все перепутаете. Леонъ! Отнесите чемоданъ внизъ. Пустой? Почему же онъ пустой? Ахъ, да, я вынула тайеръ. Такъ кладите его обратно! Скорѣе! Я бѣгу! Ахъ!

Тесемка внизу оборвалась! Селестина, скорѣе! Прощайте! Вѣчно вы...

Мишель сбѣжалъ внизъ.

— Сейчасъ идетъ.

Пьеръ безнадежно покачалъ головой. Но къ ихъ общему удивленію, дверь распахнулась, выбѣжалъ лакей съ чемоданомъ и непосредственно за нимъ суетливая, вертясь волчкомъ и размахивая ярко-желтымъ шарфомъ, сама Одеттъ. Рядомъ, уцѣпившись въ подолъ ея юбки, въ которую не то втыкала булавки, не то зашивала, прыгала по ступенькамъ Селестина.

— Шляпа! Леонъ! Картонку со шляпой. Гдѣ Пуффъ! Пуффъ! Пуффъ!

Изъ дверей съ визгомъ выкатилась бѣлая собаченка, ударилась въ ноги взбѣгающаго по лѣстницѣ лакея, тотъ перевернулся и шлепнулся бокомъ.

— Селестина! Принесите картонку! Леону некогда. Вы видите — онъ валяется. Ну, ѣдемъ же, ѣдемъ. Сами торопили.

Пьеръ нажалъ на педали, дѣлая видъ, что не слышитъ воплей Селестины, которая бѣжала сзади съ какими то забытыми предметами.

Живо вылетѣли на набережную, перемахнули черезъ мостъ...

— Пьеръ! Пьеръ! Ради Бога, къ какому нибудь почтовому бюро! Я должна сейчасъ же послать телеграмму мужу, чтобы выслалъ мнѣ деньги въ Бордо. Мишель, будьте такъ любезны. Пойдите на почту и телеграфируйте! Мосье Дарли-Отель Рицъ. Я только не помню, гдѣ имен-

но — въ Брюсселѣ или въ Лондонѣ. Пошлите па всякій случай и туда и сюда. Это геніальная мысль — и туда и сюда. И понѣжнѣе — я на васъ расчитываю. Я вѣрю, что въ вашемъ вокабюлерѣ найдутся нѣжныя слова.

Стоя передъ рѣшетчатымъ окошечкомъ, Мишель, злясь и вздыхая, выводилъ скрипучимъ перомъ:

«Думаю только о тебѣ все время стопъ. Вышли деньги Бордо любовь сильнѣе смерти твоя Одеттъ».

Наконецъ, прокатили черезъ унылыя предмѣстья. Потянуло свѣжимъ вечернимъ воздухомъ. Мишель снялъ шляпу, улыбнулся и только что началъ думать: «все таки хорошо, что я вырвался изъ Парижа». Не успѣлъ подумать только «все таки хо...», какъ Одеттъ громко вскрикнула:

— Пьеръ! поворачивай назадъ! Вѣдь я забыла ключи! Я слышала, какъ Селестипа кричала про ключи, но мнѣ было некогда понять чего она хочетъ. Пьеръ, поворачивай назадъ. Какъ возмутительно, что ты никогда ни о чемъ не помнишь!

Изъ тѣхъ, которымъ завидуютъ

Въ два часа ночи ее разбудилъ рѣзкій звонокъ.

Она вскочила, не сразу поняла, въ чемъ дѣло. На новомъ мѣстѣ всегда такъ все неладно идетъ.

Звонокъ повторился, продолжительнѣе, настойчивѣе.

— Ага! Больная звонитъ. Бѣгу!

Наскоро накинула свой бѣлый халатъ, побѣжала вдоль коридора, застегиваясь на ходу.

Въ коридорѣ темно, всѣ двери заперты. Гдѣ же ея спальня? Здѣсь, что ли?

Ткнулась въ какую то дверь. Пахнуло спертымъ воздухомъ, кто-то пискнулъ. Нѣтъ, здѣсь вѣрно горничная.

Звонокъ затрещалъ снова, раздраженно и злобно. На минутку остановился и потомъ уже затрезвонилъ не переставая.

— Боже мой! Да что же это? Эхъ, надо было съ вечера двери пересчитать.

Но вотъ мелькнула узкая полоска свѣта. Здѣсь.

На широкой кровати, широко раскинувъ тонкія руки въ длинныхъ зеленыхъ перчаткахъ, лежало странное существо. Лица у существа совсѣмъ не было. Тамъ, гдѣ бываетъ лицо, виднѣлась только какая то розовато-сѣрая не то каша, не то глина. Пять дырокъ обозначали глаза, двѣ ноздри и ротъ. Ротъ зашевелился и сказалъ по англійски:

— Нерсъ, я васъ завтра выгоню.

— Простите, я не могла найти двери. Вамъ, что нибудь нужно?

— Мнѣ нужно знать, какъ васъ зовутъ. Я забыла.

— Лиза.

— Лиза. Мнѣ не нравится Лиза. Я буду забывать. Я васъ буду звать Квикъ. У меня была кошка Квикъ. Я не забуду.

— Вы меня звали? — сказала Лиза. — Вамъ что нибудь нужно?

— Я же вамъ сказала, что мнѣ нужно было вспомнить ваше имя. Для этого я и звонила. Можете итти. Я васъ завтра выгоню.

Лиза пошла къ себѣ. Отсчитала по дорогѣ двери. Хорошо, что ея дверь осталась полуоткрытой, а то она бы навѣрное не нашла свою комнату.

Что же теперь дѣлать? «Я васъ завтра выгоню». Вѣдь это же ужасно! Значитъ, опять сидѣть безъ мѣста и денегъ ни гроша. Вотъ не везетъ! Десять мѣсяцевъ тому назадъ дежурила у больного старика въ отельной комнатушкѣ, спала на полу, схватила воспаленіе легкихъ.

Провалялась три недѣли, пришла къ старику за деньгами — ни старика, ни денегъ.

— Сынъ за нимъ пріѣхалъ и увезъ въ Берлинъ.

Потомъ искала мѣста. Знакомый докторъ, милый человѣкъ, всегда дававшій ей работу, разводилъ руками:

— Ничего, голубчикъ, для васъ нѣтъ. Настала самая злокачественная эпидемія здоровья. Надо подождать.

Вотъ и ждала.

Наконецъ, прибѣжалъ какъ то знакомый шофферъ. Ему сказали, что богатая американка ищетъ русскую сидѣлку. Предупредили, что долго тамъ не продержаться, но попробовать можно.

Обрадовалась, побѣжала.

Домъ оказался очень странный. Восемь человѣкъ прислуги и никто ничего толкомъ не зналъ. Больная оказалась совершенно здоровая, но, по объясненію прислуги, такъ перепилась, что совсѣмъ спятила. Теперь ее пять докторовъ лѣчатъ. Ей семьдесятъ четыре года, это всѣмъ извѣстно. Прислуга мѣняется каждый день. Живетъ американка одна. Три автомобиля, два шоффера. Всѣхъ замотала. Ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ. Мѣсяцъ тому назадъ прогнала послѣдняго любовника и совсѣмъ одурѣла.

Пока велась эта бесѣда, по всему дому звонили звонки, хлопали двери, бѣгали люди.

Вошла молоденькая горничная, растерянная, съ красными пятнами на щекахъ. За ней при-

бѣжала пожилая дама, очень почтеннаго вида, очевидно домоправительница. Тоже растерянная.

— Мари! Гдѣ Мари? Ахъ, вотъ Мари! — обратилась она къ молоденькой горничной. — Приготовьте сейчасъ же сѣрое платье. Мадамъ хочетъ...

— Я уже не буду, — отвѣчала Мари. — Она меня только что выгнала.

— Ну, въ такомъ случаѣ я пошлю Жаклинъ, — ничуть не удивилась домоправительница. — А это новая сидѣлка? Идемте, я васъ провожу къ мадамъ.

— Посмотримъ, что это за старая вѣдьма, — думала Лиза, входя въ спальню.

Но старой вѣдьмы тамъ не оказалось. Тамъ была красивая, стройная женщина лѣтъ сорока, съ удивительными блѣдно-сиреневыми волосами, покрывавшими ея голову шелковистыми локончиками. Она полулежала въ большомъ креслѣ, закутанная во что то волшебно-розовое, а рядомъ на табуреткѣ примостилась дѣвица въ бѣлой блузѣ и дѣлала красавицѣ маникюръ.

— Вы новая сидѣлка? — спросила она Лизу. — Вы умѣете разливать чай?

— Да-а... — удивилась Лиза.

— Какой у васъ безтолковый видъ. Та сидѣлка, которую я прогнала, объяснитъ вамъ все, что нужно. Какъ васъ зовутъ?

— Лиза.

— Какое глупое имя. Ну что же вы ждете? Можете уходить. Марджори, — обратилась она

къ домоправительницѣ, — уведите эту гусыню.

Марджори повела совершенно растерянную Лизу вдоль длиннаго коридора.

— Не обращайте вниманія, — успокаивала она ее. — У нея не всѣ клепки на мѣстѣ. Но платитъ она хорошо.

— Неужели правда, что ей больше семидесяти? — ахала Лиза.

— Ну, конечно, чего же тутъ удивительнаго? На мордѣ кожа стянута, на тѣлѣ все что разбухло подрѣзано, что отвалилось пришито, рѣсницы подклеены. Каждое утро пріѣзжаютъ къ ней изъ института красоты двѣ мастерицы, размачиваютъ, разглаживаютъ, раскрашиваютъ.

Лиза удивлялась, качала головой.

Прогнанная сидѣлка сказала, — что надо давать, что впрыскивать. Старуха была отравлена виномъ и наркотиками. Отъ подагры у нея распухли колѣни и она не можетъ больше танцовать, что ее приводитъ въ бѣшенство.

— Вотъ здѣсь шкапъ для вашихъ платьевъ, — сказала сидѣлка. — Но не стоитъ ничего развѣшивать — все равно она васъ скоро прогонитъ.

Лиза съѣздила за своимъ сундучкомъ и водворилась на новомъ мѣстѣ.

Проводившему ее знакомому шофферу она разсказала обо всѣхъ чудесахъ американки и онъ долго качалъ головой и пощелкивалъ языкомъ.

— Вотъ это жизнь! Вотъ это я понимаю! Эхъ, хоть бы недѣльку такъ пожить!

**
*

Лиза улеглась и стала засыпать, когда снова ее разбудилъ звонокъ.

На этотъ разъ хозяйка была не одна. Она сидѣла на постели и горничная смывала ей съ лица наложенную на него мастику.

— Идите скорѣе, Шарпъ. Что вы смотрите? Я же вамъ сказала, что буду васъ звать Шарпъ. У меня была собака Шарпъ. Возьмите отъ этой гусыни лосіонъ и вымойте мнѣ лицо. Она ничего не умѣетъ. Уходите прочь! Вы! Нѣтъ, совсѣмъ, совсѣмъ уходите прочь изъ моего дома. Шарпъ, разбудите Марджори, пусть она вызоветъ сейчасъ же шоффера, чтобы онъ увезъ эту гусыню изъ моего дома.

Въ пять часовъ Лизу снова разбудилъ звонокъ.

Американка держала въ рукахъ большое круглое зеркало и внимательно разсматривала свой лобъ.

— Вы очень долго заставляете себя ждать, Багъ. Вы помните — я вамъ сказала, что я буду васъ звать Багъ. Это легче всего. У меня была лошадь Багъ. Посмотрите, Багъ, не нужно ли мнѣ сдѣлать волосы немножко синѣе?

— Ахъ, нѣтъ, — отвѣчала Лиза, широко открывая слипающіеся глаза. — Такъ очень хорошо.

— Вы ничего не понимаете. Знаете, я лучше буду васъ звать Джонни Дэфъ. Это имя моего

третьяго мужа. Это будетъ легче всего запомнить.

— Отчего же вы не спите? — вступила Лиза въ свои обязанности. — Постарайтесь заснуть.

— Я не могу спать. Мнѣ скучно спать. Уходите прочь, мнѣ съ вами еще хуже.

Въ восемь часовъ утра пришла массажистка. Ждала до десяти. Въ девять пришли изъ института красоты. Ждали до одиннадцати. Въ половинѣ двѣнадцатаго пришелъ докторъ. Ждалъ до часу. Всѣ нервничали, всѣ говорили, что время было имъ назначено, всѣ бѣгали къ телефону, объясняли, умоляли кого то подождать. Въ общемъ каждый прождалъ больше двухъ часовъ. Передъ пріемомъ доктора на кровать постелили блѣдно-розовое атласное бѣлье.

— Это всегда такъ, — объяснила Марджори Лизѣ. — Для докторовъ — все розовое атласное. Для дневного отдыха — все изъ краснаго крепъ де шина. Для профессора — голубой атласъ. На ночь — бѣлый батистъ. Мѣняемъ все три раза въ день.

Въ это утро доктору не повезло.

Американка его выгнала.

— Прочь! Прочь! Уходите прочь!

Докторъ вышелъ, пожимая плечами. Видя новую сидѣлку, чтобы спасти положеніе, озабоченно нахмурился и сказалъ:

— Она сегодня очень нервна. Я завтра привезу вамъ новое лѣкарство.

— Джонни Дэфъ! — крикнула изъ спальни американка. — Бѣгите вслѣдъ за докторомъ и

скажите, чтобы онъ больше не смѣлъ сюда приходить! Прочь! Прочь!

Въ четыре часа пришли три примѣряльщицы отъ модистки, принесли шляпы. Американка очень себѣ въ этихъ шляпахъ понравилась, дала каждой дѣвицѣ по сто франковъ на чай и велѣла поскорѣе закончить.

Черезъ часъ послѣ ихъ ухода она вдругъ подбѣжала къ телефону, вызвала хозяйку шляпной мастерской и стала кричать, что шляпы отвратительныя, что она отъ нихъ отказывается, что мастерицы дерзкія и наглыя, и что она проситъ немедленно ихъ прогнать, иначе она не закажетъ ни одной шляпки.

За завтракомъ, изысканнымъ и великолѣпнымъ, хозяйка ѣла съ аппетитомъ, но за послѣднимъ блюдомъ неожиданно рѣшила, что все было дрянь и велѣла сейчасъ же прогнать повара.

Пока американка отдыхала въ красныхъ простыняхъ, Лиза бродила по дому. Настроеніе было истерическое. Казалось, еще минутка и закричитъ, заплачетъ, затопаетъ ногами. Хотѣлось отвлечься, почитать что нибудь. Но во всемъ домѣ не нашлось ни одной книги, ни одной газеты.

Послѣ завтрака поѣхали въ банкъ. Американка изъ автомобиля не вышла, послала шоффера къ директору. Тотъ выбѣжалъ безъ шляпы.

Лиза слышала, какъ онъ вполголоса спросилъ у шоффера: «Она сегодня въ хорошемъ настроеніи?» и сѣлъ къ нимъ въ автомобиль. Американка долго говорила съ нимъ о какихъ то

бумагахъ и, повидимому, отлично во всемъ разбиралась.

Потомъ поѣхали выбирать платья въ одинъ изъ лучшихъ домовъ Парижа. Американка капризничала, издѣвалась надъ манекеншами, бранила фасоны неприличными словами, коротко, словно лаяла. Всѣ отвѣчали ей чарующими улыбками.

Вечеромъ прибѣжалъ прогнанный докторъ. Американка сказала ему: «вы ничего въ медицинѣ не понимаете». Подарила ему тысячу франковъ. Проходя мимо Лизы, онъ смущенно пробормоталъ: «большая оригиналка!».

Ночью пошли тѣ же исторіи. На слѣдующій день выгнала шоффера, отказалась отъ всѣхъ заказанныхъ вчера платьевъ. Лиза вертѣлась какъ на пружинахъ, откликалась на имена всѣхъ кошекъ, собакъ, лошадей и мужей своей хозяйки и урывала минутки, когда можно было сбѣгать къ себѣ въ комнату повалиться на постель и поплакать.

— Я не могу уйти. Мнѣ ѣсть нечего. И нечего послать матери въ Москву. У меня мать умираетъ. Я не могу уйти.

Въ четвертую ночь, подъ утро, когда ее разбудили въ пятый разъ, только для того, чтобы спросить, отослать ли зеленую шляпу или оставить, она вдругъ сѣла на кресло у кровати и, спокойно глядя прямо въ лицо американкѣ, сказала:

— Я сегодня уйду отъ васъ. Я больше не могу.

Та, молча, съ большимъ удивленіемъ, смотрѣла.

— Я не могу. У меня нѣтъ моральнаго удовлетворенія.

— Чего нѣтъ? — съ любопытствомъ переспросила та и потомъ повторила, удивляясь и словно радуясь новинкѣ: — мо-раль-наго удовле-творенія.

— Я сидѣлка, мое дѣло ухаживать за больными, облегчать страданія, — медленно и толково объясняла Лиза. — А у васъ я совсѣмъ замоталась и все по пустякамъ. Я готова въ десять разъ больше работать, но настоящую работу. А вѣдь вы измываетесь надъ людьми за свои деньги. Я этого не могу. Душа болитъ.

— Душа? — радостно удивилась американка. — Значитъ это вамъ мѣшаетъ?

— Н-не мо-гу! — прошептала Лиза и всхлипнула.

— Ну, ну, идите, идите, — все такъ же удивленно проговорила американка и тихонько дотронулась до ея плеча.

Лиза не могла уснуть. Ей все видѣлось удивленное лицо американки.

— Нѣтъ, она все таки что то почувствовала. Что то до нея дошло. Она человѣкъ, человѣкъ испорченный богатствомъ и раболѣпствомъ, но душа у нея есть.

И ей представлялось, какъ она пробудитъ эту душу, направитъ нѣжно и ласково на доброе и свѣтлое.

— Люди или бѣдны, или жадны. Вы только это въ нихъ и видѣли, только тѣмъ и занимались, что мучили ихъ вашими деньгами. И вотъ смотрите, я, нищая, отвергла ихъ и ухожу.

И ей снились пріюты, богадѣльни, больницы, созданные преображенной американской душой.

Она плакала отъ счастья.

— И все это, въ сущности, сдѣлала я.

Подъ утро она заснула, заспалась, вскочила, испуганная, но, вспомнивъ о «переворотѣ» радостно побѣжала къ своей хозяйкѣ. Но у дверей ея спальни остановилась. Остановилъ ее голосъ американки, громко и отчетливо говорившей:

— ...чтобы прислали новую. Эту, русскую кобылу, я сегодня ночью выгнала. И не давайте ей за двѣ недѣли впередъ, какъ заплатили той гусынѣ. Она прожила всего четыре дня, она истрепала мнѣ всѣ нервы, она дура, она хуже той воровки, которая унесла мое кольцо. Вонъ ее изъ моего дома. Вонъ! И чтобъ не смѣла... и чтобъ не смѣла...

Тонкое дѣло

Жизнь становится все сложнѣе. Все больше требуетъ она размышленій, соображеній — и прочихъ упражненій несчастнаго нашего мозгового аппарата.

Ну что, напримѣръ, могло быть обычнѣе и банальнѣе такого акта, какъ попросить денегъ взаймы? Вѣдь этотъ актъ свершался такъ безболѣзненно и просто, что у многихъ вошелъ даже какъ бы въ привычку.

Говорили въ одинъ духъ, безъ запятой:

— Здравствуйте дорогой мой какой у васъ замѣчательный профиль пожалуйста десять рублей до понедѣльника.

Занимали гдѣ попало, у кого попало, и при самыхъ удивительныхъ обстоятельствахъ.

Такъ, напримѣръ, одинъ бравый гусаръ, на похоронахъ своего однополчанина ухитрился, утеревъ слезу, призанять у могильщика, подравнивавшаго лопатой послѣдніе комья грустнаго холма. Моментъ, надо признаться, былъ выбранъ не совсѣмъ удачный. Но могильщикъ даже не особенно удивился.

Да. Вотъ какія были времена.

А теперь? Теперь надо придумывать тысячи вывертовъ для самой простой штуки. И не всегда слабый человѣческій мозгъ до всѣхъ этихъ вывертовъ можетъ додуматься.

Сеничка Швакъ думалъ четыре дня. И, въ концѣ концовъ, пригласилъ мудраго Фрика дать совѣтъ.

Конечно, гораздо проще было посовѣтоваться съ собственной женой. Но развѣ мы не знаемъ, какъ совѣтуютъ собственныя жены?

— Пойди, дуракъ, скажи, дуракъ. Если бы ты не былъ дуракомъ...

Вотъ это послѣднее, мечтательное согласительное «если бы ты...» особенно невыносимо.

— Если бы было то, чего нѣту, такъ я бы съ тобой и не совѣтовался.

Такъ обычно отвѣчаетъ мужъ. И если при этомъ прибавитъ для сохраненія стиля мирной супружеской бесѣды «дура», то разговоръ затягивается надолго и не даетъ результатовъ.

Поэтому былъ приглашенъ мудрый Фрикъ.

Свою собственную жизнь Фрикъ устроилъ неважно, но зато замѣчательно хорошо давалъ совѣты.

— Сколько вы хотите занять? — спросилъ для начала мудрый Фрикъ и заранѣе уныло покачалъ головой.

— Сколько? — Сущіе пустяки. Двѣ тысячи. Даже говорить совѣстно, — отвѣчалъ Швакъ.

— У кого думаете занимать? У Херцевича?

— А вы почемъ знаете, — удивился Швакъ.

— Если человѣку нужно занять денегъ и онъ знакомъ съ Херцевичемъ, то онъ идетъ занимать деньги у Херцевича, — мудро отвѣтилъ Фрикъ.

— А вы думаете, онъ можетъ дать? — робко спросилъ Швакъ.

— Что онъ можетъ дать — это я думаю. Но что онъ дастъ — этого я не думаю.

— Ты слышишь, Роза, что онъ говоритъ? — съ негодованіемъ обратился Швакъ къ женѣ. — Ты слышишь, какъ каркаетъ этотъ старый воронъ, котораго мы сами пригласили сѣсть на нашу голову?

Роза, только что налившая гостю кофе и поставившая передъ нимъ графинчикъ съ коньякомъ, кивнула головой и, схвативъ со стола графинчикъ, сунула его въ буфетъ.

— Но... — сказалъ Фрикъ и, высоко поднявъ указательный палецъ, выдержалъ паузу. — Но... если вести себя умѣло — Херцевичъ деньги дастъ.

Роза, поколебавшись минутку, снова достала коньякъ.

— Слушайте! — мудро и отчасти лукаво заговорилъ Фрикъ. — Неужели вы думаете, что кто нибудь можетъ сейчасъ дать деньги бѣдному человѣку? Ни-ког-да.

Онъ опять поднялъ указательный палецъ и повторилъ:

— Ни-ког-да! Человѣку, умирающему отъ голода? Двѣ тысячи? Ха! Да вы смѣетесь. Два гроша ему и пусть скорѣе уходитъ, потому что

мы не любимъ видѣть человѣческаго страданія. Вотъ! Два гроша на кусокъ хлѣба и — маршъ. Двѣ тысячи мы можемъ дать только человѣку обезпеченному, которому сегодня не хватило дочкѣ на маникюръ. Или «ахъ, жена хочетъ подарить любовнику портсигаръ, чтобы я не зналъ». Ну, однимъ словомъ, что нибудь такое великосвѣтское. На это — будьте покойны — дадутъ. Тутъ нужна большая психологія предмета. Вы богаты, вы безпечны, вы счастливы. Вамъ только на чуточку, минуточку нужно двѣ тысячи. И Боже васъ сохрани при этой суммѣ выкатить глаза и заговорить шопотомъ. У васъ такъ у всѣхъ полагается: какъ о деньгахъ заговорили, сейчасъ шопотъ и глаза прутъ, чортъ ихъ знаетъ, наружу.

Когда вамъ въ трамваѣ даютъ сдачу, вы шопотомъ не говорите? Ну, я уже вижу, что вы меня поняли. Однимъ словомъ — свѣтскій тонъ, всѣмъ комплименты, богачъ и душа общества.

Мудрецъ вдругъ остановился, почесалъ въ бородѣ указательнымъ пальцемъ и спросилъ задумчиво:

— А вы вполнѣ увѣрены, что у Херцевича еще есть деньги?

Дѣло неожиданно пошло такъ гладко, что Швакъ даже испугался и сказалъ Розѣ:

— Если бы я былъ Поликратомъ и уронилъ кольцо въ воду, то я бы нашелъ его вотъ въ этой самой сардинкѣ, которую я сейчасъ кушаю. Ты

знаешь, что случилось? Случилось то, что я сегодня встрѣтилъ кого? Херцевича! И что спросилъ у меня Херцевичъ? Онъ спросилъ, какъ я поживаю. Я отвѣтилъ, что поживаю ничего себѣ, великолѣпно. Тогда что дѣлаетъ Херцевичъ? Онъ зоветъ меня сегодня обѣдать. И что дѣлаю я? Отвѣчай, меланхолическая женщина, что дѣлаетъ твой мужъ? Твой мужъ идетъ на обѣдъ къ Херцевичу. Ха? Ха!

***

Швакъ былъ великолѣпенъ въ новомъ костюмѣ и въ новыхъ сапогахъ, которые неустанно напоминали о своемъ существованіи напоромъ на лѣвый мизинецъ и правую пятку. Онъ былъ свѣже выбритъ и даже подпудренъ, отчего его щеки пріобрѣли неземной голубой оттѣнокъ.

Онъ поднесъ мадамъ Херцевичъ букетъ изъ розъ («Что дѣлать? Конечно, расходъ. Расходъ по производству...»).

— Какъ у васъ прелестно! — говорилъ онъ, восторженно оглядывая лакированные столики модернъ. — Это который Людовикъ — четырнадцатый или пятнадцатый? Я, извините, всегда путаю ихъ по номерамъ. Жена хочетъ завести самый послѣдній выпускъ — Людовикъ номеръ шестнадцатый.

Онъ улыбался, потиралъ себѣ руки и, увидѣвъ маленькаго рыжаго мальчика, катавшаго по полу ломаную телѣжку, воскликнулъ, прижимая обѣ руки къ груди:

— Какой очаровательный ребенокъ! Но, Боже мой, какое потрясающее сходство! Если бы я увидѣлъ этого ребенка на улицѣ, я бы закричалъ во все горло: «посмотрите, вотъ идетъ маленькій господинъ Херцевичъ». Ей-Богу, это же феноменально.

Онъ ожидалъ взрыва радости. Каждому отцу пріятно, когда дѣти на него похожи, хотя, конечно, рискованно находить сходство между этимъ рыжимъ шаромъ и темнымъ, какъ копченая селедка, Херцевичемъ, но — родительское сердце, навѣрное, дрогнетъ.

Однако, родительское сердце не дрогнуло.

Мадамъ Херцевичъ холодно пожала плечами и сказала:

— Совершенно отказываюсь васъ понимать.

А самъ Херцевичъ вдругъ засуетился и залопоталъ:

— Ну, а теперь, скорѣе, водочки, водочки, водочки.

А никакой водочки на столѣ не оказалось.

— Значитъ, вы таки не усматриваете сходства? — не сдавался Швакъ. — Пожалуй, если приглядѣться, такъ этотъ ангелокъ больше похожъ на васъ, — обернулся онъ къ мадамъ Херцевичъ, особенно расчитывая на эффектъ слова ангелокъ.

— Господи! — съ нетерпѣніемъ оборвала та. — Да это вовсе не нашъ ребенокъ. Это сынъ моей пріятельницы. Лева, предложи гостю мадеры.

«Вѣдьма, — подумалъ Швакъ. — Что я обязанъ знать чьи какія дѣти?».

— Ну какъ же идутъ ваши дѣла, дорогой господинъ Швакъ? — любезно улыбаясь, спрашивалъ хозяинъ.

— Да, знаете ли, пожаловаться грѣхъ, — открыто улыбаясь, отвѣчалъ Швакъ.

— Ну это рѣдко приходится слышать въ наше время, — съ уваженіемъ сказалъ Херцевичъ.

— Конечно, у всякаго бываютъ такія минутки, что не хватитъ какихъ нибудь пустячковъ, напримѣръ, банкъ уже запертъ, а вамъ нужно пару тысячъ на что нибудь, на маникюръ. Это у всякаго можетъ случиться. Но неужели же я откажу пріятелю въ такомъ пустякѣ? Я же знаю, что онъ бы мнѣ не отказалъ. Какое прекрасное у васъ вино. Вы разрѣшите прислать вамъ на пробу нѣсколько бутылокъ — я долженъ получить на дняхъ отъ одного пріятеля. У него собственная фабрика, то есть, собственный виноградный заводъ. Замѣчательный ароматъ. И очень милый при этомъ человѣкъ. Я его какъ то немножко выручилъ, такъ вотъ онъ хочетъ отблагодарить. Ну что же — я вполнѣ понимаю. Если бы мнѣ кто нибудь такъ помогъ, когда мнѣ будетъ нужно, такъ тотъ человѣкъ увидѣлъ бы, что значитъ взрывъ благодарности. Но я лично всегда склоненъ помочь прямо по душевному влеченію къ добрымъ дѣламъ. Ну почему не сдѣлать человѣку услугу? Это такая радость, которую я бы позволилъ себѣ даже безъ процентовъ.

По лицу Херцевича скользнуло нѣчто неуловимое. Непонятное, но какъ бы пріятное. Однимъ словомъ, Швакъ не понялъ, что именно скользнуло по лицу Херцевича, а особенно задумываться было некогда. Онъ несся галопомъ прямо къ цѣли.

— Да, да, — вздохнулъ Херцевичъ. — Вамъ можно позавидовать. Мои дѣла далеко не такъ блестящи.

Тутъ Швакъ пріостановилъ свой галопъ и внимательно взглянулъ на Херцевича.

Почему онъ говоритъ такія печальныя вещи? Неужели догадался, что у него собираются призанять и вотъ прибѣдниваетея, чтобы удобнѣе было отказать. А, можетъ быть, какъ разъ наоборотъ — ровно ничего не подозрѣваетъ, а такъ какъ самъ занимать не собирается, такъ ему и не нужно разсказывать о своемъ богатствѣ.

— Что вы такъ на меня смотрите, дорогой мой? — грустно улыбаясь, спросилъ Херцевичъ.

— Я? Нѣтъ, — смутился Швакъ. — Это у меня съ дѣтства привычка смотрѣть на различные предметы...

— Лиза, — сказалъ Херцевичъ женѣ. — Подай намъ кофе въ кабинетъ. Мы немножко поговоримъ о дѣлахъ. Вы ничего не имѣете противъ, милый господинъ Швакъ?

— Напротивъ, напротивъ, — засуетился Швакъ. — Мнѣ именно какъ разъ хотѣлось.

— Пожалуйте.

«Начинается, начинается, — думалъ Швакъ, идя вслѣдъ за хозяиномъ и спотыкаясь отъ вол-

ненія. — Спокойствіе, спокойствіе. И чего бояться? Онъ же, повидимому, безумно меня любитъ...»

— Вотъ сюда въ кресло, — любезно предложилъ хозяинъ. — Можетъ быть папироску?

— Мерси, я не курю, съ удовольствіемъ. Спокойствіе, спокойствіе... виноватъ, это я не вамъ.

Херцевичъ посмотрѣлъ на него съ унылымъ удивленіемъ, вздохнулъ и сказалъ:

— Я очень радъ, дорогой господинъ Швакъ, что случай столкнулъ насъ. Это очень для меня счастливый случай, потому что я увѣренъ, что именно вы сможете меня выручить. Вы, надѣюсь, не откажете ссудить мнѣ небольшую сумму срокомъ на шесть мѣсяцевъ?

— С-с-ско-олько? — выдавилъ изъ себя Швакъ, чувствуя какъ у него вылѣзаютъ глаза и перехватываетъ горло.

— Пустяки, — отвѣчалъ Херцевичъ. — Двадцать тысячъ.

И онъ равнодушно приподнялъ брови и пустилъ дымъ колечкомъ.

— Конечно, это пу-пустяки, — дрожащимъ голосомъ согласился Швакъ. — Я вамъ завтра позвоню по телефону. Или лучше, вы мнѣ позвоните. Мы другъ другу позвонимъ одновременно. Это будетъ самое удобное. А теперь я уже пойду, меня давно ждутъ.

Онъ былъ такъ потрясенъ, что, придя домой, раздѣлся и легъ въ постель.

— Роза, — говорилъ онъ женѣ. — Положи мнѣ на голову чего нибудь теплаго, потому что еще минута и я сдѣлаюсь философомъ. Потому

что у меня въ мозгу уже возникаютъ вопросы, на которые нѣтъ отвѣтовъ. Имѣлъ ли Херцевичъ да деньги, и надулъ меня, или дѣйствительно, расчитывалъ у меня занять? И гдѣ правда? И почему небеса молчатъ?

Торжество

Онъ былъ такъ блѣденъ, когда вбѣжалъ въ квартиру Тюленевыхъ, что на него страшно было смотрѣть.

Хотя онъ и вообще никогда не блисталъ цвѣтущимъ видомъ, но теперь, кромѣ блѣдности, поразилъ еще и страннымъ выраженіемъ лица. Какой то изступленный, экстатическій восторгъ потрясъ, видимо, его до глубины души. Онъ былъ растерянъ, безуменъ, махалъ руками широко и нелѣпо и все что то силился сказать, да ничего не выходило.

— Ради Бога, Евгеній Иванычъ, что съ вами?

— Дор... доржество туха! — выговорилъ, наконецъ, Евгеній Иванычъ и, обнявъ Тюленева, прижалъ его къ своей груди, но тотчасъ же бросилъ и обнялъ Кафедралова, но и его бросилъ и принялся за мадамъ Тюленеву, но тутъ его схватили и, поглаживая по плечамъ, снова спросили въ чемъ же дѣло.

— Его должно быть выгнали изъ газеты, — шепнулъ Кафедраловъ Закутину.

Евгеній Иванычъ вытеръ лобъ, широко вдохнулъ воздухъ, какъ вдыхаютъ, стоя на берегу моря только что пріѣхавшіе въ отпускъ чиновники, и сказалъ уже совершенно ясно и отчетливо:

— Великое торжество русской культуры.

Всѣ притихли.

— Что же именно случилось, дорогой мой? — спросилъ Тюленевъ.

Евгеній Иванычъ прижалъ руку къ сердцу и растерянно улыбнулся:

— Ужасно бьется... Я такъ бѣжалъ. Хотѣлъ скорѣе сообщить. Великое открытіе. Нашъ русскій ученый Николай Рудаковъ, біологъ, то есть бактеріологъ, то есть нѣтъ — біологъ, ну да это все равно, открылъ... Въ редакцію телефонировали изъ «Дэйли Мэйль». Получитъ премію англійскихъ королевскихъ ученыхъ обществъ. Нѣтъ больше болѣзней, буквально никакихъ. И незачѣмъ искать ни микробовъ, ни возбудителей. Наплевать на коховскія палочки. И никакихъ больше съѣздовъ по раку и по не раку. Кончено. Рудаковъ изобрѣлъ вдуванье въ вену. Такой инструментъ, проколъ въ вену и вдуванье... Совсѣмъ просто, двухлѣтній ребенокъ можетъ сдѣлать. Что онъ тамъ такое вдуваетъ — я не знаю. Тамъ этотъ изъ «Дэйли Мэйль» что то болталъ, но у него такой румынскій акцентъ. Да и не въ этомъ дѣло.

— А что же отъ этого дѣлается?

— Зачѣмъ же онъ вдуваетъ?

— Это можетъ быть вредно?

— Кому это нужно? — забросали его вопросами слушатели.

— Милые мои! — восторженно воскликнулъ Евгеній Иванычъ. — Да въ томъ то вся и суть, что отъ этого вдуванья человѣкъ моментально пріобрѣтаетъ полный иммунитетъ. Ни одинъ микробъ въ его организмѣ пяти секундъ не просидитъ, хоть ты его озолоти. И такъ просто. Прямо сказка изъ «Тысяча одной ночи». Взялъ машинку, прокололъ вену. Двухлѣтній ребенокъ можетъ. Премія четыреста тысячъ. Оваціи! Восторгъ! Нашъ русскій эмигрантъ, идеалистъ, ученый, нищій, голодный, холодный. Питался одними макаронами. И такой скромный — даже не придавалъ особаго значенія своему открытію.

— Какъ все это удивительно! — ахали присутствующіе. — Дѣйствительно сказка.

— Я знавалъ Рудакова, — сказалъ Кафедраловъ. Мы вмѣстѣ плыли изъ Константинополя. Чудный человѣкъ! Чистая душа! Страшно за него радъ.

— Я тоже знаю его немножко, — сказалъ Закутинъ. — Голодалъ онъ ужасно. Прямо въ обморокъ падалъ. Все мечталъ свою лабораторію устроить. Планы у него какіе то, конечно, по научной части! Ну вотъ, теперь сможетъ осуществить.

— Дорогой Евгеній Иванычъ, — сказала Тюленева. — Какое счастье, что нашъ, русскій, такъ послужилъ всему человѣчеству.

— Да вы никакъ плачете? — спросилъ Закутинъ. — Ну, ничего, ничего, я самъ такъ взволнованъ. Подумать только!

— Знаете, господа, — восторженно выкрикнулъ Евгеній Иванычъ. — Знаете, вѣдь онъ дней черезъ пять долженъ пріѣхать въ Парижъ. Французскіе ученые хотятъ его чествовать. Нужно поскорѣе обдумать, какой мы ему устроимъ пріемъ.

— Банкетъ. Непремѣнно банкетъ по подпискѣ, — сказалъ Тюленевъ.

— Банкетъ и подношеніе, — сказалъ Закутинъ. — Какой нибудь серебряный жбанъ съ надписью: «Королю»...

— Нельзя королю, — перебилъ Кафедраловъ. — Короли не въ модѣ.

— Тогда «Боярину русской мысли».

— Русской научной мысли, — поправилъ Тюленевъ.

— Чудесно! — взвизгнула Тюленева.

— И роскошный банкетъ, — продолжалъ ея мужъ.

— Мало одинъ жбанъ, — запротестовалъ Евгеній Иванычъ. — Подумайте только! Вѣдь его слава — наша слава!

— Я позвоню Натальѣ Петровнѣ, — сказала Тюленева. — Она такая простая русская душа, такая непосредственная. Пусть порадуется. Алло! Алло!

— Кто эта Наталья Петровна? — спросилъ Закутинъ у Тюленева.

— Такъ одна, шьетъ что-то.

— Душенька! Поздравляю! — кричала въ телефонъ Тюленева. — Торжество русской эмиграціи. Русскій ученый сдѣлалъ открытіе. Удивительное... И легко, прямо двухлѣтній ребенокъ

можетъ. Мы всѣ съ ума сходимъ! Ну, конечно, приходите. Я все равно всю ночь спать не буду. Скорѣе! Володя, кажется звонятъ. Пойди открой.

Тюленевъ вышелъ въ переднюю.

— Андрей! Какими судьбами? Слышалъ новость? Тысяча одна ночь...

— Слышалъ, слышалъ. Всѣ только объ этомъ и говорятъ. Вотъ я принесъ англійскія газеты. Былъ въ русскомъ ресторанѣ, такъ тамъ прямо всѣ отъ радости цѣлуются. Точно христосуются...

— Ну, еще бы! Такое торжество.

— Подождите, я вамъ переведу изъ газетъ. Гм... да, вотъ: «Мистеръ Рудаковъ представляетъ изъ себя западно-славянскій типъ съ бородой. На вопросъ вашего сотрудника сказалъ, что не имѣетъ никакого отношенія къ русскому балету». Что за идіоты! Гм... м... «Отдыхать и развлекаться не предполагаетъ. Хочетъ продолжать работу, устроивъ лабораторію. На вопросъ вашего сотрудника, какое его любимое занятіе, великій ученый отвѣтилъ, что больше всего любитъ сидѣть на стулѣ».

— Что за гиль! Вотъ его портретъ. Какой онъ здѣсь жуткій вышелъ.

— Какой то испуганный.

— Чудный, благородный человѣкъ! Звонятъ. Володя, открой.

— Наталья Петровна! Милочка, дайте я васъ поцѣлую.

— Здравствуйте, голубчикъ. Ужъ вы простите, я и мужа съ собой привела. Авенирчикъ, входи, не стѣсняйся. Ты вѣдь знакомъ съ мусью Тю-

леневымъ. Тутъ все русскіе люди, все свои. Я привела его, пусть послушаетъ. Намъ ужъ по дорогѣ Прикманы разсказали. Король ему, говорятъ, пятьсотъ тысячъ отвалилъ. Ужъ до чего мы всѣ рады. Теперь всѣ немножко вздохнемъ.

— Четыреста, а не пятьсотъ.

— Ну, четыреста, такъ четыреста, тоже деньги не малыя. Человѣкъ, говорятъ, хорошій. Его пожалѣли, такъ и онъ долженъ пожалѣть. Вонъ у насъ Лукавинъ безъ сапогъ ходитъ.

— Ну что тамъ, это банальный случай, — перебилъ ее Закутинъ. — А вотъ Ильѣ Васильевичу слѣдовало бы тысячъ двѣсти отдать. Илья Васильевичъ съ нимъ вмѣстѣ университетъ кончилъ и вотъ сидитъ, голодаетъ, да еще семья на шеѣ.

— Это, извините за выраженіе, единица, — вдругъ подалъ голосъ мужъ Натальи Петровны, русской души. — Это единица. А, вотъ кому дѣйствительно слѣдовало бы придти на помощь, такъ это нашей артели ярославскихъ полотеровъ. Прямо на ладанъ дышетъ. Заработковъ никакихъ. Тысячъ бы хоть пятьдесятъ. Небось съ четырехсотъ то тысячъ пятьдесятъ не Богъ вѣсть что, а тамъ люди семейные, слѣдовало бы объ этомъ въ первую очередь.

— Конечно, это важно, — сказалъ Тюленевъ, — поддержать организацію. Если не будемъ поддерживать, все развалится.

— Да за что ему такую уйму, этому изобрѣтателю то, или какъ его тамъ? — спросила Наталья Петровна, русская душа.

— Ну какъ «за что»? Онъ сдѣлалъ такое важное открытіе. Это, такъ сказать, награда, премія.

— Ну ужъ это тоже не дѣло, — сердито отчеканила Наталья Петровна. — Ну, открылъ и открылъ, и слава Богу. А по моему, если ужъ давать премію, такъ всѣмъ давать. А то что! Одинъ будетъ въ шелковыхъноcкахъ щеголять, а другой подъ мостомъ ночуй? Это тоже не дѣло.

— Ну что вы плетете, голубушка, — съ досадой сказалъ Тюленевъ. — Вѣдь его же за заслугу наградили. Человѣкъ всю жизнь учился, работалъ.

— А по вашему, значитъ, коли не учился, такъ пусть подыхаетъ? Вотъ у насъ Лукавинъ безъ сапогъ ходитъ. Небось преміи ему никто не дастъ. Не много человѣку и нужно. Сунули ему тысячъ двадцать, такъ онъ бы въ ножки поклонился.

— Подожди, — перебилъ ее мужъ. — Въ первую голову артели. Скажемъ сто тысячъ. Потомъ Бармалѣеву. Забыла Бармалѣева? Второй мѣсяцъ безъ должности, квартира описана и за два года налогъ не плаченъ. Тысячъ двадцать нужно, чтобы управиться.

— Коли Бармалѣеву двадцать, такъ Лукавину пятьдесятъ.

— Господа! — вступился Тюленевъ. — Почему же выставлять кандидатуру одной этой артели? Мы должны перечислить всѣ союзы.

Онъ вынулъ записную книжку и забормоталъ себѣ подъ носъ: «Союзъ... объединеніе... союзъ... союзъ... объединеніе... общество взаимопомощи...»

— Господа! — сказалъ онъ наконецъ. — Не хватаетъ этихъ четырехсотъ тысячъ. Слишкомъ мала сумма.

Всѣ помолчали.

— Слушайте, дорогіе мои, — сказалъ тотъ, котораго хозяинъ назвалъ Андреемъ. — Вы не отдаете себѣ отчета, какое положеніе, міровое положеніе занимаетъ сейчасъ нашъ дорогой Рудаковъ. Да вѣдь ему по одному его слову съ радостью ссудятъ любую сумму. Подумайте только! Онъ въ настоящій моментъ первый человѣкъ въ Европѣ!

— Да и въ Америкѣ, — вставилъ Кафедраловъ.

— И въ Африкѣ, — прибавилъ Закутинъ.

— Такъ что онъ всегда сможетъ пополнить недостачу.

— Послушайте, господа, — взволнованно сказалъ Евгеній Иванычъ. (Онъ почти все время молчалъ и смотрѣлъ довольно испуганно). — Послушайте, все это отлично, но если онъ все раздастъ, да еще и назанимаетъ для васъ, такъ какъ же онъ самъ то будетъ жить?

— Во-первыхъ, это не для насъ! — рѣзко оборвалъ его Закутинъ. — Ни я, ни кто либо изъ здѣсь присутствующихъ для себя ничего не просимъ. Мы просимъ за тѣхъ, и даже не просимъ, а просто указываемъ, указываемъ кому онъ

обязанъ помочь. Облегчаемъ ему этимъ указаніемъ выполненіе его долга.

— Господи! — въ полномъ отчаяніи воскликнулъ Евгеній Иванычъ. — Да какъ же онъ то жить будетъ?

Ему отвѣчала Наталья Петровна, русская душа. Отвѣчала голосомъ язвительно-подчеркивающимъ безтолковость вопроса.

— Какъ будетъ жить? А вѣдь жилъ же до сихъ поръ, вотъ такъ, значитъ, и будетъ.

Подозрительная дама

Живемъ мы на свѣтѣ и ничего не знаемъ. Не знаемъ, что насъ ждетъ.

Ко всякимъ бѣдамъ мы болѣе или менѣе мыслью привыкли. Всѣ мы знаемъ, что можемъ попасть подъ автомобиль, свалиться съ лѣстницы, неудачно жениться, потерять картъ-д'идантитэ, прибавить шесть кило вѣсу, заболѣть, продуться въ бриджъ, умереть.

Всего этого и перечислять не стоитъ. Все это извѣстно и все для каждаго изъ насъ возможно.

Но бываютъ бѣды совсѣмъ неожиданныя, невообразимыя, чрезвычайно глупыя, и тѣмъ не менѣе очень непріятныя.

Постороннимъ могутъ онѣ показаться даже смѣшными. Иной безсердечный свидѣтель даже и посмѣется и другимъ разскажетъ, какъ о смѣшномъ эпизодѣ, но тому, съ кѣмъ эта бѣда разыгралась, приходится и не смѣшно и не весело.

Вотъ, разскажу вамъ исторію про одну такую диковинную бѣду.

⁂

У насъ въ Парижѣ возникаютъ иногда русскіе театры. Дадутъ пять-десять спектаклей и закроются.

Публика у насъ въ Парижѣ странная. Ей какъ будто очень по душѣ эти русскіе спектакли. Уходятъ, по крайней мѣрѣ, всѣ очень довольные, хвалятъ и пьесы и артистовъ. Но театры по большей части прогораютъ.

Въ чемъ же дѣло?

А дѣло въ нѣкоемъ принципѣ. Принципъ заключается въ томъ, что зрители зрѣть любятъ, а платить не хотятъ.

Каждый зритель находится либо въ родствѣ съ кѣмъ-нибудь изъ актеровъ, либо игралъ въ бриджъ съ режиссеромъ, либо пилъ пиво съ суфлеромъ, либо жилъ лѣтомъ въ одномъ пансіонѣ съ авторомъ, либо занималъ деньги у антрепренера. Словомъ, каждый зритель тѣми или иными узами связанъ съ театромъ, и было бы даже смѣшно, если бы онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего заплатилъ за билетъ.

Поэтому зритель, подходя къ билетной кассѣ, прежде чѣмъ спросить билетъ, спрашиваетъ кассиршу:

— Тихонъ Елисѣичъ пришелъ?

— Актеръ Зулинъ здѣсь?

— Актриса Мотылекъ-Воропайская за кулисами?

— Передайте мою карточку режиссеру.

— Для Анникова три билета оставлено?

— Для газеты «Бонжуръ» четыре пропуска. Да? Тогда, пожалуйста, еще три.

— Для хориста изъ «Казино» восемь пропусковъ. Какъ такъ — контрамарки. Мнѣ должны дать безплатные пропуски. Что? Подождать? Возмутительные порядки!

— Для автора пятнадцать пропусковъ.

— Скажите — для Муси и Дуси оставлено что нибудь? Намъ обѣщали...

Кассирша, съ красными пятнами на щекахъ, чиркаетъ синимъ карандашомъ на билетахъ буквы, цифры и знаки, а сердитый контроль бубнитъ ей въ ухо, что она свершаетъ недопустимые и противозаконные поступки, что дирекція заплатитъ штрафъ, что публика должна платить хоть благотворительный сборъ, разъ уже всѣ зрители приходятся другъ другу и артистамъ родней.

— Я же не могу отказать! — мечется кассирша. — Это нашъ знаменитый писатель. А это тетка нашего лучшаго комика. Я не могу!

И вотъ однажды вечеромъ, когда уже спектакль начался и всѣ родственники и друзья артистовъ разсѣлись по мѣстамъ, къ театру подкатило такси, изъ него вышла дама, подошла къ кассѣ и спросила билетъ.

Оба контролера, уже достаточно потрясенные тѣмъ, что дама подъѣхала на такси, насторожили уши, стараясь подслушать, на кого она сошлется для полученія дарового мѣста. Но дама справилась о цѣнахъ, спросила билетъ третьяго ряда и тутъ же, какъ ни въ чемъ не

бывало, заплатила за него пятнадцать франковъ; мало того, спросила программу, за которую также, не сморгнувъ, заплатила, и вошла въ залъ.

— Что такое?

— Кто такая?

Кассирша, ободравъ себѣ уши, высунула голову въ низкое окошечко кассы и, вытянувъ, какъ гусь, шею, смотрѣла вслѣдъ.

Контролеры, раздвинувъ драпировку, отдѣляющую залъ, щурились, жмурились, разглядывали, куда она сѣла, не заговорила ли съ кѣмъ-нибудь, — надо же узнать, кто она такая.

— Подумайте только! — разсказывала кассирша смотрительницѣ лавабо, выглянувшей изъ дверей своего царства. — Пріѣхала въ такси, заплатила за свой билетъ, да еще и программу купила. Прямо, какъ бѣшеная.

— Присмотрѣть бы за ней, — совѣтовала смотрительница, — можетъ быть ненормальная.

— А можетъ быть изъ ревности.

— Что изъ ревности? За билетъ заплатила изъ ревности? Чего-й то я не пойму.

— Нѣтъ, изъ ревности за кѣмъ-нибудь слѣдитъ. Выслѣдитъ и начнетъ палить. И эдакія всегда мимо палятъ. Много публики можетъ перекалѣчить.

— Ой, что вы говорите! Надо бы контролерамъ сказать...

— Сергѣй Адамычъ! — позвала кассирша. — На минутку сюда. Вотъ, мадамъ Крячко говоритъ, что эта дамочка обязательно при ору-

жіи и будетъ палить. Вы на ней оружія не замѣтили?

— Чего?

— Орудія при ней не было? — спросила смотрительница.

— Боже мой, Боже мой! До чего намъ не везетъ! — стоналъ Сергѣй Адамычъ. — Все шло такъ хорошо, думали — завтра закроемся, и вдругъ, какъ снѣгъ на голову! Пріѣхала, купила билетъ!.. Теперь расхлебывай!

Во время антракта странная зрительница купила у разносящей дѣвицы коробку шоколада. Контролеры подтолкнули другъ друга локтемъ.

Смотрительница, забывъ свои обязанности, стояла у входа въ залъ и шептала контролерамъ:

— Купца зарѣзала. Онѣ, эдакія, всегда такъ. Какъ купца зарѣжутъ — прямо ихъ въ театры несетъ. Потомъ мороженое ѣдятъ, а потомъ возьмутъ, да и спать завалятся.

— Надо бы все-же дать знать полиціи, — сказалъ контролеръ Сергѣй Адамычъ.

— Да что же мы скажемъ? Вѣдь она пока что ничего. Не проявила признаковъ, какъ говорится.

— Да можно прямо сказать, что мы, молъ, не ручаемся, что она очень странно пейе за свой плясъ, и что ее персонъ не коне. Они уже тамъ сами разберутъ.

Приведенный съ улицы ажанъ долго всматривался въ подозрительную даму, записалъ что-то въ книжечку и пошелъ звонить по телефону.

* * *

Подозрительная, но ничего не подозрѣвающая, дама, выйдя изъ театра, подозвала такси и была очень удивлена, когда совершенно незнакомый господинъ открылъ передъ ней дверцу автомобиля и внимательно прислушался къ адресу, который она сказала шоферу.

Еще больше удивилась бы она, если бы видѣла, какъ онъ вынулъ изъ кармана книжку и тщательно записалъ въ нее номеръ автомобиля.

Черезъ два дня консьержка проболталась Мадленѣ, служанкѣ подозрительной дамы, что къ ней уже два раза приходилъ сыщикъ и очень подробно разспрашивалъ про мадамъ. Въ чемъ дѣло — неизвѣстно, но Мадленъ хорошо сдѣлаетъ, если послѣдитъ за мадамъ и, когда увидитъ, что нибудь подозрительное, пусть немедленно разскажетъ ей, консьержкѣ, и тогда можетъ быть, если что нибудь, отъ сыщика перепадетъ.

— А что мадамъ сдѣлала? — испуганно спросила Мадленъ.

— Еще неизвѣстно, но она, кажется, очень опасная преступница.

Мадленъ перепугалась до смерти и не пожелала оставаться въ такомъ страшномъ домѣ.

Подозрительная дама была очень удивлена, когда Мадленъ, дрожа и заикаясь, попросила расчета.

— Я ничего дурного не знаю о мадамъ, — повторяла она совершенно безсмысленно.

— Бѣдняжка! — подумала подозрительная дама. — Она, кажется, помѣшалась. Жаль ее, но пусть лучше уходитъ. Такую держать опасно.

Обратилась къ консьержкѣ съ просьбой рекомендовать ей новую служанку.

Консьержка, прежде всегда любезная, отнеслась къ подозрительной дамѣ очень холодно и сказала, что врядъ ли хорошая прислуга захочетъ поступить въ такой домъ.

— Въ какой домъ? — удивилась дама.

— Мадамъ сама знаетъ, — многозначительно отвѣчала консьержка, повернулась и ушла.

Подозрительная дама совсѣмъ растерялась. Она прямо не знала, чѣмъ объяснить такое къ себѣ отношенiе.

Она вообще нервничала. Послѣднее время съ ней стали происходить странныя штуки. Ее все время преслѣдовалъ какой-то господинъ малопочтеннаго вида. И разъ она видѣла, какъ онъ разспрашивалъ о чемъ-то консьержку. Она сказала консьержкѣ:

— Что это за типъ? Если онъ разспрашиваетъ обо мнѣ, то, пожалуйста, скажите, что я вовсе не желаю заводить съ нимъ знакомства. И пусть онъ оставитъ меня въ покоѣ.

Консьержка иронически усмѣхнулась.

— Всѣ люди, попавшiе въ такое положенiе, какъ мадамъ, желаютъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ.

— Что вы этимъ хотите сказать? — испугалась дама.

— О, мадамъ отлично меня понимаетъ, — многозначительно отвѣчала консьержка.

Новая прислуга, рекомендованная конторой, оказалась очень странной, все шепталась съ кѣмъ-то на лѣстницѣ, рылась въ письменномъ столѣ и подслушивала телефонные разговоры.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день явились къ подозрительной дамѣ два господина, заявили, что они чины сыскной полиціи, попросили показать документы, долго разспрашивали, съ кѣмъ она видится, на какія средства живетъ, чѣмъ занимается и почему живетъ именно въ этомъ домѣ.

На послѣдній вопросъ дама никакъ не могла дать толковаго отвѣта, смутилась, растерялась и заплакала.

Визитеры многозначительно переглянулись.

Подозрительная дама спѣшно бросила свою квартиру и переѣхала за городъ.

— Доктора прописали мнѣ свѣжій воздухъ, — говорила она всѣмъ.

Но иногда, во время мирной бесѣды съ какой-нибудь пріятельницей, глаза ея вдругъ начинали сверкать испуганно и злобно. Въ этотъ моментъ она думала:

— А ужъ не ты ли, подлечиха, оклеветала меня.

Характеръ у нея сталъ мрачный и замкнутый. Она все искала отвѣта и объясненія непонятному кошмару, такъ неожиданно и странно смутившему тихую заводь ея жизни.

Долго искала и, конечно, не нашла.

***

Будьте осторожны!
Требуйте контрамарку!

Стрекоза и муравей

Послѣдній псевдонимъ Ирочки Пентуховой былъ — Иста Круче.

Русскій «дѣловой человѣкъ», хлопотавшій за Ирочку, остался псевдонимомъ доволенъ. Загоготалъ и сказалъ:

— Это ладно. Чѣмъ круче — тѣмъ лучше.

Но пристроить Ирочку никуда не сумѣлъ.

Да и куда ее устроишь? Голосокъ маленькій, и довольно непріятный. Внѣшность не потрясающая, форма фигуры пирамидальная, какъ у тополя — чѣмъ ниже, тѣмъ шире, лицо острое, носъ унылый.

Старшая сестра Ирочки, самая обыкновенная Надюша, была очень на Ирочку похожа, но вмѣстѣ съ тѣмъ миловидна.

Служила Надюша продавщицей въ русской лавкѣ и считала, что о лучшей судьбѣ и мечтать нельзя.

— Наше дѣло разрастается, — горячо улыбаясь сообщала она родителямъ. — Хозяинъ купилъ ведро русской брусники. Дивная. Вродѣ моченой. Я надѣюсь, что онъ меня заинтересуетъ въ процентахъ.

Но торжествовала она только передъ родителями. Передъ Ирочкой не смѣла. Ирочка жила въ другомъ мірѣ, въ мірѣ чудесъ и возможностей.

Въ надюшиномъ мірѣ жизнь разсчитывалась на сантимы. Въ ирочкиномъ — только на милліоны.

Это не значитъ, что у Ирочки были эти милліоны. У нея была только надежда на милліоны. Надежда и желанія.

У нея водились пріятельницы, необыкновенныя. Такія не у всякаго бываютъ.

Онѣ были разныхъ цвѣтовъ.

У одной волосы — красные, какъ морковь, у другой — сиреневые, у третьей — свѣтло-желтые, у четвертой — полосатые: — желтые съ коричневымъ.

Онѣ боялись пополнѣть и ничего не ѣли. Поэтому у всѣхъ у нихъ была въ глазахъ страстная, неутоленная тоска по жареной курицѣ.

Собираясь вмѣстѣ, онѣ говорили прежде всего о худѣльномъ режимѣ и о своемъ вѣсѣ. Кто сколько убавилъ, кто сколько прибавилъ. При чемъ каждая убѣждала другую, что той совсѣмъ не къ чему худѣть. Но о себѣ каждая думала, что потеряй она еще пять кило, и жизнь ея заиграетъ цвѣтными огнями.

О режимахъ разсказывали удивительныя вещи.

— Подруга сестры одной моей знакомой пѣвицы три недѣли ѣла только толченую орѣховую скорлупу. Говорятъ — замѣчательно.

— Ну и что же? Очень похудѣла?

— Очень. Прямо прелесть. Даже, кажется, умерла.

— А сколько можно съѣдать въ день этой скорлупы?

— А одинъ докторъ въ Австраліи придумалъ, чтобы вмѣсто ѣды гулять, но не на ногахъ, а на рукахъ. Чуть захотѣлось ѣсть, сейчасъ же хлопъ на полъ и гуляй на рукахъ. И говорятъ, въ одну недѣлю можно потерять двадцать кило.

Кромѣ режима говорили часто о передѣлкахъ, только не о передѣлкахъ туалетовъ, а больше о носахъ.

— Софкѣ передѣлали въ Берлинѣ носъ. Весь цѣликомъ. Но она такая злющая и такъ хирургу надоѣла, что онъ ей придѣлалъ третью ноздрю.

— Ну и что же? Красиво?

— Ужасно! Если бы еще было модно, а то совсѣмъ ни къ чему. Будетъ снова передѣлывать.

— Лили Жоли перешили грудь. Она дала свою выкройку, отъ Маргоши. Очень хорошенькая выкройка и совсѣмъ несложная.

— Говорятъ, что Лига де Брига опять перешила подбородокъ.

Передѣлки, перешивки, перекройки. Точно экономная хозяйка перелицовываетъ старыя тряпки.

Потомъ мучились надъ «созданіемъ жанра».

— Въ искусствѣ существуютъ двѣ ступени,

по которымъ долженъ подняться талантъ. Первая ступень — придумыванье псевдонима. Вторая ступень — созданіе своего жанра.

Ирочка на первую ступень уже поднялась. Теперь осталось одно — создать жанръ.

— Для талантливой пѣвицы съ небольшимъ голосомъ лучшій жанръ, конечно, пѣсенки. Но какія пѣсенки и какъ ихъ обставить?

— Я могу выйти совершенно голая и пѣть что-нибудь очень гривуазное, но съ очень строгимъ выраженіемъ лица... Понимаете? Строгимъ, почти страдальческимъ. Это поразитъ неожиданностью.

— Конечно, это было бы оригинально, — согласился «дѣловой человѣкъ». — Только не подумала бы публика, что вотъ у дѣвицы жанръ веселый, а самой то ей, что то, видно нездоровится.

Слыша отрывками всѣ эти планы, скромная Надюша и возмущалась, и волновалась, и жалѣла сестру, и стыдилась за нее.

Набравшись храбрости, говорила ей:

— Брось ты все это. У Петра Афанасьевича въ ресторанѣ «Шэ Петрусь» освобождается мѣсто кассирши. Принимать по счету, отпускать огурцы и компотъ. Дѣло немудреное, скоро привыкнешь. Нельзя же такъ! Вѣдь ты съ голоду пропадешь съ твоими затѣями. Я тебѣ добра желаю. У меня голосъ гораздо лучше, чѣмъ у тебя, однако же мнѣ и въ голову не приходитъ вдругъ запѣть на эстрадѣ.

— Ну и дура, что не приходитъ, — отвѣчала Ирочка, презрительно улыбаясь на робкій надюшинъ лепетъ.

Ея дѣло подвигалось, она создала себѣ жанръ. Англійскія пѣсенки. Англійскаго языка она не знала, выговаривала такъ, что даже русскіе пугались, но «дѣловой человѣкъ» сказалъ, что чѣмъ непонятнѣе, тѣмъ лучше.

Затѣмъ придумано было выступленіе. На эстраду ставятся ярко-зеленыя ширмы. На ихъ фонѣ ставятъ Ирочку въ ярко-зеленомъ закрытомъ платьѣ. Волосы ея выкрашены въ зеленый цвѣтъ, ногти на рукахъ и ногахъ зеленые (она, конечно, въ сандаліяхъ съ голыми пальцами). Все зеленое сливается въ одно. Видно только лицо, концы рукъ и концы ногъ. Въ рукахъ у Ирочки блестящія мѣдныя погремушки, которыми она гремитъ въ тактъ пѣснѣ. Благодаря погремушкамъ является возможность приписать пѣсенкамъ экзотическое происхожденіе. Напримѣръ «Пѣсни горныхъ Діу-ту-ту». Пойди, ищи, гдѣ эти самые Діу-ту-ту. Да изъ снобизма никто и не признается, что никогда о нихъ не слыхалъ.

«Дѣловой человѣкъ» приготовилъ вступительное слово.

«Вниманіе нашихъ эстетовъ обращено на необычайное откровеніе, на пѣсенки горныхъ Діу-ту-ту. Исполняютъ ихъ на своеобразномъ англійскомъ языкѣ, подъ трели экзотическихъ «ю-ю-тью» — металлическихъ колотушекъ».

Слова смастерили сами, музыку подкрали кусочками, но Ирочка такъ пѣла, что было безопасно. Все равно ни на что непохоже и ничего не узнать.

Слова вышли замѣчательныя:

«Бэби, бэби, дзяу, дзяу.
Бэби, бэби, дзу-у, дзу-у.
Бэби, ночью свѣтитъ намъ луна.
Бэби, бэби, дзяу-дзяу.
Бэби, бэби, дзу-у, дзу-у.
Бэби, ночью ти-ши-на».

Во время припѣва Ирочка вытягивала то одну, то другую руку и трясла трещоткой.

Пѣла она съ очень серьезнымъ, почти трагическимъ лицомъ, вымазаннымъ очень темнымъ красноватымъ кремомъ. Унылый носъ экзотически блестѣлъ. Аккомпаніаторъ хлопалъ и стрекоталъ по роялю, подпрыгивая на табуреткѣ, водилъ пальцами вверхъ и внизъ по клавишамъ и иногда даже взвизгивалъ.

Публика ничего не поняла и думала, что это хотя и скверно, но, вѣроятно, имѣетъ какой-нибудь смыслъ и значеніе, иначе зачѣмъ бы было ставить зеленую ширму и красить волосы и ногти въ зеленый цвѣтъ. И не сталъ бы аккомпаніаторъ такъ лѣзть изъ кожи, если бы въ этихъ пѣсняхъ не было какой то непонятной профанамъ особой прелести. А такъ какъ никому не хочется оказаться профаномъ, то всѣ восторженно аплодировали. Многіе требовали

«биса» только потому, что хотѣлось какъ слѣдуетъ разсмотрѣть торчащіе изъ сандалій зеленые ногти.

Ирочка выходила, презрительно кланялась, снова становилась въ ту же позу и съ тѣмъ же гордымъ и холоднымъ выраженіемъ лица снова начинала — «Бэби, бэби, дзяу-дзяу».

«Дѣловой человѣкъ» поднесъ ей огромную корзину цвѣтовъ, которую потомъ поставили въ счетъ расходовъ.

Въ иллюстрированномъ журналѣ появился ея портретъ съ трещотками и трагическимъ лицомъ.

Надюша присутствовала на концертѣ. Забилась въ послѣдній рядъ и умирала со стыда.

— Боже мой! — думала она. — Они сейчасъ ее бить начнутъ. Нельзя же вынести такого нахальства!

Журналисты въ антрактѣ смотрѣли другъ на друга, недоумѣнно поднявъ брови. И ни одинъ не могъ угадать, что въ этомъ понялъ другой.

— Н-да. Во всякомъ случаѣ, это занятно и бьенъ презанте, — простите, не могу подыскать русское выраженіе.

— Да, я нахожу, что это въ достаточной степени интересанъ. Простите, трудно найти по-русски соотвѣтствующее слово.

Въ газетѣ появился отчетъ:

«Наша талантливая соотечественница... и т. д. Ей уже обѣщанъ ангажементъ въ Ковно и въ Австралію».

Словомъ, все пошло, какъ по маслу, то есть, скользко, только держись.

«Лѣто красное пропѣла, оглянуться не успѣла, какъ зима катитъ въ глаза».

И вотъ, когда по мѣткому выраженію баснописца, вызванному необходимостью рифмы къ слову «стрекоза», зима прикатила въ глаза, получила Ирочка ангажементъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ Нью-Іоркъ, который обожаетъ сенсаціи. А такъ какъ каждый, побывавшій на ирочкиномъ концертѣ, клятвенно утверждалъ, что никогда въ жизни онъ ничего подобнаго не видывалъ, то любопытство Америки достигло высочайшаго напряженія. Ирочкѣ выслали авансъ и она торжественно отбыла на пароходѣ съ самыми большими тоннами водоизмѣщенія.

Дѣла Надюши пошли плохо. Ея ресторанъ прогорѣлъ.

«Шэ Петрусь», куда она поступила, какъ кассирша, кулинарша, посудница, и прочая, и прочая, хотя и не прогорѣлъ, а жилъ стараніями Надюши, но зато ни гроша ей не заплатилъ.

Надюша утѣшала себя страннымъ бѣженскимъ афоризмомъ:

— Лучше работать даромъ, чѣмъ сидѣть безъ работы.

Почему это лучше, она объяснять не желала. Когда же совершенно выбилась изъ силъ, то робко попросила хоть немножко денегъ, чтобы хоть за комнату заплатить. Хозяинъ «Шэ Петрусь» обидѣлся за недовѣріе.

— Что мы жулики, что-ли, что вы намъ не вѣрите? Заплатимъ, не зажулимъ ваши милліоны.

Такъ на обидѣ и отъѣхалъ.

Надюшѣ совѣтовали судиться, но она боялась, что судья выгонитъ ее изъ Франціи. Очень была робкая.

Пришлось написать сестрѣ въ Америку. Не оставаться же на улицѣ?

Отправила письмо миссъ Иста Круче.

Описала свое горестное положеніе.

Иста Круче отвѣтила, что можетъ черезъ своихъ друзей достать ей кой-какую работу по перепискѣ, за комнату и завтракъ, что очень жаль, что Надюша не обладаетъ ея талантами, но для скромнаго маленькаго человѣка быть сытымъ и имѣть крышу надъ головой и то слава Богу.

Ты не пѣла, это не дѣло, такъ пойди-ка попиши.

Обѣдъ съ иностранцемъ

Эта мысль пришла ей въ голову не сразу. Эта мысль вылуплялась на свѣтъ Божій медленно, какъ цыпленокъ изъ яйца. Сначала проклевывала оболочку, долго. Потомъ вылѣзла. И когда она вылѣзла, Анна Семеновна сказала мужу:

— Карлуша, у меня есть идея.

— Ну? — спросилъ Карлъ Андреевичъ.

— Я должна устроить обѣдъ.

— Ну? — опять спросилъ Карлъ Андреевичъ.

— Обѣдъ спеціальный. Для французскаго писателя Штейнберга.

— Ну? — спросилъ въ третій разъ Карлъ Андреевичъ и нахмурилъ брови.

— Я должна его позвать обѣдать — это разъ. Но обѣдъ долженъ быть совершенно особенный — это два. Потому что онъ человѣкъ богатый и избалованный — это три. Просто устраивать для него хорошій обѣдъ — это, во-первыхъ, дорого, во-вторыхъ — абсолютно для него не интересно. Мало онъ видалъ обѣдовъ?

Это четыре. Надо устроить спеціально русскій обѣдъ. Это пять. Тогда, если что и не совсѣмъ ладно, то можно свалить на этотъ... на фольклоръ, или какъ его тамъ... Онъ же не знаетъ, какія такія особенности русскаго стола, можетъ быть такъ и надо, чтобы было одно пережарено, другое сыровато. Русскій стиль — это такъ сказать страховка, это, во-первыхъ, и легче приготовить, это, во-вторыхъ, и для него интереснѣе, это въ-третьихъ.

— Ну? — спросилъ Карлъ Андреевичъ. — Ты уже кончила свою бухгалтерію, — «во-первыхъ, въ-четвертыхъ, въ-пятнадцатыхъ»? Почему ты непремѣнно должна удивлять господина Штейнберга?

— Ну, что ты говоришь! — всплеснула руками Анна Семеновна. — Извѣстный французскій писатель, гордость Франціи. Почему же не принять у себя гордость Франціи, когда мы только что переклеили столовую и ты самъ купилъ закусочный приборъ?

— Закусочный приборъ! Можно подумать, что я для твоихъ Штейнберговъ покупаю закусочные приборы!

Анна Семеновна прижала пальцы къ виску.

— До чего я не люблю, когда ты начинаешь говорить все во множественномъ числѣ. Это совершенно все путаетъ! Все пріобрѣтаетъ планетарные размѣры. «Для твоихъ Штейнберговъ»! Что ихъ цѣлая армія, что ли? Пойми, безумецъ, что я должна сдѣлать обѣдъ для своихъ друзей. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ...

— Опять пошла бухгалтерія!

— А во-вторыхъ, — почему не доставить друзьямъ удовольствіе пообѣдать со знаменитымъ французомъ?

— Гдѣ Катя?

— Ради Бога, не называй ее Катей. Она не хочетъ. Она говоритъ, что это монархическое имя, а она теперь соціалистка.

— Почему монархическое?

— Екатерина Первая, Екатерина Вторая, Катерина Медичи — не знаешь, что ли? — зачѣмъ тебѣ дразнить ребенка, разъ ребенокъ соціалистъ. Зови ее Колетъ.

— И не подумаю. Чтобъ дѣвчонка въ пятнадцать лѣтъ выдумывала фокусы!

— Ну такъ она тебѣ покажетъ.

Анна Семеновна подошла къ зеркалу и озабоченно стала разглядывать свое лицо.

— Отъ этой безоблачной жизни между бровями уже дѣлается складка. А ему все равно. Онъ сейчасъ пойдетъ на засѣданіе и все какъ съ гуся вода. И все лежитъ на мнѣ. На мнѣ лежатъ гости, на мнѣ лежитъ французъ, на мнѣ лежитъ меню. Все я и я. И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ пятнадцатыхъ. Насчетъ меню позвоню мадамъ Лерхе.

— Дорогая! Алло-алло! Составьте мнѣ, ради Бога, самое искренно-русское меню. Борщъ? Ну, вы шутите. Это же теперь самый французскій супъ во всѣхъ французскихъ ресторанахъ. Ботвинья? Это идея. Вареники? Тоже идея. Хотя это уже Украина, но я не сепаратистка. Единая

недѣлимая. Въ нее входятъ и вареники. Вы, конечно, придете? Штейнбергъ безумно интересный человѣкъ. Острый, наблюдательный умъ. Обожаетъ женщинъ. Особенно русскихъ женщинъ. Карлуша? Ну, конечно, ревнуетъ. Если бы онъ посмѣлъ не ревновать, я бы обидѣлась за Штейнберга. Но вы же, конечно, читали Штейнберга? Безумный талантъ. Его послѣднiй романъ — какая смѣлость, какой размахъ. Женщина влюбляется въ одного мужчину, а потомъ онъ тоже влюбляется въ другую, а мужъ этой другой тоже влюбляется и вообще безумно ярко. Значитъ, придете? Обѣщаю, что не пожалѣете.

***

Позваны — мадамъ Лерхе, безъ мужа (красива, элегантна, умна). Мосье Куриловъ безъ жены (хорошо говоритъ по-французски и, кажется, кое что читаетъ). Мадамъ Вересай, безъ мужа (толста и глупа. На ея фонѣ очень выгодно выдѣляешься). Мосье Крунъ, увы — съ женой. Она его одного никуда не пускаетъ. Крунъ чудесный собесѣдникъ, говоритъ комплименты и окружаетъ женщину ореоломъ. Писатель Мухоровъ, Павелъ Евгеньевичъ. По-французски ни бэ, ни мэ. Но все-таки нужна же наличность русской литературы. Онъ, собственно говоря, начинающiй, но это безразлично.

Всѣ обѣщали придти. Когда она съ торжествомъ предупреждала, что будетъ знаменитый французскiй писатель, изучающiй русскую душу, всѣ равнодушно замѣчали:

— Какой чудакъ!

— И охота вамъ!

Но это было хорошо. Это значило, что Аннѣ Семеновнѣ завидуютъ.

Немножко безпокоило поведеніе Катюши, она же Колетъ. Катюша, узнавъ, что приглашенъ Штейнбергъ, устроила цѣлый скандалъ. Штейнбергъ былъ салоннымъ писателемъ, писалъ про свѣтскихъ дамъ, про ревность, любовь и прочія пошлости, когда сейчасъ такъ остро стоитъ рабочій вопросъ. Ей, Колетъ, глубоко противенъ этотъ буржуйчикъ и она ему непремѣнно все это выскажетъ прямо въ лицо.

Ну, что съ этимъ подѣлаешь? Можетъ быть лучше не раздражать ее преждевременно?

— Ботвинья съ осетриной, это разъ. Кулебяка съ вязигой — это два. Русскія котлеты — это три. Вареники — это четыре. Общая оживленная бесѣда — это пять. Куриловъ скажетъ что-нибудь тонкое и на хорошемъ французскомъ языкѣ — это шесть. Но Катюша, Боже мой, что выкинетъ Катюша? Да, еще забыла — русскія закуски. Это, значитъ, восемь. Но Катюша, Катюша... Лучше все-таки ее не раздражать. Если ребенокъ соціалистъ, то лучше его не раздражать.

**
*

Французъ пришелъ раньше всѣхъ и сразу чего то обидѣлся.

Анна Семеновна въ приливѣ свѣтской оживленности выпалила сразу всю гамму извѣстныхъ

ей французскихъ привѣтствій, которыя онъ принялъ довольно мрачно, и сидѣла, трепетно улыбаясь, и выражала всѣмъ существомъ своимъ восторженную готовность тутъ-же умереть за Францію.

Издали черезъ коридоръ доносились странные вопли Катюши. Французъ вытянулъ ухо и съ интересомъ прислушивался. Это было крайне неделикатно. Хотя, можетъ быть, это ему нужно для какого нибудь будущаго романа?.. Потомъ оглядѣлъ комнату и съ любопытствомъ уставился на пятно на коврѣ.

— Почему онъ не смотритъ на мою роскошную вазу? Почему надо смотрѣть непремѣнно на пятно? Даже если это и нужно для будущаго романа, то могъ разокъ взглянуть и довольно. Я увѣрена, что Лермонтовъ не сталъ бы пялить глаза на такіе непріятные пустяки.

Наконецъ вышелъ Карлуша. Холодно любезенъ.

— Ахъ, мой мужъ такъ счастливъ, — лепетала Анна Семеновна. — Мосье Штейнбергъ, навѣрное, тебя опишетъ, хи-хи! Шеръ мэтръ, мой мужъ постоянно васъ читаетъ...

Карлуша смотрѣлъ на нее холодно и подозрительно, и она сжималась подъ этимъ взглядомъ, какъ кроликъ передъ глазами кобры.

Пришли гости. Хозяйка восторженно познакомила ихъ со знаменитымъ французомъ. Но они были очень сдержанны.

— Такъ это дурачье еще выказываетъ собственное достоинство, — раздраженно думала Анна Семеновна.

Гости, однако, скоро оживились и стали громко и весело болтать по-русски. Знатокъ французскаго языка Куриловъ, на котораго возлагалось столько надеждъ, неожиданно увлекся мадамъ Лерхе и сталъ ей разсказывать очень пространно о томъ, какъ семилѣтнимъ ребенкомъ влюбился въ бѣлочку, похожую на нее, на мадамъ Лерхе.

Катюша сѣла въ конецъ стола, съ французомъ не поздоровалась и громко крикнула матери:

— Не вздумай только знакомить меня съ этимъ прохвостомъ. Я все равно руки ему не подамъ.

На что Карлъ Андреичъ залился восторженнымъ смѣхомъ.

— У насъ русскій обѣдъ! — лебезила бѣдная Анна Семеновна. — Сэ ля ботвинья, классикъ.

Французъ отколупнулъ вилкой кусокъ осетрины, вытеръ ротъ и сказалъ невесело улыбнувшись:

— Рыба не дурна, но соусъ мнѣ не нравится.

Анна Семеновна смотрѣла на него умоляющими глазами, но онъ не хотѣлъ этого замѣчать.

— Мосье Куриловъ, разскажите намъ что-нибудь забавное, вы такъ хорошо разсказываете, — заискивающе улыбаясь, просила она.

Но тотъ даже и не слышалъ. Или дѣлалъ видъ, что не слышитъ.

— А это нашъ очень извѣстный писатель, мосье Муходоровъ, — вполголоса объясняла хозяйка почетному гостю. — Онъ зачитывается вами. Вотъ это тотъ брюнетъ...

Но гость только мотнулъ головой и даже глазами не повелъ въ сторону своего обожателя.

Въ это время раздалась звучная французская рѣчь. Это Катюша кричала Курилову черезъ весь столъ:

— Я ненавижу слащавыхъ бездарностей, описывающихъ давно отжившихъ и никому ненужныхъ буржуевъ. Талантливый писатель долженъ описывать рабочую среду, долженъ шагать въ ногу съ вѣкомъ. Что? Почему, мама, ты мнѣ выкатываешь страшные глаза? Я можетъ быть вовсе не о немъ.

— Ахъ, моя дѣвочка воображаетъ себя соціалисткой! — лебезила несчастная Анна Семеновна, стараясь заглушить вопли дочери.

Она вся покрылась красными пятнами и губы у нея дергались.

Но именитому гостю все это было совершенно безразлично.

Онъ поковырялъ вилкой кулебяку, хлебнулъ вина и сказалъ, что онъ очень поздно завтракалъ.

— Этотъ идіотъ явно насъ презираетъ, — неожиданно рявкнула толстая мадамъ Вересай, та самая, на фонѣ которой Анна Семеновна надѣялась выдѣлиться.

— Ну это вы того-съ! — засмѣялся мосье Крунъ. — Вѣдь идіотъ слово международное. Онъ его, пожалуй, понялъ.

На это жена Круна стала истерически смѣяться, а Муходоровъ сталъ объяснять не разслышавшимъ Курилову и мадамъ Лерхе, въ чемъ дѣло, а Куриловъ разсказалъ въ свою очередь заинтересовавшемуся Муходорову, и слово «идіотъ» весело запрыгало съ одного конца на другой, и хозяйка, чтобы отвлечь вниманіе знатнаго гостя, сама себя не помня, стала рыдающимъ голосомъ декламировать изъ «Евгенія Онѣгина», якобы, чтобы ознакомить гостя съ образцами русской поэзіи.

— Еще минута, — думала она, — и я не знаю, что со мной будетъ. Я или заплачу, или закричу пѣтухомъ. И что я имъ сдѣлала? Вѣдь это же интересно — знаменитый французъ. И ему тоже должно же быть пріятно — изысканный обѣдъ — во-первыхъ, амъ славъ, во-вторыхъ... Чего же онъ злится?

Она оглядывала всѣхъ, ища дружескаго отклика, она даже посмотрѣла на мужа умоляющими глазами. Но никто ей не отвѣтилъ.

Почетный гость быстро ушелъ. Оставшіеся затѣяли бриджъ.

— Карлуша! — метнулась къ мужу растерянная Анна Семеновна. — Карлуша! Въ чемъ дѣло? Почему онъ тебѣ такъ не понравился?

Карлуша нагнулся къ ней и пролаялъ сдавленнымъ голосомъ:

— Не затѣвайте этого разговора при постороннихъ. Завтра мы съ вами на эту тему побесѣдуемъ. Безстыдница!

Ненависть

Въ эту ночь спалось плохо. Впрочемъ, вообще, въ послѣднее время спалось плохо. Но въ эту ночь было особенно скверно.

Болѣлъ бокъ — не то печень, не то слѣпая кишка. Но, пожалуй, не это мѣшало спать. Мѣшали спать мысли о Сергѣѣ Ивановичѣ.

— Триста франковъ въ мѣсяцъ — это, конечно, не такъ дорого. Но вѣдь на всемъ готовомъ. Кормить, стирать его бѣлье. А, въ сущности, — какая отъ него польза? Эти мизерные цвѣточки въ садикѣ? Онъ говоритъ, что она сама ихъ купила. Но если онъ видѣлъ, что она купила неудачно, зачѣмъ же онъ ихъ сажалъ? Вѣдь за что нибудь же ему платятъ жалованье. И кормятъ. И еще отдаютъ его рвань въ стирку.

Третьяго дня онъ стиралъ подъ краномъ свой носовой платокъ. Этакая гадость. Надо будетъ сказать Агафьѣ, чтобы не позволяла ему этого. Противно. Мы изъ этого крана воду пьемъ.

Агафья дура. — «А нашъ Сергѣй Иванычъ сталъ, слава Богу, лучше кушать. А то въ первое время, кромѣ чая, ничего въ ротъ не бралъ».

«Слава Богу»! Это я, значитъ, должна радоваться, что онъ много ѣстъ. Вчера купили сметану, сегодня ужъ пустая банка. Или это Агафья? Ну, если Агафья, такъ Богъ съ ней. Она всегда такъ аппетитно все себѣ подмасливаетъ. Пріятно смотрѣть.

Тяжело шла ночь.

— А интересно бы прослѣдить, когда онъ встаетъ. Настоящій работникъ долженъ лѣтомъ вставать въ шесть часовъ утра. Не похоже на него, чтобы онъ вставалъ въ шесть. Нужно будетъ подняться пораньше и прослѣдить. Я тогда ему прямо скажу: «Милый мой, или вы служите, или вы не служите. Если же вы просто живете здѣсь для поправленія здоровья...»

Вспомнилось, какъ онъ въ хорошую погоду отправлялся послѣ завтрака полежать на травѣ подъ яблоней. Лежалъ съ книжкой. Это было такъ возмутительно, что она даже пошла жаловаться Агафьѣ.

— Я ужъ теперь не могу даже въ свой садикъ выйти. Вѣчно тамъ этотъ мужланъ валяется.

Но Агафья — она дѣйствительно дура — сочувствія не выказала.

— Куда же, — говоритъ, — ему дѣваться. Въ его чуланчикѣ задохнуться можно.

— Почему же у насъ въ имѣніи никто изъ рабочихъ не посмѣлъ бы развалиться въ саду.

— А потому, что у васъ въ имѣніи и людская была, и сѣновалъ, и за кухней лужайка, куда вы никогда и не заглядывали. А здѣсь, куда онъ ткнется?

Съ Агафьей вообще нельзя уже разговаривать. Совсѣмъ отъ старости одурѣла.

Жаль, что онъ читаетъ какую то свою книгу, а то бы она ему сказала: «Убѣдительно прошу васъ не трепать моихъ книгъ и вообще не трогать моихъ вещей». Это, дѣйствительно, возмутительно. Взять безъ спросу книгу и валять ее по травѣ. Впрочемъ, онъ ее не бралъ, но если бы взялъ, то было бы возмутительно. Чортъ знаетъ, что!

Она почувствовала, какъ заколотилось у нея сердце, но хотѣлось еще и еще наслаждаться мечтой о наглости Сергѣя Иваныча.

— Велѣла ему завтра починить садовый кранъ для поливки. Навѣрное забудетъ. — «Извините, Аглая Николаевна, я совершенно забылъ». Онъ, изволите ли видѣть, «забылъ». Это ужъ, дѣйствительно, наглость. За цѣлый мѣсяцъ, что онъ здѣсь околачивается, я первый разъ попросила его что то сдѣлать, такъ онъ и то забылъ.

— Знаете, милый мой, всему есть предѣлъ. Если же вы считаете, что служба у меня слишкомъ утомительна, то ничто васъ здѣсь не удерживаетъ.

У нея такъ забилось сердце, что пришлось сѣсть въ кровати и зажечь лампу.

— И зачѣмъ я такъ мучаюсь, — думала она. — Второй мѣсяцъ. Не могу ни спать, ни ѣсть, какъ слѣдуетъ. Занимаюсь тѣмъ, что слѣжу за каждымъ шагомъ этого идіота и каждый его шагъ мнѣ противенъ, до боли. А ночью

веду съ нимъ мысленные діалоги. И какъ онъ этого не чувствуетъ. Эдакая дубина! Вѣдь я уже по человѣчески говорить съ нимъ не могу. Я огрызаюсь, какъ собака.

Она вспомнила, какъ онъ принесъ ей абрикосовъ:

— Вотъ, Аглая Николаевна, это съ нашего дерева. Попробуйте, какіе вкусные.

Она вся задрожала отъ злости.

— Во-первыхъ, это не «наше» дерево, — зашипѣла она.

Онъ чуть-чуть покраснѣлъ:

— Я хотѣлъ сказать «съ вашего» дерева.

Тогда она почувствовала, что получилось и грубо, и глупо.

— Я не въ томъ смыслѣ, — сказала она презрительно. — Я въ томъ смыслѣ, что вѣдь и дача, и садъ мнѣ не принадлежатъ, а я ихъ нанимаю.

А онъ опять протянулъ ей тарелку:

— Попробуйте, очень вкусные.

— Я не ѣмъ абрикосовъ, — отрѣзала она и прибавила: — Отчего вы не поливаете цвѣты?

Прибавила она это, чтобы показать, что считаетъ эти разговоры объ абрикосахъ совершенно лишними, черезчуръ для ихъ отношеній интимными. Онъ долженъ знать свое дѣло и свое мѣсто, онъ долженъ работать, а не лѣзть съ угощеніемъ (ея же добромъ). Хотя, если бы это сдѣлала Агафья, ей это ничуть не показалось бы неумѣстнымъ. Агафья — простая, уютная старуха, а этотъ... Теперь выдумалъ носить пару-

синовыя туфли на босу ногу. Положимъ, всѣ такъ носятъ для работы въ саду... Но у него это выходитъ нагло и отвратительно.

Каждое утро бреется. Кому это нужно. Надо будетъ ему сказать: «Почему это въ Европѣ каждый мастеровой считаетъ необходимымъ и мыться, и бриться, а наши...» Впрочемъ, вѣдь онъ какъ разъ бреется...

***

Подъ утро она задремала и вдругъ вскочила, какъ отъ удара.

— Уже седьмой часъ! Надо встать, подкараулить, когда онъ соизволитъ подняться.

Ее трясло и болѣлъ бокъ и было холодно. Она надѣла теплый халатъ, завернулась въ пледъ и вышла въ садъ.

— Почему же это входная открыта? — подумала она. — Сколько разъ я говорила, чтобы запирали на ночь. Вѣдь такъ обокрасть могутъ. Нѣтъ, я сегодня же выгоню этого негодяя.

Въ саду было сыро, трава еще вся въ росѣ. Она сѣла на скамейку и закрыла глаза.

— Значитъ, прежде всего скажу про дверь. Потомъ про то, что поздно встаетъ, потомъ...

— Барыня! — окликнула ее Агафья. — Чего это вы такъ рано?

— Надо, чтобы хоть кто нибудь рано вставалъ, — отвѣчала она съ раздраженіемъ. — А тотъ... (ей не хотѣлось сказать «Сергѣй Иванычъ». Слишкомъ много чести), а тотъ все еще дрыхнетъ?

— Сергѣй Иванычъ? — спросила Агафья. — Нѣтъ, Сергѣй Иванычъ давно всталъ, еще шести не было. Кранъ, что ли, чинилъ.

Дура эта Агафья. Вѣчно скажетъ что нибудь непріятное.

Аглая Николаевна почувствовала вдругъ страшную слабость. Захотѣлось угрѣться, уснуть, захотѣлось тихонько поплакать.

— Агаша, голубушка, принеси мнѣ чаю въ постель. Я лягу. У меня бокъ болитъ.

— И за что, собственно говоря, я его такъ ненавижу? Онъ идіотъ, это вѣрно. Посмотритъ на небо и скажетъ: «Не было бы дождика». Но вѣдь тысячи людей такъ смотрятъ и такъ говорятъ, и это спокойно можно вынести, а когда онъ — вынести нельзя. А недавно несетъ почту и кричитъ: «Аглая Николаевна, вамъ цѣлыхъ два письма». Я говорю: «Такъ чего же вы радуетесь?» — «Да вѣдь это всегда пріятно письмо получить». — «Ну, говорю, еще зависитъ отъ содержанія». Ему бы, дураку, замолчать, а онъ свое: «Все таки, значитъ, люди вспомнили о тебѣ, разъ написали».

— Ну, говорю, а если въ одномъ письмѣ вамъ напишутъ, что вы дуракъ, а въ другомъ податной инспекторъ пригрозитъ, что опишетъ вашу обстановку — вы будете рады, что васъ вспомнили? А онъ въ отвѣтъ: «Ну, это вы берете исключительный случай!» Ну, что съ такимъ дуракомъ сдѣлаешь?

Сидитъ-сидитъ и вдругъ спроситъ: «Правда, пріятно, когда хорошая погода?» Я ему разъ со

злости отвѣтила: «Мнѣ безразлично, я не корова, я живу не погодой, а внутренней жизнью». Чортъ знаетъ что. Самой стыдно себя слушать. Хорошо, что онъ дуракъ.

***

Въ воскресенье пріѣхала на дачу Тягунова, пріятельница Аглаи Николаевны.

— Какъ у тебя тутъ, душка, все чудесно. И садикъ, и огородикъ, и все въ порядкѣ. Гораздо лучше, чѣмъ у насъ. А сама ты кислая. Больна?

И тутъ Аглая Николаевна, дрожа и задыхаясь, стала изливать свою душу. И чѣмъ больше изливала, тѣмъ сильнѣе и убѣдительнѣе чувствовала, какъ ничего изъ этого изліянія не выходитъ. Ерунда, безтолочь, истерія.

— Что же онъ лѣнтяй, что ли? — недоумѣвала пріятельница.

— Да нѣтъ, не въ томъ дѣло, — съ досадой отвѣчала Аглая. — Понимаешь — онъ какъ то челюсти сжимаетъ и у него желваки катаются.

— Ну, ты совсѣмъ съ ума сошла.

— И потомъ сзади на шеѣ у него желобокъ и въ немъ косица, косица, — протянула Аглая и отъ отвращенія закрыла глаза.

— Косица? — удивилась Тягунова. — Да гони его просто къ чорту.

— Ахъ, какъ ты не хочешь понять! — мучилась Аглая. — Это все не такъ просто. Прогнать его я не могу. Въ этомъ то и трагедія.

На прошлой недѣлѣ онъ на два дня уѣзжалъ, такъ я покоя себѣ не находила.

— Да ты влюблена-а! — радостно догадалась подруга.

— О, Господи! До чего все это глупо! — простонала Аглая. — Неужели же нельзя безъ пошлости? Ну, не сердись. Слушай — я сегодня ночью вспомнила про одну собаку. Ты только не смѣйся. Братъ Дима подцѣпилъ гдѣ то въ Петербургѣ старую собаку. Мальчишки ее топить тащили, а онъ пожалѣлъ и повезъ съ собой въ деревню. Жилось собакѣ хорошо, привольно. Кормили ее, жалѣли. Жить бы да жить. Такъ вотъ, представь себѣ, повадилась она бѣгать на опушку лѣса — на ежа лаять. Съ утра бѣжитъ и до вечера, пока не стемнѣетъ. Лаетъ. И тащили ее, и били, и уговаривали — ничего, да и только. Ежу то навѣрное на нее наплевать, а вѣдь она не ѣстъ, не пьетъ, прямо вся дрожитъ, такъ и рвется. И ничто ей не мило. Понимаешь? Сливки ей давали, ветчину. Ничего не надо. Только бы на ежа лаять. И до того излаялась, вѣришь ли, что околѣла. Теперь понимаешь?

— Что понимаю? — испуганно спросила Тягунова.

— Да что не могу я его прогнать. Не могу. Понимаешь? Больна, измучилась, а пока до конца не излаюсь — не могу! Не мо-гу-у! Вотъ!..

Свѣтлый праздникъ

Нѣтъ, господа, есть все-таки на свѣтѣ души, въ которыхъ еще цвѣтетъ голубой цвѣтокъ романтизма!

И вотъ, несмотря ни на что, черезъ затвердѣвшій слой житейской прозы — нѣтъ, нѣтъ да и пробьется на поверхность нѣжный его стебелекъ.

Рѣчь ведется къ тому, что Лизаветѣ Петровнѣ вдругъ захотѣлось устроить настоящій русскій пасхальный столъ. И это вовсе не въ грубомъ, обжорномъ планѣ, а въ самомъ возвышенномъ, основанномъ на трогательныхъ воспоминаніяхъ дѣтства, молодости и отчасти даже зрѣлой полосы жизни, такъ грубо прерванной политическими катаклизмами.

Голубой цвѣтокъ романтизма потребовалъ не только кулича, пасхи, ветчины и крашеныхъ яицъ, онъ потребовалъ еще и наличія родственниковъ.

— Я хочу, — говорила Лизавета Петровна своему индиферентному мужу: — я хочу, чтобы это былъ настоящій семейный праздникъ. Ни-

— Валерьянъ Сергѣевичъ! — сказала она. — Вы никогда не понимали ничего красиваго въ движеніяхъ души. Сдѣлайте хоть одинъ разъ исключеніе.

Мужъ посмотрѣлъ на нее внимательно.

— Ну, ладно, — сказалъ онъ. — Только не начинай, пожалуйста.

Лизавета Петровна собралась было обидѣться (точно она когда-нибудь начинаетъ ссору!), но тутъ же рѣшила, что не стоитъ. Надо было заняться дѣломъ.

— У меня гдѣ-то записанъ телефонъ этой самой Ермолаевны, гдѣ она работаетъ. Позвоню и позову.

Сказано — сдѣлано.

На звонокъ откликнулся голосъ самой Раисы Ермолаевны.

Этотъ голосъ спросилъ:

— Алло — алло!

— Здравствуйте, Раиса Ермолаевна, — привѣтливо сказала Лизавета Петровна.

— Ды ла паръ ды ки? — оффиціально спросилъ голосъ Раисы.

— Это я, Лизавета Петровна. Я звоню, чтобы пригласить васъ съ Гаврикомъ въ воскресенье къ пяти часамъ. Очень будетъ пріятно. По семейному. Вы вѣдь можете?

— Вуй, — отвѣчалъ голосъ.

— Почему же вы не говорите по-русски? — удивилась Лизавета Петровна.

— Вуй! — снова отвѣтилъ голосъ и прибавилъ потише: — апре объясню пуркуа.

Это было странно. Но все равно — выяснилось, что придутъ.

Костю Мурзоева вызвался раздобыть самъ Валерьянъ Сергѣевичъ.

— Боюсь только, не былъ бы онъ шокированъ обществомъ этой Ермолаевны, — озабоченно говорила Лизавета Петровна. — А какъ ты думаешь — позвать Зизи Берье?

— Позвать-то можно, только придетъ ли она?

— Почему-же? — Родная сестра Кости Мурзоева.

— Хорошо, я ей напишу. Ахъ, какая это была чудесная идея собрать родственниковъ! Не правда-ли? Нужно будетъ сказать дѣтямъ.

Дѣтей у нея было двое. Дочь Лилиша — балетный талантъ и сынъ Васенька, парень суровый, спортивный, родителей своихъ не балующій.

Извѣстіе о семейномъ торжествѣ было ими принято безъ восторга.

— Къ чему это? — сказалъ Васенька. — Придутъ, наговорятъ непріятностей, слопаютъ куличи и уйдутъ.

При словѣ «слопаютъ» голубой цвѣтокъ въ душѣ Лизаветы Петровны опустилъ головку.

— На меня, во всякомъ случаѣ, не разсчитывайте, — заявила Лилиша. — У насъ въ этотъ день балетный чай. Будетъ кое-кто изъ журналистовъ, и для моей карьеры совершенно необходимо присутствовать.

Лизавета Петровна загрустила. Тщетно убѣждала она Лилишу, что прессѣ надо показывать

— Начнемъ, пожалуй, съ крутого яйца, — дѣловито отвѣчалъ Гаврюша.

— Скажите, Раиса Ермолаевна, — спросила хозяйка: — почему вы не можете говорить по телефону по-русски?

Раиса томно пошевелила губами:

— Я не хочу, чтобы тамъ знали, что я русская.

— Ну, а какъ же они по вашему выговору не догадываются?

— Ну гдѣ имъ. Они же сами всѣ русскіе. Хозяйка, мадамъ Параскове, старшая мастерица, мадмозель Федоси, помощница мадмозель Агафе, а портной для жакетовъ мусью Курицынъ. Только мы всѣ другъ отъ друга скрываемъ, что мы русскіе, потому что мезонъ у насъ считается французскій и хозяйка всѣмъ говоритъ, что она сама француженка и весь персоналъ французскій, и никто по-русски даже и не понимаетъ. Кліентки у насъ, конечно, все русскія, но если по-русски заговорятъ, такъ мы обязаны глаза выпучить и не понимать. У насъ очень шикарный домъ. У насъ если передѣлку берутъ, или, скажемъ, вывернуть манто, такъ только первый разъ, значитъ, первый вывертонъ. А второй, дубль вывертонъ, опять значитъ, на прежнюю сторону. Это мы даже и не принимаемъ. У насъ шикарный домъ.

— Раиса Ермолаевна, — любезно сказала хозяйка: — попробуйте пасхи. Это домашняя.

— Вижу, что домашняя. Кривая и кислятиной пахнетъ.

Лизавета Петровна растерянно улыбнулась, рѣшивъ отнестись къ этому какъ къ шуткѣ и не знала, что сказать. Ее выручилъ звонокъ и въ передней появился новый гость, высокій, худой, съ плохо пробритыми морщинами, въ залоснившемся пиджакѣ — бывшій жуиръ и франтъ Костя Мурзоевъ. Чмокнулъ хозяйкѣ обѣ ручки по очереди, сдѣлалъ нѣсколько великосвѣтски-оживленныхъ тѣлодвиженій, но взглянулъ въ столовую и сразу угасъ.

— Э... э... если не ошибаюсь, — спросилъ онъ вполголоса: — э... э... кажется, Гаврюша съ женой?

— Да, да, — отвѣтилъ Валерьянъ Сергѣевичъ. — Лизочка хотѣла устроить семейное сборище.

— Гм... — пробормоталъ Мурзоевъ. — Гаврюша съ присными. Равненіе по низшему рангу. Очень пріятно видѣть себя зачисленнымъ въ такую компанію.

Онъ очень оффиціально и даже надменно поздоровался съ родственниками. Тѣ почувствовали это и сразу пріосанились.

— Да брось ты, Гаврюша, эту ветчину! — раздраженно сказала Ермолаевна. — У нея сало какое-то совсѣмъ подозрительное.

— Какъ давно, давно мы всѣ не видались! — защебетала Лизавета Петровна. — А ты, Костя, еще совсѣмъ молодцомъ. Какъ твои дѣла, Гаврюша?

— Живемъ, какъ видишь у тебя не про-

— А это что-же, Лиза, твой внукъ? — спросила Зизи, указывая на мальчика, приведеннаго Гаврюшей.

— Какъ внукъ? — даже покраснѣла Лизавета Петровна. — Откуда же у меня можетъ быть внукъ?

— Да вѣдь у тебя, кажется, насколько помню, была дочь?

— Господи, Лилишѣ только семнадцать лѣтъ.

— Девятнадцать, — неожиданно вступилъ въ разговоръ Васенька. — И скоро стукнетъ двадцать.

Видя негодующій взоръ матери, онъ прибавилъ, намекая на договоръ:

— Почему же? Я же этимъ твоихъ тетокъ и дядекъ не оскорбляю?

Зизи Берье поджала губы и сдѣлала козьи глаза:

— Бѣдная Лиза! — сказала она ноожиданно. — Онъ, навѣрное, скверно учится? А гдѣ же твоя дочь? Почему ты ее отъ насъ прячешь?

Костя Мурзоевъ неожиданно развеселился и расхохотался, придерживая двумя пальцами верхнюю губу, чтобы не выскочили вставные зубы.

— Прячетъ! Прячетъ! — кричалъ онъ сквозь пальцы. — Надѣла дѣтскій слюнявчикъ и прячетъ взрослую дочь! Ха-ха! Лиза то Лиза, какова? А? Парижаночка! Ха-ха-ха! Слушай, Зизи, это вѣдь насъ тоже молодитъ, вѣдь ты всетаки старше Лизы, ты на годъ старше меня. Ну,

конечно же! Ну что тамъ, мы здѣсь свои люди. Твой французъ не узнаетъ. А ты въ переводѣ на французскій, навѣрное, еще не старуха. Petite folle! Ха! ха!

— Гаврюша моложе васъ всѣхъ, — холодно сказала Ермолаевна.

Зизи Берье повернулась къ ней и очень любезно — въ пику Мурзоеву — спросила:

— Это, значитъ, вашъ мальчикъ?

— Деверевъ мальчонка, — сказалъ Гаврюша.

— Замѣняю мать, — пояснила Ермолаевна и, перегнувшись черезъ столъ, дала мальчишкѣ подзатыльникъ:

— Вынь палецъ! Сколько разъ повторять?

Лизавета Петровна закрыла на минутку глаза, вспомнила свою юность и защебетала:

— Дорогіе мои! Помните вы, какъ у насъ, въ Никитовкѣ, встрѣчали свѣтлый праздникъ? Костенька, помнишь мои окорока?

— Гы! — осклабился Мурзоевъ. — Это звучитъ двусмысленно.

— Мамань очень любитъ хвастаться своимъ былымъ величіемъ, — вставилъ Васенька. — Ей кажется, что это очень умилительно, что она на Пасху много ѣла. А я совсѣмъ не понимаю, почему, если Христосъ воскресъ, такъ надо непремѣнно свинью зарѣзать? Что ты на меня такъ звѣрски смотришь? — обратился онъ къ матери. — Ты мнѣ лучше объясни, — какая связь между христіанскимъ настроеніемъ и тѣмъ, что ты наѣшься свинины? Я понимаю, если ты христіанка, такъ сдѣлай въ такой великій празд-

— Я говорила — не надо къ нимъ ходить, — донесся съ лѣстницы голосъ Раисы Ермолаевны.

— С-с-сокины дѣти! — громко, отчетливо и съ большимъ чувствомъ произнесъ Васенька.

За дверью, очевидно, его услышали, потому что раздались возмущенные ахи и торжествующій гоготъ Кости Мурзоева:

— Брраво!

Въ передней на диванчикѣ сидѣла Лизавета Петровна и поливала горькими слезами увядшій голубой цвѣтокъ своей души.

Звено

Онѣ другъ другу сразу не понравились.

Тушкова нашла Креттеръ надменной.

Креттеръ нашла Тушкову вульгарной.

Въ маленькомъ пансiончикѣ, гдѣ они встрѣтились на лѣтнемъ отдыхѣ, кромѣ нихъ, русскихъ не было, и казалось бы вполнѣ естественнымъ познакомиться поближе. Тѣмъ болѣе, что обѣ въ жаркое время, между завтракомъ и дневнымъ чаемъ, сидѣли на верандѣ, гдѣ, кромѣ нихъ, никого никогда не было.

Но обѣ молчали.

Креттеръ молчала презрительно.

Тушкова — вызывающе.

Обѣ были приблизительно однихъ лѣтъ — около сорока.

Креттеръ — дряблая, пухлая, желтая съ водянистыми мѣшками подъ глазами, съ жиденькими волосами, не держащими завивки. Одѣта была всегда въ одну и ту же вязаную сѣрую кофту и клѣтчатую бурую юбку. Все въ ней было унылое и безнадежное.

И вотъ тутъ, подъ самый конецъ, и произошло нѣкое событіе, вдругъ и безповоротно повернувшее этихъ враговъ лицомъ другъ къ другу, но лицомъ не враждебнымъ и яростнымъ, а самымъ дружескимъ и пріятнымъ, такъ что онѣ не только примирились и подружились, но прямо даже другъ безъ друга часу прожить не смогли бы.

Звено, соединившее ихъ, появилось однажды послѣ завтрака, во время дневного чая. Подъѣхало звено въ такси, изъ котораго было высажено, почти вынесено на рукахъ высокимъ молодымъ человѣкомъ спортивнаго типа. Вслѣдъ за ними проковыляла маленькая лохматая собаченка.

Звено было довольно еще молодая, но болѣзненно худая дама, и Тушкова сразу сообразила, что это и есть та больная танцовщица, о пріѣздѣ которой хозяйка говорила что то горничной.

Танцовщица не показывалась до самаго утра. И въ этомъ было что то пренебрежительное и обидное для пансіонскихъ жителей. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось и Тушковой, и Креттеръ.

Утромъ горничная вынесла большое новое кресло, котораго до сихъ поръ еще никому не давали, обложила кресло подушками, принесла пледъ, подставила къ креслу столикъ.

Тушкова и Креттеръ смотрѣли исподлобья на эти приготовленія.

— Какія нѣжности!

Затѣмъ вышла балерина.

На ней была бирюзовая пижама съ огромной монограммой и золотыя сандаліи. Выступившія скулы ея худого лица были ярко нарумянены, рѣсницы подклеены, волосы пестрые — у корня русые, на концахъ желтые.

Сѣла въ кресло и закартавила, чтобы ей принесли собаку.

Собаку принесли.

— Нѣтъ, лучше унесите! — закапризничала она. — И слѣдите, пожалуйста, чтобы никто ее не трогалъ и, главное, чтобы никто не смѣлъ ее кормить.

Тушкова и Креттеръ обѣ подумали, что она намекаетъ на нихъ, и обѣ обидѣлись.

Танцовщица сидѣла, закрывъ глаза.

Потомъ пріѣхалъ вчерашній молодой человѣкъ и она закартавила съ нимъ по французски:

— Что за глупая идея привезти меня сюда! — говорила она. — Здѣсь нѣтъ абсолютно никакого общества. Я сойду съ ума.

Говорила она скверно, несмотря на картавость.

Молодой человѣкъ говорилъ тоже скверно, но честно, то-есть картавить не порывался.

Оба скоро ушли въ комнаты.

— Вы не знаете, какъ ея фамилія? — спросила Креттеръ Тушкову.

— Слышала, будто какая то Фиберъ или Фигеръ, что то въ этомъ родѣ, — отвѣчала Тушкова.

— Какой ужасъ! — сказала Креттеръ.

— Я только хотѣла сообщить вамъ забавную новость. Мнѣ сказала горничная: эта дурища ѣдетъ сегодня въ Парижъ красить волосы въ мѣдный цвѣтъ.

— Да что вы! Съ ея то физіономіей. Да вы войдите, дорогая, что же вы на сквознякѣ.

Вечеромъ долго не могли разойтись. Очень ужъ было интересно раздѣлывать свѣже-окрашенную танцовщицу.

Все утро просидѣли вмѣстѣ.

Креттеръ оживилась и даже помолодѣла за два дня этой новой интересной жизни. Безъ Тушковой не могла пробыть пяти минутъ.

Та, въ свою очередь, изъ кожи вонъ лѣзла, добывая новыя свѣдѣнія про танцовщицу. Если ничего не могла разузнать, привирала, сколько позволяла фантазія, къ старымъ фактамъ. Если же удавалось узнать что нибудь, въ родѣ того, что танцовщица не заплатила прачкѣ или поссорилась со своимъ кавалеромъ — она неслась, какъ на крыльяхъ, къ своей пріятельницѣ, неслась, какъ птица къ любимому птенцу, неся въ клювѣ большого жирнаго червя.

Связанныя звеномъ ненависти онѣ не то что полюбили другъ друга, а простили другъ другу недостатки, оправдали ихъ, чтобы не являлись они чѣмъ то разъединяющимъ.

— Она, конечно, нѣсколько вульгарна, — думала Креттеръ про Тушкову. — Но развѣ это имѣетъ такое большое значеніе? Она хорошій, прямой человѣкъ. Это главное.

— Она кислая и унылая, — думала Тушкова про Креттеръ, — и, пожалуй, много у нея фанаберіи. Да вѣдь нужно тоже имѣть въ виду, что здоровье у нея слабое, жизнь тяжелая. Но человѣкъ она преинтересный.

Онѣ разстались съ большимъ сожалѣніемъ и надѣялись встрѣчаться въ Парижѣ.

Но въ Парижѣ, не скованныя звеномъ ненависти, онѣ не искали встрѣчи и потеряли другъ друга.

А если бы и встрѣтились случайно, то, пожалуй, прошли бы мимо. Потому, что Креттеръ стала снова нудной, а Тушкова стала снова вульгарной, и кромѣ этого, ничего уже въ нихъ не было.

только бы испортило наши отношенія. А твои разсужденія мнѣ чрезвычайно не нравятся. Я тебя считала возвышеннѣе и безкорыстнѣе.

Лизочка надменно фыркнула, но все таки обидѣлась.

Но долго останавливаться на этой размолвкѣ было некогда. Приходилось хлопотать по хозяйству, раздвигать столъ, дѣлать сандвичи, волноваться, что долго не несутъ заказанную кулебяку.

Стали собираться гости. Сначала, какъ всегда, родственники.

Ну, конечно, воспоминанія, вздохи.

— А помнишь, какъ Сиволчинъ вывернулъ тебѣ на платье чашку шоколада?

— Да, да... Хорошо жилось когда то.

— А помнишь, какъ дядя Сережа объѣлся гусиной печенкой?

— Да, да... Красивая была жизнь, яркая!

Потомъ пришли посторонніе поздравители, и Лизочка, стоявшая у окна, воскликнула:

— Мама! Вѣра Андреевна подъѣхала. Мама! Шофферъ за ней тащитъ что то огромное, круглое!

Софья Николаевна выглянула въ окно. Дѣйствительно, въ подъѣздъ вошла Вѣра Андреевна, а за ней шофферъ тащилъ что-то вродѣ огромнаго барабана, повидимому тяжелаго, завернутаго въ бумагу.

— Ну что это такое! — съ неудовольствіемъ пробормотала Софья Николаевна. — Такъ и есть. Подарокъ. Ну къ чему это?

Вѣра Андреевна, огромная, усатая, нѣжно поцѣловала именинницу, а шофферъ, крякнувъ, опустилъ ношу на полъ и сталъ разматывать бумагу.

— Это вамъ, дорогая, на память пустячекъ, — тоненькимъ голоскомъ простонала гостья.

Пустячекъ оказался китайской вазой.

Софья Николаевна ожидала все, что угодно — тортъ, сервизъ, лампу, даже дѣйствительно барабанъ (ужъ на что было бы нелѣпо!), но только не китайскую вазу. Поэтому она удивленно выкатила глаза и пробормотала что то вродѣ:

— Ну какъ не стыдно, развѣ можно... Даже нехорошо...

Чувствуя, что выходитъ глупо, кинулась цѣловать гостью, но та уже повернулась и шла въ гостиную. Такъ что вмѣсто благодарности получила какіе то нелѣпые упреки.

Софья Николаевна при помощи мужа и дочери подняла вазу.

— Куда же ее дѣвать? — шепнулъ мужъ.

— Да надо же куда нибудь... Невѣжливо оставлять ее въ передней.

— Да куда же ее, такую бандуру? — шепнула Лизочка и стала истерически хохотать.

Рѣшили поставить въ столовой на буфетикъ. Вышло очень безобразно. Но всѣ сдѣлали видъ, что любуются.

Вѣра Андреевна оставалась недолго. Она устала съ дороги и торопилась домой.

— Точно нарочно, чтобы подчеркнуть убожество нашей обстановки, — вставила свое мнѣніе Лизочка и надула губы.

— Нѣтъ, господа, — прочувствованно сказалъ бо-фреръ Васенька, — если ты человѣкъ богатый и хочешь поднести подарокъ друзьямъ благороднымъ, почище тебя самого, но бѣднымъ, то подари, скажемъ, виллу или манто, или тамъ пачку лоттерейныхъ билетовъ, или даже просто деньгами тысячъ двадцать, даже въ крайнемъ случаѣ восемнадцать, и то будетъ приличнѣе, чѣмъ такая посудина.

— А почему, напримѣръ, не подарить піанино? Она знаетъ, что я люблю музыку, — сказала Лизочка и прибавила вполголоса: «Свинья!»

— Ужасно несимпатичная особа, — вставила личность, до сихъ поръ молча, явно пользуясь тѣмъ, что вниманіе хозяевъ отвлечено, уписывавшая пироги и буттерброды. — Несимпатичная и голосъ слащавый.

— «Я пріѣду къ вамъ вмѣстѣ праздновать!» — передразнила Лизочка. — Подумаешь, осчастливила. Какая самоувѣренность! Право не понимаю, почему мама съ ней такъ носится, съ этой разбогатѣвшей мѣщанкой.

— И вовсе я съ ней не ношусь! — разсердилась Софья Николаевна. — Мало ли съ кѣмъ приходится встрѣчаться въ обществѣ. Она всегда была со мной очень мила и любезна.

— Вотъ и доказала свою любезность! — вставила личность, уписывавшая буттерброды.

— Нѣтъ, дѣйствительно, — спокойно сказала тетя Женя, какъ бы отметая въ сторону всѣ насмѣшки и преувеличенія. — Дѣйствительно, неужели же она не могла придумать для подарка что нибудь болѣе подходящее, чѣмъ эта убогая ваза? Вѣдь если, Сонечка, она любитъ тебя и хотѣла доставить тебѣ удовольствіе, а не просто ткнуть что попало, лишь бы отвязаться, такъ неужели же не могла она подарить тебѣ, при ея то средствахъ — автомобиль?

**
*

Черезъ недѣлю Вѣра Андреевна прислала Софьѣ Николаевнѣ съ семействомъ приглашеніе на вечеръ.

— Надѣюсь, ты не пойдешь? — спросилъ мужъ. — Послѣ всего, что было!

— Ну, конечно, нѣтъ. Странный вопросъ. Мы люди бѣдные, но роскошь выбирать себѣ знакомыхъ по вкусу мы себѣ позволить можемъ.

кому ни покажешь, всѣ удивляются. Ну, а всякія тамъ себѣ блюзочки, это я прямо какъ блины пеку.

На домъ работу, конечно, брать не рѣшаюсь. Очень ужъ на нашихъ трудно угодить. Все имъ не такъ — и воротъ вырѣзывай, и чтобъ рукава не тянули, и спина чтобъ не морщила. А что въ носкѣ все равно обомнется, этого онѣ сообразить не желаютъ. Однако, какъ деньги за работу платить, такъ тутъ онѣ очень хорошо соображаютъ. Тутъ одной дурищѣ по ошибкѣ рукавъ къ воротнику пришила. И всего то бѣды, что отпороть да на мѣсто посадить. Такъ вѣдь до чего скандалила! Можете себѣ представить? — денегъ платить не хотѣла. Нѣтъ, съ француженками гораздо легче. Плетешь ей, что хочешь, она все равно ничего не понимаетъ. Пожметъ плечами, да и пошла.

Нѣтъ, вообще эта работа очень нервная и для женщины, которая и безъ того столько перенесла, совсѣмъ не подходящая. Вотъ и мужъ говоритъ: «Ты, Пусинька, день шьешь, а два дня порешь. Лучше брось, а то совсѣмъ здоровье надорвешь».

Я, дѣйствительно, очень прочно шью, такъ что даже пороть трудно. Дырья остаются. Иныя дамы даже обижаются, а того понять не хотятъ, что это отъ крѣпкой строчки, отъ добросовѣстности отъ моей. Развѣ имъ у какой нибудь Шанель прочную строчку поставятъ?.. Тамъ живо сляпаютъ какъ попало, лишь бы съ рукъ сбыть, а каково платье въ носкѣ будетъ,

имъ до этого дѣла нѣтъ. Опять таки, я когда крою, я на каждый шовъ по полъ ладони запасу оставляю. Оно, конечно, толститъ, особливо ежели въ бархатѣ, зато располнѣлъ человѣкъ, такъ есть изъ чего выпустить. А развѣ вамъ Шанель объ этомъ подумаетъ? Ей что — накромсала, да и пошла.

Вотъ и мужъ говоритъ: «Ты-бы, Пусинька, лучше того, то есть этого».

Ну и стала я искать мѣсто фамъ де менажъ. Нужно же что нибудь дѣлать.

Ну вотъ, стала искать. Куда ни сунься — нигдѣ ничего. Дали мнѣ, наконецъ, подходящій номерокъ. Пошла.

Квартира, значитъ, въ четыре комнаты. Хозяйка строга, ну да меня не запугаешь.

— Вы, говоритъ, гдѣ нибудь уже служили? Рекомендаціи есть? Я, говоритъ, такъ считаю, что уборку понимать можетъ только тотъ, кто служилъ, либо тотъ, у кого служили и кто, значитъ, знаетъ, что именно требуется. А серединка на половинку — это ровно ничего не стоитъ.

Ну, я на это промолчала и говорю:

— Служить я никогда не служила, а что барыней жила и прислугъ имѣла, такъ въ этомъ можете не сомнѣваться.

Ужъ, дѣйствительно, что-что, а барыней жила. По три раза въ день, бывало, Лушку за подсолнухами гоняла. Да и то сказать — командовать то дѣло не трудное.

Ну, словомъ — «я, говорю, все умѣю. И шить, и мыть, и убирать, и къ столу подавать».

А дама посмотрѣла на меня исподлобья.

— Ладно, говоритъ, приходите завтра къ восьми утра.

И, знаете, не особенно она мнѣ понравилась. Лицомъ еще ничего себѣ, на тыкву похожа, а фигура совсѣмъ ужъ несимпатичная. Ноги коротенькія, будто на колѣнкахъ ходитъ. Привинтила къ колѣнкамъ каблучки и пошла.

Изъ разговоровъ поняла, что и супругъ у нея есть.

Ну, значитъ, на другое утро собралась.

Только что одѣлась, а мужъ и говоритъ:

— У меня, Пусинька, аппетитъ разгорѣлся. Спустишься внизъ, такъ забрось мнѣ хоть охотничьей колбаски, что-ли.

Ну, сбѣгала ему за колбасой. Конечно, развѣ ему пріятно, что его жена и вдругъ въ батрачки нанялась. Мнѣ тяжело, а ему вдвое.

— Пусинька, — говоритъ, — если только тамъ за тобой этотъ мусью начнетъ ухаживать, такъ честью клянусь, что я это дѣло, какъ джентльменъ, безъ скандала не оставлю.

Еле его успокоила. Побѣжала на метро, смотрю — уже половина девятаго.

Прибѣгаю, а она еще и недовольна, тыква то.

— Что же это вы въ первый же день опаздываете. Идите за молокомъ.

И суетъ мнѣ въ руки кастрюлю.

Не знаю, гдѣ онѣ воспитывались, чтобы съ кастрюлей за молокомъ посылать! У меня и то дома спеціальная жестяночка.

Ну, однако, я ничего не сказала, только чуть-чуть вспыхнула и пошла. Назадъ иду, по лѣстницѣ поднимаюсь, глянь, а у меня полъ пальта намокло. Такъ я и думала, что расплескается. А тыква ждетъ меня въ кухнѣ.

— Это вы что же, половину пролили?

А того не подумаетъ, что мнѣ мое пальто дороже ихняго молока, а я, однако, не жалуюсь.

Сунула мнѣ вѣдьма въ руки мельницу, кофе молоть, молоко на плиту поставила и ушла. Пока я молола, молоко ушло. Побѣжала въ молочную. Чортъ съ ними, думаю, куплю на свои. Принесла молоко, поставила на плиту, слышу звонятъ. Я къ парадной. Открываю — никого. Я къ телефону — опять не туды. Вдругъ слышу — вопитъ кто то мужскимъ тономъ:

— Черти! Давайте кофе!

Самъ, значитъ.

Я въ кухню. Смотрю — пока я бѣгала, молоко ушло. Я схватила свою кастрюлю да опять въ молочную. Такъ тамъ даже удивились. «Что вы, говорятъ, теленка, — что ли, къ празднику отпаиваете?».

Бѣгу домой, молоко на плиту поставила, а самъ оретъ на всю квартиру: «Ко-фе-ю». А я въ отвѣтъ реву: «Не могу-у».

Потомъ смотрю — тыква моя входитъ. Недовольная.

— Ужасно, говоритъ, у васъ все медленно. Я сама ему кофей отнесу. А вы пятна выводить умѣете?

— Ну еще бы, — говорю. — Отлично умѣю. Не такія теперь времена, чтобъ чего нибудь не умѣть.

И даетъ она мнѣ пижамные штаны, все колѣно соусомъ залито.

— Вотъ, — говоритъ, — отчистите, чтобъ къ вечеру было готово. А потомъ пойдите домой, пріодѣньтесь и будете въ пять часовъ гостямъ чай подавать.

Ладно, думаю, значитъ, пока что не выгоняетъ. Принялась ейную штанину отстирывать. Чѣмъ больше тру, тѣмъ хуже размазывается. Ужъ я ее и мочила, и солила, и уксусомъ поливала. Ничто ея не беретъ. Ужъ тонкая стала, какъ сѣточка. Ну, думаю, просушу, можетъ, она въ сухомъ видѣ лучше окажетъ. А гдѣ ее такъ наскоро высушишь? У насъ въ комнатѣ на радіаторѣ положишь, а гдѣ у нихъ здѣсь радіаторъ?

Пошла по квартирѣ. Въ столовой смотрю — радіаторъ холодный. Прошла въ гостиную. Смотрю — хоть не очень горячій, да до вечера высушитъ. Развѣсила, побѣжала домой.

Надѣла платьице, какъ теперь носятъ, длинное, съ фалборочкой, розовенькое съ зеленымъ крапомъ. И мужъ сказалъ: «Ты, Пýсинька, этого того».

Пошла на службу, а моя мадамъ ноздри раздула:

— Это вы, говоритъ, чего же такъ вырядились?

— Вы же, говорю, сказали, что гости! А я у папи, у мами такъ воспитана, что гостей надо въ приличномъ платьѣ принимать.

Смотрю, а на ней какое то муругое, съ пелериной, словно у проповѣдника. Ну, думаю, завидуетъ.

Однако, ничего я ей не сказала, только элегантно повернулась и пошла чай готовить.

Ну, собрались гости. Четыре дамочки, двѣ дѣвицы, шесть кавалеровъ и одинъ французъ. Чай въ столовой пили. А потомъ одинъ изъ кавалеровъ, веселый такой, всталъ и пошелъ чего то въ гостиную. Потомъ вернулся и говоритъ другому:

— Пойдемте, я вамъ что то скажу.

Повелъ его въ гостиную, минутку только и пробыли, а вернулись, такъ прямо отъ смѣху еле на ногахъ держатся. Потомъ, этотъ, веселый, дамочку повелъ. И опять вернулись, оба хохочутъ. Дамочка красная и прямо до слезъ. Такъ все поочереди за дверь выходили. И что онъ имъ тамъ такое нашептывалъ, не знаю, а только, думалось мнѣ, какая нибудь надъ хозяйкой насмѣшка, потому что она одна ничего не понимала, а всѣ прямо глазъ другъ на друга поднять не могли, такъ и покатывались.

Ну, гости долго засиживаться не стали, очень какъ то скоро чай отпили и почитай всѣ вмѣстѣ на лѣстницу выскочили. И такой на лѣст-

ницѣ визгъ поднялся, что я даже хозяйкѣ говорю, какіе, молъ, необразованные.

А она какая то разстроенная, видно, что ничего не понимаетъ. Сердитая.

— Накурили, говоритъ, какъ свиньи. Раскройте окно.

А сама пошла въ гостиную. Пошла въ гостиную, да вдругъ какъ заоретъ. У меня даже сердце захолонуло. Ну, думаю, попала я на мѣсто. И гости бѣшеные, да и хозяйка не лучше.

Бѣгу къ ней въ гостиную. Господи, что же это? Стоитъ моя мадамъ передъ радіаторомъ, глаза выпучила. А на радіаторѣ висятъ ея пижамные штаны, какъ я ихъ утромъ развѣсила. Висятъ и паръ отъ нихъ во всѣ стороны, словно вечеромъ отъ болота.

Н-да.

Мужъ мнѣ потомъ говорилъ:

— Я, Пусинька, очень удивляюсь, за что же она тебя выгнала. Развѣ опа не понимаетъ, что отъ мокраго въ теплѣ всегда паръ идетъ?

Горничная

Александра Петровна, бѣльевщица отельчика «Бонжуръ Рюссъ», штопала полотенце и слушала. Слушала она разсказъ Маруси, только что выгнанной изъ отельчика горничной.

Александра Петровна, женщина уютная, пухлая, безбровая, вполнѣ располагающая къ сердечнымъ изліяніямъ. И слушала она Марусю внимательно, хотя и неодобрительно.

Маруся, худенькая, остренькая, съ заплаканными глазами, съ засморканнымъ носикомъ, тянула свой разсказъ какъ резинку. Тянетъ, тянетъ, вдругъ резинка соскочитъ, щелкнетъ, она ее поймаетъ и снова тянетъ.

— Я не по своей волѣ мѣста мѣняю, — тянетъ Маруся, уныло уставившись на лампу. — Я стараюсь и хочу работать. Я можетъ быть дѣлаю больше, чѣмъ другіе, да ничего изъ этого не выходитъ. Одна безтолочь.

— Не надо дѣлать больше, — наставительно говоритъ Александра Петровна. — Надо дѣлать въ мѣру да съ толкомъ.

— Я очень слѣжу за собой, — снова затянула Маруся. — Я все время себя воспитываю. Если что нибудь забуду сдѣлать, такъ я сама первая себя наказываю. Они не хотятъ принять во вниманіе, что человѣкъ можетъ же желать совершенствоваться. Мадамъ Лебе на меня жаловалась. А что я могла сдѣлать? Просила, чтобы я ей горячей воды принесла, а я забыла. Она звонитъ, звонитъ. А я не иду, потому что хочу сначала вспомнить, что я такое забыла. Ну, такъ и не вспомнила. Пришлось идти. Она сердится. А я ей говорю: «Вы правы. Вы правы, и я себя накажу». Она цѣлый кувшинъ просила, а я, вмѣсто кувшина, стала ей носить воду молочникомъ. Десять молочниковъ. На пятый этажъ. Она сердится, а я молчу, только улыбаюсь сама себѣ. Когда десятый принесла, встала передъ ней и говорю: «Вотъ какъ я себя наказала! Теперь ужъ вы не можете на меня сердиться!». Знаете, будь у нея русская душа, конечно, она бы меня поняла. Потому что здѣсь, хотя и малый подвигъ, а все же подвигъ и сознаніе своей вины и искупленіе. Но француженки этого понять совсѣмъ не могутъ. Она раскричалась, развизжалась, что я надъ ней насмѣхаюсь, что пока я бѣгала, у нея вода остыла. Я ей объясняла, что вѣдь не легко мнѣ было десять разъ на пятый этажъ подниматься, что сразу то кувшинъ подать гораздо легче, что я сама на себя это наказаніе наложила для самоусовершенствованія и выработки характера — ничего и слышать не хотѣла.

Побѣжала жаловаться. Жалкіе онѣ, человѣческой души не понимаютъ.

— Да ты бы сразу ей кувшинъ бы принесла, а потомъ бы для наказанія и бѣгала бы порожнемъ по лѣстницѣ хоть сорокъ разъ, никто бы тебѣ ни слова не сказалъ. Дуреха!

— Да, не ска-за-алъ! Пока я по лѣстницѣ то бѣгала, хозяйка меня, оказывается, звонила безъ конца и даже въ кухню искать бѣгала. Я, конечно, оправдываться передъ ней не стала. Я для этого слишкомъ горда. Тѣмъ болѣе — развѣ можетъ она понять душевное движеніе? А еще русская! Я ей разъ прямо сказала: «Вы отель для чего держите — для выгоды? Вы хотите наживать деньги съ тѣхъ бѣдныхъ людей, которымъ голову преклонить некуда. Вотъ вы кто». Посудите сами, Александра Петровна, ну можно ли уважать человѣка, который занимается дѣломъ ради грубой матеріальной выгоды? Гдѣ здѣсь душевный порывъ? Гдѣ здѣсь жертвенность?

Маруся всхлипнула.

— Я не о себѣ плачу, не подумайте! Я объ ней плачу. Жалкая!

— Ну ужъ тоже выдумала! — пробормотала Александра Петровна.

— А людей она совсѣмъ не понимаетъ. Конечно, я можетъ быть и плохо служу, и неповоротлива, и мямля, и неряха. Но все это отъ того, что она не умѣетъ со мной обращаться. Со мной лаской все можно сдѣлать, а крикъ на меня абсолютно не дѣйствуетъ. «Живо повора-

чивайтесь, я вамъ говорю, не слышите, что ли!». Когда я слышу такой крикъ, такъ я не только не тороплюсь, а даже прямо останавливаюсь и презрительно улыбаюсь. Мнѣ смѣшно такое непониманіе психологіи. Тогда какъ лаской со мной можно сдѣлать все, что угодно.

— Ну, голубушка, — оборвала Александра Петровна, — ну, гдѣ же ты хочешь, чтобы она тебя еще ласкала? Она — хозяйка, ей некогда каждый разъ, что распоряженіе даетъ, то и въ объятія бросаться. Это ужъ, прости меня, ерунда.

— И вовсе не ерунда! — огрызнулась Маруся. — Вотъ я служила во французскомъ пансіонѣ. Была тамъ дамочка одна, очень милая, всегда такая ласковая, француженка. И вотъ простудилась она, я ей и говорю: «Если что ночью понадобится, вы позвоните». А потомъ легла спать и думаю: «А вдругъ она позвонитъ, а я и не услышу». И такъ меня эта мысль замучила, что рѣшила я: лягу лучше прямо на полу около ея дверей, какъ вѣрный песъ, да и буду караулить. Ну вотъ и легла. Тяжело на полу съ непривычки. Я вѣдь въ дѣтствѣ избалованная была. Купеческая дочка. Ну, да что вспоминать. Лежу въ коридорѣ на полу и отъ счастья плачу, отъ жертвенности и красоты. А москитовъ тамъ, въ этомъ коридорчикѣ, ужасъ! Прямо всю себя разодрала. Утромъ вхожу къ моей дамочкѣ, а она и смотрѣть на меня не хочетъ. «Такая, говоритъ, ужасная ночь была, во-вѣкъ не забуду. Въ коридоръ какая то собака залѣзла, всю ночь объ мою дверь чесалась, я боюсь, я васъ звонила-звонила, а вы

и не пришли». Ну, подумайте только, какая исторія. Я постыдилась ей признаться въ своей глупости, такъ она съ тѣмъ и осталась, что я не захотѣла къ ней ночью придти. Ужъ сколько я изъ за этого слезъ пролила. Два дня плакала, потомъ пошла къ патрону и расчетъ попросила. Слишкомъ тяжело было.

— Дуреха! — пробормотала Александра Петровна.

— Таня Тырина открыла теплую кремери. Позвала меня служить. Мы съ ней школьныя подруги, вмѣстѣ въ Костромѣ на одной скамейкѣ сидѣли. Ну, я пошла. Работаю. Съ ней, конечно, попрежнему «Танюшка, да Танюшка». А сна вдругъ: «Я тебѣ теперь не Танюшка, а мадамъ. И твои фамильярности только роняютъ меня въ глазахъ кліентовъ». Ну, конечно, послѣ этого развѣ я могла остаться? Лучшія человѣческія чувства поруганы, попраны. Уходя, я ей сказала: «Когда будешь одиноко умирать подъ заборомъ, протелефонируй мнѣ и ты узнаешь, у кого изъ насъ есть сердце, а у кого нѣтъ».

— Господи! Выдумаетъ тоже! — удивилась Александра Петровна. — Кто же ей тамъ подъ заборъ телефонъ проведетъ? Одни пустяки.

— Служила лѣтомъ въ пансіонѣ у мадамъ Вальшнепъ. Она поняла мою душу, довѣряла. Я и бѣльемъ завѣдывала. Она какъ то спрашиваетъ: «Гдѣ кухонныя полотенца?». Я говорю — «вотъ, въ кухнѣ, на скамейкѣ лежатъ стопочкой». «Зачѣмъ же, говоритъ, они на скамейкѣ?» — «А чтобы кому нужно бралъ». — «А

сколько ихъ тутъ?» — Пересчитала. — «Восемь» — говорю. «Та-акъ. А было сорокъ два. Гдѣ же тридцать четыре?» — «Не знаю, говорю. Куда нибудь разошлись, стерлись». — «Да вы, говоритъ, назадъ то ихъ спрашивали съ тѣхъ, кому выдавали?». Ну, тутъ я вся вспыхнула. «Сударыня, говорю, можете меня на части разрѣзать, но оскорблять людей недовѣріемъ вы меня никогда не заставите». Я думала — она извинится или просто заплачетъ, а она (вотъ вѣдь какъ въ людяхъ можно ошибиться!), она глаза выкатила: «Я — кричитъ — васъ рѣзать на части не собираюсь, а всю цѣликомъ выгоню, это фактъ».

— Ну и что же?

— Ну и выгнала.

Помолчала, вздохнула.

— А вѣдь сколько я для нея сдѣлала! Бывало, встану пораньше, знаю, что она чистоту любитъ, возьму всѣ ручки у дверей начищу-начищу. Кліенты ругаются, что ни свѣтъ ни заря ручками этими стрекочу и спать не даю. Жаловались даже. Я все терпѣла. Подносы тяжелые утромъ таскать приходилось, такъ я нарочно по два сразу тащила. Конечно, иногда и уронишь. Разъ даже ошпарилась. И нарочно бѣгомъ бѣгу. Ну, конечно, на ходу все перетрясется, кофе въ сахарницу, молоко на лимонъ. Сердились, бранились. Я все терпѣла. Я подвига жаждала.

— Ишь! — загадочно сказала Александра Петровна. — Вышла бы лучше замужъ.

Маруся горько усмѣхнулась.

— Я хотѣла, — опустивъ глаза, призналась она. — Да ничего не вышло. Выслали его изъ предѣловъ...

— Это за что же?

— За всякія «дебоширства». Много они понимаютъ въ человѣческой душѣ. Конечно, онъ пьетъ, но вѣдь не отъ радости же онъ пьетъ. Онъ тутъ посторонней дамѣ въ бистро стаканъ пива за декольте вылилъ. Конечно, можетъ быть это и не хорошо. Но вѣдь ему то развѣ это легко? Легко ли человѣку, если у него есть настоящая душа, сознавать себя безпутникомъ и пьяницей? Вѣдь если бы ему дали систематическое образованіе и хорошія условія жизни и окружили бы его самоотверженной любовью — кто знаетъ — можетъ быть и онъ былъ бы другимъ.

— Неужто влюбилась въ такого фрукта?

Маруся чуть-чуть покраснѣла.

— Какъ вы все грубо понимаете! Здѣсь не влюбленье, здѣсь жертвенность, служенье.

— Да вѣдь онъ бы тебя колотить бы сталъ!

— Да, это было бы ужасно. Для него ужасно. Какъ бы онъ при этомъ страдалъ. И я страдала бы за него, его страданьемъ мучилась бы. И вотъ — такъ все и осталось въ мечтахъ! Уѣхалъ и ни строчки, и даже не знаю, куда ему денегъ выслать.

Александра Петровна хотѣла что то сказать, но такъ и застыла, открывъ ротъ.

— А тутъ еще эта ужасная исторія! Посылала меня прошлая хозяйка нѣсколько разъ платить по счету въ гастрономическій магазинъ.

Такъ вотъ тамъ молодой хозяинъ, человѣкъ интеллигентный. Не знаю, почему онъ ко мнѣ прицѣпился. Понимаете — что бы я вышла за него замужъ, что онъ влюбленъ въ меня, и что у него два собственныхъ ресторана, и во всемъ этомъ такъ откровенно признается и открыто говоритъ. Я ему отвѣтила, что это все съ его стороны грубая чувственность и цинизмъ, а что онъ торгашъ, такъ это не возвеличиваетъ его въ глазахъ мыслящаго человѣка, а наоборотъ позоритъ. Такая мерзость, прямо вспоминать стыдно.

Александра Петровна поблѣднѣла и раздула ноздри. Негодованіе перехватило ей горло.

— Дура ты дура! — прохрипѣла она. — Вѣдь это что же. Вѣдь такихъ какъ ты на цѣпь сажать! Горе твое, что одна ты на свѣтѣ, что некому о тебѣ позаботиться. Вѣдь будь у тебя мать жива, она бы тебѣ голову стуломъ проломила! Она бы тебѣ кольцо въ носъ продѣла и на ярмаркѣ бы тебя показывала. Чего разсѣлась? Уйди отъ грѣха, безстыдница!

У Маруси горько задрожали губы.

— Я пришла къ вамъ, къ вашей русской душѣ прижаться. А вы... такая же сантимница! Я ухожу. Простите, но руки своей я вамъ не подамъ. Когда будете на соломѣ...

Она всхлипнула, но овладѣла собой:

— На соломѣ... по... пошлите за мной такси...

«Онъ лучше знаетъ»

Народу собралось порядочно.

И вышло все изъ за Шандыревой.

Шандырева пріѣхала изъ Лондона и позвонила Вѣрѣ Сергѣевнѣ, что непремѣнно придетъ къ ней во вторникъ къ пяти часамъ.

Вѣра Сергѣевна выразила восторгъ и купила печенье и кэксъ. А такъ какъ все равно эти продукты роскоши были уже куплены, то она, какъ сообразительная женщина свѣта, рѣшила позвать заодно и Ягушевыхъ, которые собирались на дняхъ зайти, и мадамъ Ваксъ и еще кое кого.

И вотъ, когда вся эта милая компанія уже сидѣла вокругъ стола и бесѣдовала на разныя любопытныя темы, раздался звонокъ, потомъ раздались шаги и въ комнату вошелъ господинъ, головастый и плечистый, но на чрезвычайно короткихъ ногахъ.

Лицо у него было слегка подпухшее, заплывшіе медвѣжьи глазки, подъ задраннымъ носомъ жиденькіе усы, общипанная бороденка. Одѣтъ онъ былъ неважно, но туалетъ свой сдобрилъ невѣроятной величины раскрахмаленными манже-

тами, которыя распирали ему рукава и покрывали руки вплоть до короткихъ пальцевъ съ обгрызанными ногтями.

— Батюшки мои! — воскликнулъ онъ, — да у васъ здѣсь прямо сборъ всѣхъ частей.

Хозяйка, увидя этого гостя, сначала изобразила на лицѣ своемъ изумленіе — изъ чего всѣ вывели, что гость явился незванымъ. Потомъ лицо ея выразило досаду, изъ чего всѣ вывели, что гость явился нежеланнымъ.

Между тѣмъ, гость поздоровался съ Вѣрой Сергѣевной, далеко вытянувъ руку впередъ, точно боялся, что она его цапнетъ, если подпустить ее ближе.

— Здравствуйте! — развязно говорилъ онъ. — Мы вѣдь, кажется, даже когда то на ты были? Ну да я не настаиваю. Я самъ терпѣть не могу фамильярности.

И такъ какъ Вѣра Сергѣевна медлила съ представленіями, то онъ самъ рекомендовался.

— Ертышкинъ. Мужъ сестры перваго мужа Вѣры Сергѣевны. Такъ сказать, бо-фреръ отъ перваго брака. Ха-ха!

Онъ самодовольно осмотрѣлся.

— Ну-съ, Вѣра Сергѣевна, чаю я, какъ вы навѣрное помните, не пью. А вотъ отъ краснаго винца не откажусь.

Вѣра Сергѣевна неохотно пошла къ буфету. Бо-фреръ продолжалъ шумѣть:

— Такъ-съ, такъ-съ. Еле васъ разыскалъ. За квартиру сколько платите? Девять тысячъ?

— Восемь, — неохотно отвѣчала хозяйка.

— Вздоръ. Девять! — отрѣзалъ бо-фреръ.

— Я же вамъ говорю, что восемь, — раздраженно сказала хозяйка.

— А я вамъ отвѣчаю, что вздоръ, — нагло отвѣчалъ бо-фреръ и самодовольно обвелъ всѣхъ глазами. — Наши барыни, хе-хе, всегда привираютъ въ смыслѣ дешевизны, чтобы ихъ не упрекали въ расточительности. Ужъ я эти штучки знаю!

— Какъ глупо! — совсѣмъ уже обозлилась Вѣра Сергѣевна. — Что же прикажете контрактъ вамъ показать.

— А я и контракту не повѣрю. Вы тамъ что-нибудь съ управляющимъ подхитрили, чтобы онъ вамъ фальшивую цѣну проставилъ. Ужъ я лучше знаю.

— Я забыла вамъ сказать, Вѣра Сергѣевна, — сказала мадамъ Ваксъ, желая прекратить непріятный для хозяйки разговоръ, — я забыла вамъ сказать, что мужъ непремѣнно хотѣлъ пойти со мной, но у него вотъ уже два дня болитъ голова.

— Гдѣ болитъ, — вдругъ заинтересовался бо-фреръ, — около висковъ?

— Вообще болитъ, — не глядя на него, холодно отвѣчала Ваксъ.

— Навѣрное около висковъ. Такъ это вовсе не голова болитъ, а зубы. Я ужъ знаю. Это зубы.

— Да почему же зубы, — возмутилась Ваксъ. — Почему зубы, когда я вамъ ясно сказала, что у него болитъ голова.

— Ну это вы путаете. Ужъ повѣрьте мнѣ, я знаю лучше.

— Нѣтъ, это прямо удивительно! — еще больше возмутилась Ваксъ. — Мужъ мнѣ говоритъ, что у него болитъ голова, а вы, совершенно не зная моего мужа, увѣряете, что у него болятъ зубы.

— Для даннаго случая вовсе не нужно личнаго знакомства. Я и безъ всякаго знакомства знаю, что у него болятъ зубы.

— Да какъ же, когда онъ мнѣ самъ говорилъ! — вся затряслась Ваксъ.

— Ну это ему просто такъ кажется, — невозмутимо продолжалъ бо-фреръ.

— Этому прямо имени нѣтъ! — обратилась Ваксъ за защитой къ хозяйкѣ.

На помощь ей пришла мадамъ Шандырева:

— Вы очевидно, — иронически улыбаясь, обратилась она къ непріятному гостю, — вы, очевидно, совершенно отрицаете головную боль, насколько я васъ понимаю?

— Ошибаетесь, сударыня, — обиженно отвѣтилъ бо-фреръ. — Вы очень быстры въ своихъ заключеніяхъ.

Хозяйка поспѣшила его перебить.

— Куда вы собираетесь лѣтомъ? — спросила она у Ягушевой.

— Увы, доктора посылаютъ снова въ Виши.

Бо-фреръ иронически фыркнулъ.

— Васъ? Въ Виши? Или я ослышался, или я абсолютно ничего не понимаю въ медицинѣ.

— А развѣ вы врачъ? — спросила Ягушева.

— Слава Богу, нѣтъ, — гордо отвѣчалъ бо-фреръ. — Именно слава Богу. Поэтому сохраняешь свѣжесть дедуктивнаго и индуктивнаго метода мышленія, могу судить о патологическихъ явленіяхъ организма непосредственно, избѣгая давленія навязанныхъ авторитетами предпосылокъ. А по профессіи, если хотите знать — я землемѣръ.

Сказалъ, замолчалъ и раздулъ ноздри.

— Но почему же вы думаете, что я не должна ѣхать въ Виши, если у меня болѣзнь печени?

— Потому что у васъ ровно никакой болѣзни печени нѣтъ.

— Но почему же вы такъ думаете? У меня даже бываютъ сильныя боли въ области печени.

— Ровно ничего у васъ не болитъ. Это все одно воображеніе.

— Позвольте, однако, — заволновалась Ягушева. — Мой профессоръ, парижское свѣтило, опредѣлилъ именно болѣзнь печени.

— Ну и вретъ. Я не говорю, что вретъ намѣренно. Просто ошибся. И не такіе какъ онъ да ошибались.

Тутъ вступилъ въ бесѣду мужъ Ягушевой, человѣкъ спокойный, сыто-розовый, бѣлокурый.

— Простите, но мнѣ интересно, на чемъ вы основываете ваше утвержденіе, что жена моя не страдаетъ болѣзнью печени?

Бо-фреръ озабоченно погрызъ ногти, сначала на правой рукѣ, потомъ на лѣвой, и отвѣтилъ, упрямо выпятя лобъ:

— Да ужъ я знаю. Ужъ меня не собьете.

— Простите, — не отступалъ мужъ Ягушевой, — но меня все-таки интересуетъ вопросъ: почему вы считаете возможнымъ, чтобы мы, я и моя жена, не вѣрили діагнозу опытныхъ врачей, профессору медицины, а повѣрили бы землемѣру, который никакого отношенія къ медицинѣ не имѣетъ, никогда никого не лѣчилъ, а жену мою видитъ въ первый разъ въ жизни, вотъ такъ, въ пальто и шляпкѣ. Почему, скажите, ради Бога, долженъ я вамъ вѣрить?

Бо-фреръ презрительно фыркнулъ:

— Знаете-ли, я ни въ какіе дебаты съ вами вступать не желаю. Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, для меня это, въ сущности, безразлично.

Онъ принялъ подчеркнуто равнодушный видъ и повернулся къ Ягушеву въ профиль.

Хозяйка дрожащимъ голосомъ сдѣлала попытку измѣнить разговоръ.

— А какъ вашъ мальчикъ? — спросила она у мадамъ Ваксъ. — Все попрежнему хорошо учится?

— Великолѣпно учится! — радостно оживилась та. — Все время первымъ ученикомъ.

— Гы! — криво усмѣхнулся бо-фреръ. — Навѣрное отмѣтки подчищаетъ.

— Какъ подчищаетъ? — всполошилась Ваксъ.

— Да очень просто. Ножичкомъ подскребетъ и выведетъ другую цифру. Всѣ мальчишки такъ дѣлаютъ, можете быть спокойны. А маменьки радуются.

— Ну какъ вы можете говорить такія вещи! — закудахтали дамы. — Сынъ мадамъ Ваксъ такой чудесный мальчикъ...

— Да ужъ, повѣрьте, что я знаю лучше васъ! — многозначительно отвѣчалъ бо-фреръ и перебросилъ ножку на ножку.

— Да вѣдь вы его никогда не видали, вы понятія о немъ не имѣете! — возмущались всѣ.

— Да ужъ разъ говорю, значитъ знаю. Я еще въ Россіи зналъ одного тоже такого же чудеснаго мальчика. Родители каждый вечеръ отправляли его на урокъ музыки и каждый мѣсяцъ посылали съ нимъ деньги учителю. А мальчишка все имъ разсказывалъ про свои необычайные успѣхи и про восторги учителя. А потомъ выяснилось, что онъ два мѣсяца учителя въ глаза не видалъ, а преспокойно ходилъ на катокъ. Вотъ и вашъ также. Катка здѣсь нѣтъ, такъ онъ въ киношку. А вы то радуетесь.

— Ну какъ вы смѣете, наконецъ... — начала было мадамъ Ваксъ, но хозяйка ее перебила, желая водворить миръ:

— Дорогая моя, — чуть не плача, сказала она, — отчего... отчего вы бросили свою старую квартиру?

— Она была очень сырая. Первый этажъ и никогда не было солнца.

— Позвольте, — вдругъ заинтересовался бофреръ. — Это на какой же улицѣ?

— На Вожираръ.

— Ну такъ тамъ абсолютно не можетъ быть сыро.

— Чего же вы спорите, когда мы тамъ жили! На коврѣ въ углу прямо была плѣсень и стѣна мокрая.

— Увѣряю васъ, что это совершенно невозможно! — громко, даже съ нѣкоторымъ возмущеніемъ заявилъ бо-фреръ. — Вы навѣрное что нибудь путаете.

— Да какъ же я могу путать, — истерически закричала Ваксъ, — когда я тамъ два года жила и два года стѣна была сырая.

— Значитъ что-нибудь пролили.

— Два года проливали?

— Ну ужъ это вамъ лучше знать, — иронически прошипѣлъ бо-фреръ и погрызъ ногти.

— Господи! — пробормотала хозяйка. — Это становится совершенно невозможнымъ! Анна Петровна, — обратилась она къ молодой дамѣ, все время растерянно молчавшей, — Анна Петровна, вы попрежнему часто бываете въ театрѣ?

— Да, довольно часто, — отвѣчала та. — Вотъ недавно видѣли мы презабавную пьеску. Играла очаровательная актриса. Эльвира Попеско.

— Комическая старуха, — перебилъ ее бо-фреръ.

— Нѣтъ, вовсе не старуха. Ей максимумъ лѣтъ тридцать пять.

— Ей пятьдесятъ восемь, — безапелляціоннымъ тономъ сказалъ бо-фреръ. — Попесковой пятьдесятъ восемь лѣтъ. Вообще въ Парижѣ нѣтъ актрисы моложе пятидесяти лѣтъ. А Попесковой пятьдесятъ восемь.

— Да вы, вѣроятно, не о той говорите. Я говорю объ Эльвирѣ Попеско, а вы о какой то Попесковой.

— Потому-что я правильно выговариваю ея фамилію, а вы на французскій ладъ. Она Попескова и ей пятьдесятъ восемь лѣтъ.

— Да вы видѣли ее когда нибудь?

— Не видѣлъ и не желаю.

— Такъ какъ же вы можете судить? — ввязался Ягушевъ.

— Простите, — вдругъ взбеленился бофферъ. — Я не люблю, когда со мной говорятъ такимъ тономъ.

Вскочилъ и, повернувшись къ хозяйкѣ, заявилъ:

— Можете быть довольны — я ухожу. И знайте, дорогая Вѣра Сергѣевна, не обижайтесь, но меня теперь нисколько не удивляетъ, что вы разошлись и со вторымъ вашимъ мужемъ.

— Да вы съ ума сошли! — не своимъ голосомъ завопила Вѣра Сергѣевна. — Я и не думала расходиться со своимъ мужемъ!

Онъ былъ уже у дверей и, повернувшись всѣмъ тѣломъ, иронически скривилъ губы и зловѣще процѣдилъ:

— Ну объ этомъ, дорогая моя, ужъ позвольте мнѣ лучше знать!

Хлопнулъ дверью и былъ таковъ.

Безтактность

Всѣмъ давно было извѣстно, что профессору Суровину живется плохо. Но такъ какъ жилъ онъ въ Чехословакіи, а главные эмигрантскіе благотворители, какъ извѣстно, живутъ въ Парижѣ, то особыхъ заботъ о профессорѣ никто и не проявлялъ.

При случаѣ говорили:

— Да, да, бѣдный! Подумать, только, европейское имя и такъ не сумѣть устроиться.

— Міровое имя, а не европейское, — поправлялъ собесѣдникъ. — Міровое, а въ жизни балда. Смотрите, нашъ Парнюковъ: имени ровно никакого, а открылъ лавочку сибирскихъ продуктовъ и живетъ такъ, что дай Богъ всякому. И дѣтей воспитываетъ, и женѣ измѣняетъ...

Но, въ общемъ, судьбой Суровина интересовались мало.

Иногда появлялись его статьи въ газетахъ. Печатали ихъ по «скучнымъ» днямъ — въ понедѣльникъ или среду. Онѣ были тяжелы и нудны. Никто въ нихъ ничего не понималъ. А бѣдный авторъ говорилъ женѣ:

— Унижаюсь. Пишу для хлѣба пустенькія, забавныя статейки, на вкусы широкой публики. Это унизительно.

Такъ и пропадалъ бѣдный Суровинъ. Пропадалъ, пока не встрѣтился съ нимъ, заѣхавшій случайно изъ Парижа, шустрый журналистъ Зюзя. Собственно говоря, фамилія журналиста была другая, но знали его всѣ подъ прозвищемъ, неизвѣстно откуда взявшимся — Зюзя.

Зюзя дѣлалъ турнэ по славянскимъ странамъ. Читалъ лекціи «О русской эмиграціи». Тезисы: Герценъ. Новѣйшіе танцы. Моральное людоѣдство. Сексъ апилъ и современная техника. Духа не угашайте. Куда и почему?

Съ профессоромъ Суровинымъ Зюзя встрѣтился у какого-то общественнаго дѣятеля. Суровинъ, рѣдко изъ дому выползавшій, за эмигрантской жизнью не слѣдившій, понялъ только, что Зюзя читаетъ лекціи, а такъ какъ отъ безденежья давно утратилъ всякую любознательность, то и не разспрашивалъ — какія такія лекціи, а просто рѣшилъ, что Зюзя профессоръ, и сталъ звать его коллегой.

Зюзѣ это очень понравилось. Онъ попросилъ у Суровина портретъ, который и помѣстилъ въ своей газетѣ, сопроводивъ душураздирающей статьей о положеніи великаго русскаго генія въ изгнаніи. Газета по счастливой случайности выпустила статью съ «досадными опечатками», которыя произвели на читателей сильное впечатлѣніе.

«Насъ встрѣтила супруга профессора, старуха вся въ репьяхъ».

Что значило это «въ репьяхъ», потомъ, за утерей рукописи, даже и дознаться не могли. Но читатели ужаснулись. Въ ихъ воображеніи мелькнулъ обликъ стараго лохматаго пса, бродящаго по мусорной свалкѣ. Ихъ сердце дрогнуло.

«Тяжелая нужда гнететъ и давитъ. Нужно помочь, пока духъ еще мрѣетъ».

Слово «мрѣетъ» не было опечаткой. Зюзя пустилъ его для эффекта. Слово, надо правду сказать, рѣдкое и въ простомъ нашемъ обиходѣ ненужное. Оно тоже потрясло читателя.

— Да что же это такое! — воскликнула одна добрая дама. — Такой геніальный человѣкъ, а въ газетахъ пишутъ, что ужъ совсѣмъ истлѣлъ.

Вотъ это самое «мрѣетъ» и возымѣло густыя послѣдствія. Рѣшили пригласить профессора въ Парижъ, устроить ему банкетъ и чествованіе, а собранныя съ банкета деньги выдать ему на руки.

Составили комитетъ. Предсѣдательствовала Алина Карловна Зенгилевская, статная красавица съ полузакрытыми выпуклыми глазами и полуоткрытымъ ртомъ, обнажавшимъ длинные зубы, розовые отъ слинявшей на нихъ губной краски.

Зазвонили телефоны. Забѣгали дамы, предлагая билеты. Спрятались поглубже жертвы, намѣченныя въ покупатели. Къ банкету готовились рѣчи и жареная утка.

Словомъ, все какъ всегда.

Дамы, принадлежащія къ интеллигентскимъ кругамъ и ихъ периферіямъ, спрашивали другъ у друга лично и по телефону:

— Что вы надѣнете? Съ рукавами? Съ кофточкой?

— Черное? Голое?

— А что шьетъ себѣ Лиза?

Словомъ, и это все, какъ всегда.

Потомъ спеціальная комиссія занялась разсадкой по мѣстамъ. Такъ, чтобы мужья и жены другъ друга не видѣли. Чтобы ни лѣвые, ни правые не оказались центральнѣе по отношенію другъ къ другу. Враги политическіе и враги личные чтобы не помѣщались рядомъ. Чтобы разведенные супруги не оказались за однимъ столомъ, а флиртующіе, наоборотъ, чтобы не очутились за разными.

Время течетъ и событія притекаютъ.

Притекъ и день банкета.

Профессора Суровина поселили въ отелѣ и каждый день кто-нибудь звалъ его на завтракъ, еще кто-нибудь на обѣдъ. Звали посидѣть въ кафэ, возили въ театръ, на лекціи, на засѣданія, на собранія, рвали на части. Бывали такіе дни, что ему приходилось по два раза обѣдать.

— У васъ былъ Суровинъ? У насъ былъ уже два раза, сидѣлъ очень долго и еще обѣщалъ.

— Ну, конечно, былъ! Завтра мы веземъ его кататься. Какой удивительный умъ!

— Геній! Чего же вы хотите?

— И такъ просто себя держитъ.

— Лена влюбилась въ него до слезъ. Шьетъ себѣ новое платье. Хочетъ итти въ монастырь, какъ тургеневская Лиза.

— А Зенгилевская воображаетъ, что онъ ея собственность. Требуетъ, чтобы онъ каждый день у нея завтракалъ.

Профессоръ Суровинъ замотался въ конецъ. Пожелтѣлъ, отекъ, улыбался и съ тоскою думалъ — когда все это кончится и много ли для него очистится.

Банкетъ удался на славу. Ораторы, ограниченные тремя минутами, говорили не четверть часа, и былъ даже такой моментъ, когда двое, — правда, на разныхъ концахъ зала, такъ что другъ друга не слышали, — говорили одновременно. Никто, впрочемъ, на это обстоятельство вниманія не обратилъ, потому что всѣ разговаривали другъ съ другомъ, перекидывали записочки, и всюду, какъ говорится, царило непринужденное веселье, особенно на томъ углу стола, гдѣ сидѣли поэты, строчившіе на обратной сторонѣ меню юмористическіе стишки насчетъ бѣднаго Суровина.

Но Суровинъ ничего не замѣчалъ. Отъ рѣчей у него гудѣло въ головѣ. Потомъ какая-то борода его цѣловала, а въ бородѣ дрожалъ налипшій кусокъ яичницы. И всѣ аплодировали ему и цѣлующей бородѣ. И потомъ снова кто-то кричалъ, что онъ геній и всѣ гордятся, и даже грозилъ пальцемъ, повернувшись на сѣверо-востокъ.

Домой въ отель отвезъ его какой-то восторженный юноша и кричалъ, хотя можно было уже говорить тихо — что завтра полгорода пойдетъ

провожать генія на вокзалъ. Но геній умолялъ его передать всѣмъ, что онъ умоляетъ не безпокоиться, такъ какъ не знаетъ, съ какимъ поѣздомъ онъ уѣдетъ.

Ему не хотѣлось, чтобы его провожали, такъ какъ ѣхать ему придется въ третьемъ классѣ и на дорогу купить булку съ сыромъ, потому что денегъ на него набрали только пятьсотъ четыре франка, остальное ушло на утку. Эти проводы, рѣчи, Зенгилевская въ соболяхъ у вагона третьяго класса и его булка въ бумажкѣ и фибровый чемоданишко со сломаннымъ замкомъ. Ни къ чему все это. И онъ умолялъ.

Ночью проснулся онъ отъ сильнаго озноба. Болѣла голова и тошнило. И мучилъ странный вопросъ: вопросъ — откуда у цѣловавшей его бороды взялся кусокъ яичницы? За банкетомъ яичницы не было. Неужели съ завтрака осталось? Такъ, значитъ, весь день и щеголялъ?

И тутъ же, сообразивъ всю вздорность мучившаго его вопроса, понялъ, что онъ, пожалуй, не на шутку расхворался.

— Вы слышали, — сказала мадамъ Кронъ Алинѣ Зенгилевской. — Вы слышали, что нашъ геніальный Суровинъ все еще въ Парижѣ?

— Да что вы? — спокойно удивилась Зенгилевская. — Почему же онъ не уѣзжаетъ?

— Онъ, говорятъ, боленъ. Лежитъ уже четвертый день.

— Какъ это странно! — недовольно пробормотала Зенгилевская. — Кто-нибудь его навѣщаетъ? Я занята, да и нельзя же всю жизнь съ нимъ возиться.

— Нужно будетъ сказать Ленѣ, если она еще не ушла въ монастырь, ха-ха!

Зенгилевская молча показала розовые зубы и закрыла ротъ.

***

— Лиза? Алло! Алло! Говорятъ, Суровинъ боленъ и не уѣхалъ. А?

— Какъ глупо! Онъ такъ живо растратитъ все, что ему собрали. Это прямо безтактно.

— Ужасно глупо.

— А кто-нибудь его навѣщаетъ?

— Не знаю. Я, во всякомъ случаѣ, не пойду. Какъ-то неловко: всѣ ему кричали «геній, геній!», а тутъ вдругъ взялъ да и заболѣлъ. Ни съ того, ни съ сего.

— А откуда же узнали?

— Массажистка, которая мадамъ Кронъ массируетъ, живетъ въ томъ же отелѣ.

— По-моему, лучше всего дѣлать видъ, что мы ничего не знаемъ. Я думаю, ему и самому неловко, что онъ такъ...

— Ну, конечно. Такой великій и міровой, и вдругъ лежитъ и, пожалуй, еще у него животъ болитъ.

— Какъ все это вышло глупо. Нѣтъ, дѣйствительно, надо дѣлать видъ, что мы не знаемъ. Такая безтактность!

⁂

Профессоръ Суровинъ, ослабѣвшій и осунувшійся, сидѣлъ на кровати, подпертый подушками. Добродушная курносая толстуха крутила ложкой въ кастрюлѣ, варила на спиртовкѣ кашу.

— Поѣшьте, поѣшьте моей мурцовочки, — приговаривала она. — Вамъ теперь силы нужны. Ишь, какъ васъ подвело. Вся мускулатура разбрякла. Я вамъ ужо спину помассирую. Можете мнѣ довѣрить. Моя спеціальность.

— Скажите, — началъ Суровинъ, запнулся и покраснѣлъ. — Скажите, вы вѣдь никому не проболтались, что я боленъ?

— Ни-ни. Зачѣмъ мнѣ болтать? Никому не сказала.

— А то, вы понимаете, они бы всѣ сюда нагрянули, а я такой слабый, и вообще, и даже вонъ рубашка рваная. А они бы нагрянули.

— Ну, конечно, нагрянули бы, — пряча улыбку, поддакивала массажистка. — Ужъ тутъ бы цѣлыми депутаціями принимать бы пришлось. Весь бы банкетъ сюда приперъ и съ цвѣтами, и съ вѣнками.

— Какой ужасъ, какой ужасъ! — бормоталъ профессоръ, закрывая глаза. — Ради Бога, вы никому!

— Да ужъ будьте покойны, батюшка. Ужъ за это я отвѣчаю.

— А... а откуда эта каша? — вдругъ встревожился онъ. — Кто прислалъ кашу?

— Кашу? А это, какъ вамъ сказать... Каша отъ отеля полагается. Кто, значитъ, заболѣлъ, тому каша.

— Спасибо. Я вѣрю вамъ.

Онъ облегченно вздохнулъ и дрожащей рукой взялъ ложку.

«Воспоминанья величавы...»

Въ праздничный день человѣку свойственно куда-нибудь итти.

У кого есть родственники — идутъ къ родственникамъ, у кого знакомые — къ знакомымъ. У кого никого нѣтъ, тотъ надумываетъ себѣ прогулочку, иногда такую нудную и никчемную, что если бы вмѣнили ему это въ обязанность, то онъ горько бы на свою судьбу сѣтовалъ. Но такова ужъ человѣческая натура — въ праздникъ надо итти.

Есть, конечно, и такіе люди, которые предпочитаютъ праздновать, лежа на диванѣ въ халатѣ и шлепанцахъ. Но это неврастеники и поведеніе ихъ нормальнымъ считать нельзя.

Нормальный человѣкъ въ праздникъ — идетъ.

Покорный общему закону, пошелъ и Витковъ.

Пошелъ онъ по направленію къ Сенъ-Клу и шелъ по авеню де Версай, не совсѣмъ, впрочемъ, отдавая себѣ отчетъ, куда именно и зачѣмъ онъ идетъ. Дошелъ до трамвайной остановки и тутъ увидѣлъ знакомую живописную фигуру, ожидающую трамвая.

Живописная фигура эта принадлежала знакомому Виткова, торговцу Ложкину. Не узнать его или спутать съ кѣмъ-нибудь было трудно.

Есть такія внѣшности, которыхъ природа въ щедромъ своемъ разнообразіи надѣляетъ такими особенностями, что человѣкъ, расположенный къ философскимъ размышленіямъ, не можетъ не призадуматься. Конечно, какъ принято говорить, — все въ природѣ мудро. Можетъ быть, и мудро, но мало постижимо.

Ну вотъ, хотя бы этотъ случай съ Ложкинымъ. Ну, зачѣмъ нужно было тянуть ему эдакой длины носъ, а самый конецъ вдругъ ни съ того, ни съ сего заворотить кверху? Если допустить, что это мудро, то для чего, собственно, это сдѣлано? Цѣли природы — прельщеніе для размноженія и сохраненія вида. Прельстить ложкинской внѣшностью абсолютно было невозможно. Сохранить видъ — не было никакой надобности.

Вотъ такъ и жилъ Ложкинъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ свидѣтельство непостижимости мудрости природы.

Дѣла Ложкина въ Парижѣ шли недурно, и онъ былъ ими доволенъ. Онъ торговалъ въ разносъ всякими, какъ французскими, такъ и русскими патріотическими товарами: мятными пряниками, пастилой, селедками, кумачомъ, баранками. Тутъ же между селедками попадались иногда и чулки «настоящей гарантированной имитаціи».

У Ложкина были свои кліенты, и дѣло шло.

Увидѣвъ Виткова, Ложкинъ сдѣлалъ ему привѣтственный жестъ.

— Вы куда?

— Да такъ, знаете ли, немножко, — отвѣчалъ Витковъ. — А вы?

— Да вотъ думаю проѣхаться въ Сенъ-Клу. Погода хорошая.

— Что-жъ, это идея, — согласился Витковъ. — Пожалуй, и я съ вами, если не помѣшаю.

— Помилуйте, очень радъ.

Дождались трамвая. Поѣхали. Пріѣхали. Вылѣзли. Оглядѣлись. Зашли въ кафэ на площади. Сѣли за столикъ, долго выбирали, совѣтовались, наконецъ, заказали по стакану пива и стали налаживать бесѣду.

— Н-да, — сказалъ Витковъ, — вотъ и Пасха.

— Н-да, — подтвердилъ Ложкинъ, — дѣйствительно Пасха.

— Только не похоже у нихъ на нашу, — сказалъ Витковъ.

— Колоколовъ не хватаетъ, — сказалъ Ложкинъ. — Звона.

— Этого, дѣйствительно, нѣтъ, — согласился Витковъ.

— И вообще, — продолжалъ Ложкинъ, — развѣ это то? — Вѣдь если начать вспоминать, такъ прямо жутко дѣлается. Господи, думаешь, да неужели же это я? Я, Ложкинъ, который когда-то счастливымъ безпечнымъ ребенкомъ раз-

говлялся въ роскошномъ помѣщичьемъ домѣ своихъ родителей? Ахъ, дорогой мой, помню я какъ сейчасъ незабвенный день Свѣтлаго Праздника.

***

Папаша Ложкинъ въ этотъ день по случаю праздника на службу не пошелъ. Служилъ онъ на винокуренномъ заводѣ при имѣніи помѣщицы Талызиной акцизнымъ чиновникомъ.

Папаша Ложкинъ былъ желчный, ворчливый, въ сорокъ лѣтъ старый неврастеникъ. Мамаша — растяпа, раздрыпа, неряха. Домъ былъ запущенный, неуютный.

Единственный отпрыскъ, молодой Ложкинъ, слонялся по усадьбѣ, дивилъ ребятъ своимъ замысловатымъ носомъ.

Въ двѣнадцать лѣтъ обратилъ на себя вниманіе папаши.

— Надо будетъ болвана осенью въ городъ свезти, — сказалъ папаша.

И заказалъ сыну коломенковые штаны и куртку, какъ носятъ гимназисты.

Наряженный въ новое платье, онъ показался папашѣ такимъ молодцомъ, что тотъ рѣшилъ взять его съ собой, когда пойдетъ поздравлять помѣщицу съ праздникомъ.

Шли по знакомой дорожкѣ отъ завода на гору. Папаша впереди и сынъ сзади.

Сынъ смотрѣлъ на желтую шею отца, съ косицей плохо остриженныхъ волосъ посерединѣ, и ненавидѣлъ и шею, и косицу, и отца, зачѣмъ тащутъ его къ Талызиной.

Отъ новой куртки пахло паклей.

Передъ уходомъ мать вымыла ему уши мыломъ, и это было омерзительно.

Вошли въ огромную переднюю, и тутъ къ нимъ выскочила помѣщица, плоская, въ сѣромъ платьѣ, глаза круглые, ротъ какъ у щуки, которая крючокъ заглотила, и вся ехидная.

— А-а, — сказалъ папаша неестественнымъ голосомъ, — Марья Анемподистовна. Здравствуйте, здравствуйте.

Ложкина-сына поразило, какъ папаша съ помѣщицей говоритъ, — безъ всякаго почтенія.

А та въ отвѣтъ:

— Пожалуйте прямо въ столовую. Онѣ тамъ-съ.

Пошли въ столовую. И тутъ Ложкинъ увидѣлъ сначала потрясающей величины столъ, уставленный какими-то огромными штуками, изукрашенными сахарными узорами и утыканными бумажными цвѣтами. А что за штуки — и понять трудно. Вонъ какой-то бѣлый баранъ и во рту укропъ, а мажутъ его ножемъ, какъ масло. А съ краю на столѣ, выпятя грудь, огромная курица, облитая коричневымъ клеемъ, а на лапкахъ панталоны изъ бумаги и съ завитушками. Очень это было странно.

А кругомъ стола — люди, и стоящіе, и сидящіе, дамы и полковники, и разные бородатые, и все какіе-то красные, а поодаль въ креслѣ, увернутая въ платки и шали, толстая важная старуха. И тутъ вспомнилъ онъ, что помѣщица Талызина была безногая, и понялъ,

что это она и есть, а та, щука, вовсе не хозяйка и вовсе не барыня.

Папаша подошелъ къ старухѣ и совсѣмъ безъ всякаго ворчанья, не такъ, какъ дома, поклонился и даже чего-то захихикалъ.

Та подала ему руку, а на сына только взглянула, сначала мелькомъ, а потомъ еще разъ и съ видимымъ отвращеніемъ. Потомъ поманила пальцемъ щуку и сказала въ носъ:

— Дайте же ему, этому, всего.

Щука заюлила и повела Ложкина къ столу, въ самый конецъ, гдѣ никого не было, взяла тарелку, навалила на нее чего попало, вперемѣшку, пасхи, кулича, телятины, чего-то рубленаго, чего-то жидкаго, чего-то мокраго, а сверху шлепнула красное яйцо и ткнула все Ложкину подъ носъ.

— На! Ѣшь. И потомъ можешь идтить.

Ложкинъ оглядѣлся исподтишка. Народу въ комнатѣ было много. Какія-то дѣти поставили стулья въ кружокъ, играли, хохотали весело. Больше всего отличался маленькій, очень толстый мальчикъ, въ матроскѣ, въ бѣлыхъ носочкахъ на короткихъ, какъ тумбы ногахъ. Онъ бѣгалъ, трясъ хохломъ, что-то рычалъ, и всѣ видимо были отъ него въ восторгѣ.

Вотъ сволочь! — съ ненавистью подумалъ о немъ Ложкинъ.

На него, на Ложкина, никто не обращалъ вниманія. Онъ сидѣлъ одинъ на пустомъ концѣ стола, передъ нимъ была тарелка, точно заваленная отбросами, и даже вилки ему не дали.

Онъ поискалъ глазами отца. Тотъ стоялъ далеко около окна и разговаривалъ съ управляющимъ.

— Небось, полковники-то съ нимъ не водятся, — подумалъ Ложкинъ и обидѣлся за отца.

Щука стояла неподалеку и, скосивъ глаза, слѣдила за Ложкинымъ. Надо было что-то дѣлать.

Онъ осторожно взялъ вымазавшееся въ какую-то жижу яйцо и стукнулъ его о край тарелки. Яйцо треснуло и потекло. Потекло прямо на скатерть. Оно оказалось всмятку.

И въ ту минуту, точно этого только и ждала, подскочила къ нему щука и, схвативъ салфетку, стала застилать ею пятно.

— У-у, паршивецъ! — зашипѣла она, наклонясь къ самому лицу Ложкина. — Загваздалъ чистую скатерть! И чего только ходютъ!

Она ощерилась со злости, и Ложкинъ увидѣлъ ея зеленые зубы и бѣлый, словно вымазанный творогомъ, языкъ.

Отъ отвращенія и обиды ему стало такъ худо, что даже голова закружилась.

И долго потомъ, нѣсколько лѣтъ, въ тяжелыхъ снахъ приходила къ нему эта щука и грозила ему бѣлымъ языкомъ, а мимо съ веселымъ крикомъ пробѣгалъ толстый мальчуганъ, на котораго всѣ любовались.

***

— Помню я какъ сейчасъ, — говорилъ Ложкинъ, щуря глаза на мостъ Сенъ-Клу. — Помню незабвенный день Свѣтлаго Праздника.

Помню милую мою бабушку. Сидитъ старушечка въ креслѣ, ноги завернуты пледомъ, тихая, ласковая. А тутъ кругомъ нея вся наша губернская знать — предводители, засѣдатели.

На столѣ — чего только нѣтъ, цѣлая поэма. И мы, дѣтвора, бѣгаемъ, играемъ. Помню себя въ матросочкѣ, носочки носилъ бѣленькіе, здоровенный былъ мальчишка, веселый. Ну и любили же меня всѣ. И думали ли они, могли ли думать, что ихъ баловень, ихъ любимчикъ Васенька, будетъ вотъ такъ одинокимъ бобылемъ сидѣть на чужомъ берегу и глотать постылое чужое пиво?

Онъ сладко вздохнулъ, улыбнулся, потянулся, встряхнулся, точно сбросилъ съ плечъ тяжесть, столько лѣтъ давившую. Посмотрѣлъ на Виткова ласково.

Въ душѣ этого человѣка, этого Ильи Петровича Виткова, будетъ отнынѣ жить старая горькая быль, какою не была, но какою по нашей простоватой человѣческой справедливости должна была быть. Преображенная и торжествующая.

И Витковъ отвѣтилъ ему взглядомъ понимающимъ и почтительнымъ вздохомъ.

Бываютъ въ жизни встрѣчи

Они познакомились на балу. Вѣрнѣе — возобновили знакомство, потому что, когда то, гдѣ то уже встрѣчались, но память ничѣмъ эту встрѣчу не отмѣтила и не сохранила.

Но тутъ, на балу, когда она подошла къ нему съ лоттерейными билетами, онъ поклонился ей какъ знакомой, и потомъ разыскалъ ее, уже сидящей за столикомъ, подсѣлъ и разговорился.

— Такъ вы меня вспомнили! — спросила она.

— Я никогда и не забывалъ.

— Неужели такая хорошая память?

— Память плохая, но воспоминанiе хорошее.

У него было милое лицо, все свѣтлое, волосы, брови, рѣсницы — словно негативъ фотографiи. Когда онъ снималъ пенснэ, глаза смотрѣли наивно и безпомощно.

Выяснилось, что онъ гдѣ-то служитъ, читаетъ какiя-то лекцiи, на балъ попалъ только потому, что имѣетъ отношенiе къ организацiи, этотъ балъ устроившей.

Звали его Николай Николаевичъ. Фамилію его она два раза спросила: одинъ разъ прямо, другой разъ наводящими вопросами, и оба раза сразу же забыла.

Онъ, безъ ошибки, назвалъ ее Евгеніей Александровной.

«Очевидно, я ему еще тогда понравилась» — подумала она.

И это было очень пріятно.

Балъ былъ удачный, какъ большинство русскихъ баловъ.

Лоттерейныя дамы, забаррикадированныя пожертвованными пакетами съ чаемъ, кусками душистаго мыла и шарфиками неизъяснимаго цвѣта, выставили какъ дальнобойное, бьющее безъ промаха орудіе, огромную лампу подъ «роскошнымъ» абажуромъ. Легкіе партизанскіе отряды улыбающихся дѣвицъ сновали по залѣ съ билетиками, предлагая испытать судьбу.

У буфетнаго стола шли бурныя объясненія. Слышались возгласы:

— Откупорено девять, а получено за четыре!

На эстрадѣ шла блестящая программа. Малолѣтняя Ирочка протанцовала «танецъ незабудки». И всѣ нашли, что незабудка танцуетъ именно такъ. Очень похоже: ножкой вправо, ножкой влѣво, пируэтъ и прыжокъ.

Между номерами выскакивалъ на эстраду распорядитель и съ жестами безграничнаго ужаса анонсировалъ слѣдующее выступленіе. Лицо его выражало совершенно несоотвѣтствующую моменту фразу:

— Бейте меня, если хотите, но, въ сущности, я не виноватъ!

Пѣла пѣвица изъ оперы «Черевички» и на бисъ изъ «Гальки».

Танцовала гопака Лиля Коробко.

Потомъ выступалъ подражатель Жоржу Сѣверскому и спѣлъ новый романсъ.

«Бываютъ чудеса. Бываютъ въ
жизни встрѣчи,
И звѣзды вамъ поютъ, и говорятъ
цвѣты...»

Вотъ тутъ-то Николай Николаевичъ нагнулся, заглянулъ снизу въ глаза Евгеніи Александровны и взволнованно спросилъ:

— Вы слышите, что онъ поетъ?

Евгенія Александровна улыбнулась его глазамъ и чуть-чуть пожала руку.

Романъ начинался очень значительно и неожиданно интересно.

«Пронзенный молніей!» — подумала она. — Дѣйствительно: «бываютъ чудеса! Бываютъ въ жизни встрѣчи!».

«Пронзенный молніей» старался во всю. Приносилъ изъ буфета то телятину, то пирожки, то крюшонъ, купилъ желтую розу, смотрѣлъ на Евгенію Александровну умоляюще-собачьими глазами и все повторялъ:

— Ахъ, какъ много, много хочется разсказать вамъ. Боюсь только, что вамъ будетъ скучно слушать.

— Напротивъ, — отвѣчала она и улыбалась самой очаровательной изъ своихъ улыбокъ, сослужившей ей службу уже не разъ въ жизни.

Онъ проводилъ ее домой, и опять повторилъ, что ужасно много долженъ сказать ей и, прощаясь, они условились, что завтра онъ за ней зайдетъ, чтобы вмѣстѣ позавтракать.

— О чемъ онъ хочетъ говорить? — думала она, засыпая. — Разгадать не трудно. Ну что-жъ, попрошу дать мнѣ мѣсяцъ на размышленіе, хотя, собственно говоря, размышлять не о чемъ. Это серьезный и порядочный человѣкъ. Онъ, между прочимъ, спросилъ меня, свободна ли я. А такіе вопросы безъ толку не предлагаются.

Она уснула, улыбаясь.

Утро было хорошее, весеннее, ясное. Къ сожалѣнію. Потому что показываться влюбленному человѣку послѣ безсонной ночи въ ясное утро очень рискованно. Хотя онъ какой-то восторженный, этотъ Николай Николаевичъ. Врядъ ли онъ очень примѣтливъ.

Подмазалась осмотрительно, не слишкомъ ярко. Человѣкъ съ серьезными намѣреніями не одобряетъ яркой подмазки. Влюбляется именно въ хорошо раздѣланную физіономію, а разъ въ этомъ чувствѣ утвердился, требуетъ простоты и честности. И ничего яркаго не допускаетъ. Это ужъ такая мужская черта. Если, напримѣръ, человѣкъ влюбился въ талантливую актрису, то первымъ долгомъ потребуетъ, чтобы она бросила сцену. Такихъ примѣровъ безко-

нечное множество. И напоминаетъ это петербургскихъ купцовъ, которые долго ходили въ какой-то трактиръ слушать соловья. Соловей былъ тамъ въ клѣткѣ замѣчательный. Слушали-слушали, а потомъ приказали соловья зажарить и съѣли.

Ну, долго на этомъ особомъ качествѣ мужской любви останавливаться не будемъ.

Итакъ, Евгенія Александровна, предчувствуя серьезное къ себѣ отношеніе Николая Николаевича, подмазалась слегка, одѣлась просто и встрѣтила съ улыбкой ясной и нѣжной.

Пошли въ ресторанъ завтракать.

Онъ былъ все время въ какомъ-то экстазѣ, ничего не ѣлъ, наливалъ вино мимо стакана и, не переставая, захлебываясь, говорилъ. Говорилъ о своемъ дѣтствѣ; о томъ, что у него была тетя Лиза, которую онъ, когда былъ мальчикомъ, называлъ Зиза, и дядя Петя, котораго называлъ Фетя. Что онъ любилъ сметану съ черным хлѣбомъ; что за его старшей сестрой ухаживалъ юнкеръ Гавриловъ, но онъ ей не нравился; что эта самая сестра любила блинчики съ вареньемъ, и ее всегда дразнили, что ей варенья не дадутъ, а намажутъ блинчики горчицей; что у нихъ была бонна, старая дѣва, которая какъ то призналась, что была въ молодости влюблена въ дьякона. Потомъ перешелъ на первыя гимназическія впечатлѣнія.

Евгенія Александровна сначала старалась изображать на своемъ лицѣ различныя, под-

ходящія по ходу разсказа переживанія: радость, удивленіе, умиленіе, но потомъ ей показалось, что онъ, какъ будто, и не замѣчаетъ ея сочувствія, и она распустила лицо и откровенно приналегла на завтракъ.

«Когда же онъ, наконецъ, начнетъ говорить обо мнѣ?» — ждала она.

Ей надоѣло его дѣтство прямо до зла-горя. Но она утѣшала себя тѣмъ, что каждый серьезно полюбившій мужчина прежде всего угощаетъ любимую женщину манной кашей своихъ первыхъ лѣтъ. Только Донъ-Жуанъ и люди съ безчестными намѣреніями разсказываютъ о своихъ похожденіяхъ и быстро переходятъ «къ вопросу дня».

И Евгенія Александровна терпѣливо ждала.

«Какая у него, однако, чортъ его раздери, богатѣйшая память! — думала она. — Вѣдь нужно же сохранять въ себѣ всю эту ахинею! Ну, да, ничего. Выпотрошится сразу и перейдетъ на текущій моментъ».

И онъ, вдругъ, спохватился:

— Ахъ, Боже мой! Я васъ, кажется, совсѣмъ заговорилъ! Но мнѣ такъ хотѣлось разсказать все это именно вамъ. Мнѣ чувствовалось, что именно вы можете все это оцѣнить. А теперь я предлагаю вамъ чудесную вещь: пойдемъ сейчасъ же въ Зоологическій садъ. Я обожаю звѣрей. Я покажу вамъ моихъ любимыхъ. Идемъ?

Пошли.

По дорогѣ выяснилось, что онъ естественникъ. Какъ только это выяснилось, онъ сейчасъ же принялся разсказывать очень увлекательныя вещи о томъ, какъ какіе-то черви размножаются дѣленіемъ.

Евгенію Александровну сильно затошнило, но она постаралась дать понять, что относится къ этому размноженію съ полнымъ уваженіемъ.

Въ звѣринцѣ кавалеръ ея оказался своимъ человѣкомъ. Щелкалъ языкомъ передъ клѣткой съ бѣлкой, свистѣлъ хорьку, чмокалъ ламѣ и какъ-то особенно тпрунькалъ передъ зебрами.

Евгенія Александровна устала, ей было холодно, хотѣлось горячаго чаю, послѣ безсонной ночи и бальной суетни заболѣли ноги, и всѣ эти непріятныя ощущенія покрывались, словно мутнымъ морскимъ туманомъ, тихо, но властно наползающей ненавистью къ Николаю Николаевичу.

«Онъ навѣрное чудесный человѣкъ, — бодрила она себя, — добрякъ и такой искренній».

И тутъ же прибавляла:

«Чортъ его раздери! Чортъ его раздери!».

Какъ глупо, что она согласилась пойти въ этотъ звѣринецъ. Все настроеніе вчерашняго бала разбилось объ эти звѣриные хвосты и морды. Теперь ужъ никакъ этого болвана не повернуть на поэтическій ладъ. И ждать отъ него нечего. Не можетъ же онъ, указывая на «чудеснѣйшіе экземпляры самки дикообраза», сказать: «А вотъ кстати не хотите ли вы быть моей женой?»

И онъ, точно подслушавъ ея мысли, вдругъ схватилъ ее за руку и восторженно воскликнулъ:

— Взгляните, вотъ чудеснѣйшій экземпляръ самки кенгуру.

И прямо на нихъ безобразно и какъ-то дразнительно прискакивая, точно, если можно такъ выразиться, подмигивая всѣмъ своимъ нелѣпымъ тѣломъ, двигалось вдоль рѣшетки идіотское животное, созданное будто какимъ-то пьянымъ воображеніемъ съ безсмысленной несоразмѣрностью ногъ, не вызванной крайней необходимостью.

— Сумчатое, — въ благоговѣйномъ восторгѣ воскликнулъ Николай Николаевичъ и уронилъ пенснэ.

И тутъ напалъ на Евгенію Александровну смѣхъ. Откуда? Съ чего? Отъ усталости ли, отъ нелѣпости всего этого приключенія? Отъ смѣшной безобразности дурацкаго звѣря? Сама не понимая почему, она смѣялась, качаясь, обливаясь слезами, и не могла остановиться.

Онъ сначала счелъ нужнымъ тоже прихихикивать, потомъ удивился, потомъ какъ будто обидѣлся.

— Простите... я не могу... — застонала Евгенія Александровна. — Вѣдь такъ... такъ прискакивать съ подковырцемъ можно только нарочно. Вѣдь не можете же вы повѣрить, что это вызвано какимъ то мудрымъ расчетомъ? Вздоръ! Ерунда! Насмѣшка надъ здравымъ смысломъ. Между прочимъ, я васъ терпѣть не могу. Идемъ домой.

Онъ испуганно подхватилъ ее подъ руку и робко подскакнулъ два раза, стараясь попасть въ ногу. Онъ молчалъ и былъ очень грустнымъ. Ей стало жаль его:

— Вы, кажется, разочарованы? — спросила она ласково.

Онъ чуть-чуть прижалъ къ себѣ ея локоть и тихо, но отчетливо сказалъ:

— Я такъ мечталъ объ этой прогулкѣ... я такъ хотѣлъ вамъ...

«Бываютъ чудеса, бываютъ въ жизни встрѣчи» запѣло у нея въ душѣ. Вотъ сейчасъ разсѣется этотъ подлый туманъ и вспыхнутъ звѣзды...

— Я хотѣлъ, — тихо и какъ бы проникновенно продолжалъ онъ, — показать вамъ рѣдчайшій экземпляръ живородящей рыбы.

Ресторанчикъ

— Ну, что жъ, зайдемъ сюда, — нерѣшительно спросилъ Костя Шварцъ. — Отъ добра не ищи добра.

— Что то подозрительно дешево, — сказалъ Миша Товариновъ. — «Русско-французская кухня, хоръ цыганъ во главѣ со знаменитымъ Петей Закатовымъ, веселье до утра», и за все четырнадцать франковъ!

— Ну, да чѣмъ мы рискуемъ. Будетъ плохо — уйдемъ. Все равно сегодня дѣваться некуда.

Пошли.

Бываетъ въ Парижѣ среди самыхъ пышныхъ и нарядныхъ улицъ со сверкающими зеркальными окнами, съ широченными тротуарами, съ пылающими всецвѣтными электрическими рекламами, вдругъ гдѣ нибудь сбоку юркнетъ маленькая, темненькая, совсѣмъ паршивая улочка, съ развороченной мостовой, съ узкими, сбитыми панельками, съ деревяннымъ заборомъ, въ щели котораго дуетъ изъ огромнаго пустыря.

Вотъ на такой именно улочкѣ и помѣщается русско-французскій ресторанъ «Spasibo — Merci»

Входитъ кліентъ черезъ маленькое бистро, гдѣ у стойки задумчивыя славянскія души сосредоточенно и уныло пропускаютъ по рюмочкѣ и по другой.

Настроеніе не франко, а чисто русское.

Услуживаютъ гостямъ русскія женщины, натуры сплошь инфернальныя. Какъ теперь называютъ «вампы».

На нихъ открытыя платья, у нихъ прически, а ля Марлена Дитрихъ, длинныя, бьющія по щекамъ цвѣтныя серьги, прически — послѣдній крикъ кино-моды и голые грязные локти.

Презрительно покачивая бедрами, слегка отвернувъ лицо, съ зажатой въ зубахъ папироской, несетъ вампъ тарелку борща.

— Аріадна Николаевна! — вскакиваетъ съ мѣста заказавшій блюдо кліентъ. — Аріадна Николаевна, ручку!

Онъ щелкаетъ невидимыми шпорами и, схвативъ ручку, держащую тарелку, цѣлуетъ ее, выворачивая борщъ на скатерть.

За кассой сидитъ русская женщина постарше, посолиднѣе, покурносѣе, натура дѣловитая и прозаическая. Лицо у нея безъ прикрасъ, «какъ мать родила», прическа, какъ Богъ послалъ. Она не то патронша, не то участница въ дѣлѣ, не то мэтръ-д'отель. Глазъ у нея хозяйскій и окрикъ распорядительскій.

— Дамочки, дамочки! Вонъ мусью у окна третій разъ хлѣба спрашиваетъ. Дайте мусью

чернаго хлѣба. На кого записать огурчики? Дамочки, кто бралъ огурчики?

Дамочка, бравшая огурцы, не сразу откликается. Она склонилась надъ стойкой, она подаетъ хрѣнъ къ студню и говоритъ трагическому шофферу:

— Зачѣмъ? Развѣ вы еще вѣрите въ чувство? Вотъ вамъ хрѣнъ.

Лицо у нея надменно, улыбка горька. Онъ медленно поднимаетъ на нее глаза, хочетъ что то сказать, но она быстро отворачивается. Такъ быстро, что зеленая стеклянная серьга щелкаетъ ее по переносицѣ.

— Бонжуръ, мусью, — привѣтствовала дама за кассой Костю и Мишу. — Вамъ въ ресторанъ? Дамочки, проводите мусьевъ въ ресторанъ.

Одна изъ дамочекъ отдернула драпировку и впустила гостей въ столовую. Тамъ было холодно и пусто.

Въ углу, сдвинувъ два столика вмѣстѣ, сидѣли люди въ шаляхъ и позументахъ и съ большимъ усердіемъ ѣли.

Испуганный лакей метнулся откуда то изъ глубины и бурными жестами привѣтствовалъ гостей.

— Куда прикажете? Въ уголокъ? Здѣсь удобный столикъ? Или поближе, сюды-съ?

— Что же это, мы одни? — сказалъ Костя Шварцъ, недовольно оглядываясь.

Лакей тоже оглянулся, точно онъ здѣсь и не былъ.

— Еще рано-съ, — сказалъ онъ.

— Да въ которомъ же часу у васъ обѣдаютъ? — спросилъ Миша Товариновъ.

— Да, знаете, кто какъ-съ. У насъ вообще а ля картъ, такъ что всю ночь по желанію.

— Какъ такъ а ля картъ? — обидѣлся Костя. — У васъ же меню по четырнадцать франковъ?

— Это-съ знаете-ли, только по воскресеніямъ.

— Такъ вѣдь сегодня же какъ разъ воскресеніе.

— То есть, виноватъ, по четвергамъ. Я здѣсь давно, такъ что, виноватъ, спуталъ.

— Чортъ знаетъ что такое, — проворчалъ Костя. — Ну, все равно, разъ ужъ зашли — что у васъ тамъ а ля картъ?

— Все, что угодно-съ. Сѣдло бекаса, яблоко розмаринъ, груша императрицъ, борщокъ съ дьяблями, волованъ.

— Покажите-ка карту... Нну и цѣны! Что же это у васъ за цѣны? Дешевле двѣнадцати франковъ ничего нѣтъ?

— Это... ночныя цѣны-съ.

— Да какая же теперь ночь, безъ четверти восемь?

— Разрѣшите, спрошу хозяина.

Онъ схватилъ карту и юркнулъ за драпировку.

— Что за ерунда? — удивлялся Миша Товариновъ. — Уйдемъ лучше по добру по здорову.

Лакей вернулся.

— Хозяинъ говоритъ, что въ виду сезона можно сдѣлать скидку, на котлеты.

— Въ жизни ничего подобнаго... — проворчалъ Костя. — Ну, давайте котлеты.

За это время цыгане отъѣли, вытерли рты бумажками и уперлись глазами въ гостей.

Цыганъ было четверо. Три дамы и одинъ кавалеръ. Очевидно, этотъ самый «знаменитый Петя».

Петя былъ пожилой, обрюзгшій господинъ. Щеки его отвисли и потянули книзу нижнія вѣки. Вѣки обнажили розовую полоску подъ зрачкомъ, какъ у сенъ-бернардскаго пса. Усы у Пети были густо начерчены. Въ общемъ же онъ былъ опредѣленный и несомнѣнный блондинъ.

Изъ дамъ двѣ были молодыя, пухлыя и унылыя. Третья — старуха, съ желтыми клавишами длинныхъ зубовъ, типичная старая гувернантка.

Лакей вернулся съ блюдомъ.

При видѣ котлетъ цыгане встрепенулись. Петя взмахнулъ гитарой и гувернантка, оказавшаяся запѣвалой, тряхнула головой и неожиданно завела басомъ:

«Хорошъ мальчикъ уродился,
За цыганкой волочился!..»

Выговаривала, словно дѣйствительно по гувернантски распекала какого то мальчика.

Хоръ подхватилъ.

Лакей подалъ графинчикъ кислятины.

Петя расправилъ плечи и шагнулъ впередъ.

— Не вздумайте только пѣть «Чарочку»! — взмолился Костя. — Не этой же бурдой...

— Прикажите шампанскаго? — услужливо спросилъ лакей.

— Къ чорту! — мрачно отвѣтилъ Костя. — Что мы, какіе нибудь идіоты или самоѣды? Будемъ сидѣть вдвоемъ въ пустомъ залѣ и пить шампанское!

— Что ты плетешь? — удивился Миша. — Когда же самоѣды сидятъ въ пустомъ залѣ, да еще пьютъ шампанское?

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите на минуточку къ вамъ подсѣсть? — сдѣлавъ любезное лицо, спросилъ Петя и, передавъ гитару одной изъ молодыхъ пѣвицъ, подвинулъ стулъ и сѣлъ.

— Мнѣ, видите ли, знакомо ваше лицо, — обратился онъ къ Мишѣ. — Не бывали ли вы на собраніяхъ религіозно-философскаго общества?

Въ это время портьера, отдѣлявшая столовую отъ какихъ то внутреннихъ помѣщеній, слегка раздвинулась и обнаружила двѣ головы: круглую, черную, на короткой шеѣ съ голубымъ галстухомъ и продолговатую, сѣрую, на длинной шеѣ съ чернымъ галстухомъ. Головы посмотрѣли на Мишу, потомъ на Костю, потомъ перемигнулись и скрылись.

— Въ нашъ вѣкъ упадка религіознаго чувства, — продолжалъ Петя.

— «Да пусть туманъ колышется!
Пусть ги-и-тарра слышится
Не мѣшайте, ахъ да не мѣшайте мнѣ сегодня
жить!» —

рявкнула цыганка.

— Религіознаго чувства, — невозмутимо продолжалъ цыганъ Петя. — Между прочимъ, — перебилъ онъ самъ себя, — вѣрите ли вы въ загробную жизнь?

Онъ подкрутилъ усы и ждалъ отвѣта.

Но Миша отвѣтить не успѣлъ, потому что подошедшій къ нему лакей сказалъ:

— Рамоданъ Ласипедовичъ очень извиняются, просятъ васъ придти къ нимъ.

— Кто такой? — удивился Миша.

— Рамоданъ Ласипедовичъ, хозяинъ. Они здѣсь, внизу-съ, я проведу-съ.

Миша развелъ руками и пошелъ.

Лакей придержалъ занавѣску и, указывая дорогу, сталъ бокомъ спускаться по винтовой, очень скверно пахнущей лѣстницѣ куда то внизъ.

Тамъ, въ подвалѣ, около незакрывающейся двери въ уборную, между ящиками съ пустыми бутылками, стоялъ облупленный деревянный столъ. За столомъ, ярко освѣщенные висѣвшей на стѣнѣ лампочкой безъ абажура — прямо ампулой на шнуркѣ — сидѣли два господина, головы которыхъ Миша уже видѣлъ въ разрѣзѣ занавѣски: круглую черную и длинную сѣрую.

Владѣлецъ сѣрой головы тотчасъ вскочилъ, раскланялся и вышелъ. Владѣлецъ черной ус-

мѣхнулся чрезвычайно любезно и, протянувъ руку, сказалъ:

— Очень, очень радъ. Рамоданъ Ласипедовичъ Габлукъ. Имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ у покойнаго... забылъ фамилію, память мнѣ часто измѣняетъ. Я и сына его хорошо зналъ, тоже теперь покойнаго. Всѣхъ этихъ покойныхъ отлично... Да вы, пожалуйста, присядьте. Я сейчасъ прикажу шампанскаго.

— Простите! — пробормоталъ Миша, — но меня тамъ ждутъ, я съ пріятелемъ.

— Эттъ! Успѣете еще. Тутъ же гораздо уютнѣе. Ну, на минутку.

Миша въ недоумѣніи сѣлъ.

— Вотъ, смотрю я на васъ, на молодежь, — сокрушенно мудрымъ, совершенно не шедшимъ къ нему тономъ заговорилъ Габлукъ. — Смотрю и думаю: почему они тратятъ деньги на рестораны, вмѣсто того, чтобы ихъ зарабатывать на этомъ же ресторанѣ, ха?

— Ничего не понимаю, — честно признался Миша. — Почему вдругъ такое отеческое попеченіе?

— Ну такъ я скажу проще, — тономъ добраго малаго продолжалъ Габлукъ. — Я скажу такъ: «Ресторанъ на полномъ ходу ищетъ компаньона». Ха? Что вы на это скажете?

— Да мнѣ-то какое дѣло?

— Какъ какое дѣло? — почти съ негодованіемъ воскликнулъ Габлукъ. — Почему вы можете тратить деньги на ерунду, а не можете положить ихъ въ дѣло?

Въ эту минуту съ блаженно удивленнымъ видомъ быстро скатился по лѣстницѣ владѣлецъ сѣрой головы.

— Кліенты, — громкимъ шопотомъ просвистѣлъ онъ. — Пятеро! Повидимому — англичане!

— Врете! — радостно удивился Габлукъ. И тотчасъ вскочилъ.

Миша, опередивъ его, бросился къ лѣстницѣ.

— Заплатилъ? — спросилъ онъ Костю. — Бѣжимъ скорѣе!

«Англичане» съ недоумѣніемъ озирались и что то говорили вполголоса.

Миша ясно разслышалъ:

— Это чортъ знаетъ что такое!

Или можетъ быть это ему показалось?

Международное общество

«Международное Общество» — это, неправда ли, наводитъ на мысль о спальныхъ вагонахъ? Но рѣчь идетъ совсѣмъ не о спальныхъ вагонахъ, хотя нѣчто общее и можно было бы найти. Напримѣръ, уснуть тамъ могли бы далеко не всѣ, а только люди привычные. Но не будемъ на этомъ останавливаться.

О международномъ обществѣ, которое я имѣю въ виду, заговорила первая мадамъ Ливонъ. Это ея идея.

— Довольно намъ вариться въ своемъ соку! — сказала она. — Вѣдь все то же самое и тѣ же самые. Пора, наконецъ, вспомнить, что мы живемъ въ Парижѣ, въ международномъ центрѣ. Зачѣмъ намъ киснуть въ этомъ заколдованномъ кругу, въ этомъ эмигрантскомъ гетто, когда мы можемъ освѣжить свой кругъ знакомства съ новыми, можетъ быть чрезвычайно интересными, съ даже полезными людьми. Такъ почему же намъ этого не сдѣлать? Кто намъ мѣшаетъ? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никто не мѣшаетъ. Я великолѣпно владѣю французскимъ языкомъ, мужъ знаетъ

немного по-англiйски, овладѣть испанскимъ — это уже сущiе пустяки.

Такъ начался международный салонъ мадамъ Ливонъ.

То-есть, это была мысль о немъ, зерно, всунутое въ плодородную почву и быстро давшее ростокъ.

Почвой этой оказался двоюродный бо-фреръ самого Ливона — Сеничка. Сеничка зналъ весь мiръ и для него ровно ничего не стоило собрать желаемое общество.

Ознакомившись съ идеей мадамъ Ливонъ, онъ немедленно потребовалъ карандашъ и бумагу и сталъ набрасывать планъ. Планъ отчасти по системѣ патрiарха Ноя.

— Англичанъ, скажемъ, два. Довольно? Американцевъ тоже два. Французовъ надо подсыпать побольше. Ихъ раздобыть легче. Шесть французовъ. Три самца и три самки. Испанцевъ... сколько испанцевъ? А?

Считали, записывали.

— Экзотическiй элементъ тоже долженъ быть представленъ. Какiе нибудь креолы, таитяне, — вставила мадамъ Ливонъ.

— Можно и таитянъ. Это вамъ не Дубосары. Здѣсь кого угодно можно найти. Хотите полинезiйца? Я знаю одного журналиста полинезiйца.

— Ну что же, отлично. Нужно все таки человѣкъ сорокъ. Моя квартира позволяетъ.

— Полинезіецъ, навѣрное, сможетъ притянуть массу своихъ. Съ сосѣднихъ острововъ, Канарскихъ, Болеарскихъ, Замбезе-Ліамбей или какъ ихъ тамъ. Тутъ въ Парижѣ ими хоть прудъ пруди.

— Итальянцевъ надо.

— Ну, конечно. Только, видишь ли, европейцевъ надо выбирать какихъ нибудь значительныхъ, знаменитыхъ. Либо писателей, либо артистовъ, а то кому они нужны. Тогда какъ отъ человѣка изъ Замбезе ничего не требуется. Онъ уже потому хорошъ, что экзотиченъ. Ну, а если онъ при этомъ можетъ еще что нибудь спѣть — такъ тогда дальше и итти некуда. Это былъ бы блестящій номеръ. Эдакій какой нибудь канареецъ прямо съ острова и вдругъ поетъ свое родное, канарское. Или съ Суэцкаго канала и исполнитъ что нибудь канальское.

— Ну, а кого же изъ французовъ? — размечталась мадамъ Ливонъ. — Хорошо бы Эрріо, какъ политическую фигуру. Потомъ можно артистовъ. Сашу Гитри, Мистангеттъ, Мориса Шевалье, нѣсколько кинематографическихъ — Бригитту Хельмъ, Адольфа Манжу, если они не въ Холливудѣ. Приглашенія, во всякомъ случаѣ, пошлемъ, а тамъ видно будетъ.

— Жалко, что умеръ Бріанъ, — сказалъ Сеничка.

— А что?

— Какъ что? Такой популярный человѣкъ могъ бы привлечь интересную публику.

— Ну ничего. Будемъ базироваться на арти-

стахъ. Теперь составимъ текстъ приглашеній и закажемъ билеты.

Намѣтили день, тщательно выбравъ такой, когда не было бы ни пріема въ какомъ нибудь посольствѣ, ни какого нибудь особо интереснаго концерта, ничего такого, что могло бы отвлечь интересную публику.

— Ну, конечно. А какъ по твоему, можно, чтобы Саша Гитри что нибудь разыгралъ? Напримѣръ, вмѣстѣ съ Мистангеттъ. Это было бы оригинально.

— Шаляпина бы залучить. Покойную Анну Павлову.

— Ахъ, нѣтъ, только не русскихъ, надоѣло.

***

Дѣло быстро налаживалось.

Назначили день, разослали приглашенія.

«Первое международное общество любви къ искусству проситъ васъ оказать честь и т. д.».

На сиреневомъ картонѣ.

Заказаны сандвичи и птифуры. Приглашенъ лакей Михайло, хотя и русскій (онъ вѣдь не гость, не все ли равно), но говорящій по-французски не хуже парижанина и вдобавокъ очень вѣжливый — такихъ среди французовъ даже и не найти. Говоритъ «вуй-съ» и «нон-съ». Это рѣдкость.

Насчетъ испанскаго языка дѣло не вышло. Въ хлопотахъ не успѣли имъ овладѣть. А насчетъ англійскаго обнаружилось нѣчто загадоч-

ное. Ливонъ на прямой вопросъ бо-фрера Сенички слегка покраснѣлъ и отвѣтилъ:

— Конечно, научнаго диспута я поддерживать на этомъ языкѣ не берусь, но объясниться въ границахъ свѣтскаго обихода всегда могу.

Но бо-фреръ Сеничка этимъ не удовольствовался и попросилъ сказать хоть нѣсколько словъ.

— Я могу сказать, — пробормоталъ Ливонъ, — я могу, напримѣръ, сказать «хоу ду ю ду».

— А потомъ что?

— А потомъ уйду. Я хозяинъ. Мало ли у меня дѣла. Поздоровался съ гостями, да и пошелъ.

— Ну, ладно, — согласился Сеничка. — Бери на себя англичанъ. Съ островитянами я расправлюсь самъ.

Насталъ вечеръ.

Скрытыя отъ взоровъ лампы разливали томный свѣтъ. Тонкое благоуханіе сандвичей и сдобной булки наполняло воздухъ. Грамофонъ плакалъ гавайскими гитарами.

Хозяйка, нарядная и взволнованная, улыбалась международной свѣтской улыбкой.

Между прочимъ, здѣсь кстати будетъ отмѣтить свойства свѣтской улыбки. Это отнюдь не обыкновенная человѣческая улыбка. Эта улыбка достигается распяливаніемъ рта со сжатыми губами и совершенно серьезными и даже строгими глазами. Улыбка эта говоритъ не о радости или удовольствіи, какъ обыкновенная человѣческая улыбка. Она говоритъ просто: «Я —

человѣкъ воспитанный, и знаю, какую именно рожу надо корчить передъ гостями свѣтскому человѣку».

Одни только японцы не умѣютъ распяливать рта по свѣтски и изображаютъ искреннюю улыбку и даже смѣхъ, что придаетъ имъ откровенно идіотскій видъ.

Мадамъ Ливонъ усвоила европейскую технику и встрѣчала гостей свѣтской улыбкой.

Первымъ пришелъ господинъ густо испанскаго типа и молча тряхнулъ руку хозяину и хозяйкѣ.

— Enchantée! — сказала хозяйка.

— Хабла, хабла! — крикнулъ хозяинъ и тотчасъ повернулся и убѣжалъ, дѣлая видъ, что его позвали.

Испанецъ вошелъ въ гостиную, потянулъ носомъ и, поймавъ струи сандвичей, пошелъ къ буфету.

Вторымъ пришелъ господинъ англійскаго типа.

— Хау ду ю ду? — воскликнулъ хозяинъ и убѣжалъ, дѣлая видъ, что его позвали.

Словомъ, все пошло, какъ по маслу.

Англичанинъ вошелъ, оглянулся, увидѣлъ фигуру у буфета и молча къ ней присоединился.

Затѣмъ прибѣжалъ бо-фреръ Сеничка и привелъ съ собой корейскаго журналиста съ женой, бразильянца съ сестрой, норвежца и итальянца. Потомъ пришли три англичанки, и никто не зналъ, кто, собственно говоря, ихъ пригласилъ. Англичанки были старыя, но очень веселыя, бѣ-

гали по всѣмъ комнатамъ, потомъ попросили у лакея Михайлы перо и сѣли писать открытки друзьямъ.

Сеничка суетился и старался внести оживленіе. Но гости выстроились въ рядъ около буфета и молча ѣли. Точно лошади въ стойлѣ.

Пришла подруга хозяйки, Лизочка Бровкина.

— Ну что? Какъ? — спросила она.

— Enchantée! — тонно отвѣтила мадамъ Ливонъ, и прошипѣла шопотомъ:

— Умоляю не говорить по-русски.

— Ахъ! — спохватилась Лизочка. — Et moi aussi enchantée, avec plaisir.

И плавно пошла въ гостиную.

— Мосье! — свѣтски улыбаясь, сказала м-мъ Ливонъ Сеничкѣ и отвела его въ сторону.

— Ке феръ съ ними? Ради Бога! Ну, пока они еще ѣдятъ, а потомъ что? И почему не ѣдутъ артисты и государственные люди?

— Подожди. Надо же ихъ перезнакомить. Вотъ, смотри, кто то еще пришелъ. Подойди къ нему и знакомь.

Новый представился. Онъ — японскій художникъ Ніо-Лава. Хозяйка подвела его къ столу и, не давая времени схватить сдобную булку, на которую тотъ было нацѣлился, стала его знакомить. И вдругъ, произошло нѣчто странное. Произошло то, что испанскій журналистъ, тотъ самый, которому хозяинъ сказалъ «хабла», взглянувъ на японца, уронилъ вилку и громко воскликнулъ:

— Оська! Ты какъ сюда попалъ?

— Неужели Моня Шперумфель? — обрадовался японецъ. — А гдѣ же Раичка?

Хозяйка старалась нервнымъ смѣхомъ заглушить эту неумѣстную бесѣду.

Въ это время громкое «хоу ду ю ду» — заставило ее обернуться. Это самъ Ливонъ ввелъ новую гостью.

— Американская поэтесса, — шепнулъ Сеничка. — Я самъ ее пригласилъ. Пишетъ во всѣхъ нью-іоркскихъ журналахъ. Мадамъ! Enchantée.

— Enchantée! — зафинтила хозяйка. — Перметэ муа...

Но гостья, толстая, красная, скверно одѣтая, уставилась куда то и, казалось, ничего не слышала. Хозяева и Сеничка смущенно прослѣдили ее взглядъ и съ ужасомъ убѣдились, что уставилась она на лакея Михайлу.

— Господи! Что же это?

— Мишка! — закричала американка. — Михаилъ Андреевичъ! Да ты ли это?

— Вуй-съ! — завопилъ Михайло и брякнулъ объ полъ подносъ.

— Простите, — сказала американка по-англійски. — Это мой первый мужъ. Теперь я за американцемъ.

И обратясь снова къ Михайлѣ, крикнула:

— Да иди же сюда. Садись, поболтаемъ.

Подхватила его подъ руку и потащила на диванъ.

— Какой кошмаръ! Какой кошмаръ! — шептала хозяйка, сохраняя на лицѣ судорожную свѣтскую улыбку.

И вдругъ отрадный голосъ Сенички возгласилъ:

— Мосье Джумада де Комбоджи шантра ле шансонъ де сонъ пеи.

Очень смуглый господинъ подошелъ къ роялю, сѣлъ, сыгралъ прелюдію, тряхнулъ головой:

— «Вдо-оль да по рѣчкѣ,
Вдоль да по Казанкѣ
Сѣрый селезень плыветъ!»

— Что это — сонъ? — шепчетъ мадамъ Ливонъ.

Нѣтъ, не сонъ. Выговариваетъ такъ отчетливо. Это не сонъ, это ужасъ. Голова кружится... туманъ... А это что? Одна изъ старыхъ англичанокъ съ бразиліанской сестрой замахала платочкомъ и поплыла сѣрой утицей русскую, русскую...

— Сеничка! — шепчетъ мадамъ Ливонъ. — Сеничка! Я умираю...

Но Сеничка ничего не отвѣчаетъ. Онъ выпучилъ глаза и слушаетъ, какъ корейскій журналистъ, до сихъ поръ объяснявшійся только по-французски съ явно-корейскимъ акцентомъ, говоритъ ему:

— Я сразу вспомнилъ, что встрѣчался съ вами. Не бывали ли вы случайно въ Боровичахъ? У Костяковыхъ? А? Самъ то я костромичъ. А? Въ Боровичахъ не бывали? У насъ было лѣсное дѣло. А? Въ Боровичахъ?

Воровка

— Къ вамъ госпожа Канова, — доложила Антонина Ивановна съ обиженнымъ видомъ.

Она вообще, разговаривая съ хозяйкой, принимала обиженный видъ. Очевидно, считала это бонтоннымъ, или просто хотѣла напомнить, что, хотя и служитъ въ прислугахъ, но требуетъ не забывать ея благороднаго происхожденія.

— Ну такъ попросите же войти. Чего же вы глаза выпучили? — сказала Традова.

— Да она и такъ ужъ влѣзла и просить не надо, — отчеканила Антонина Ивановна, повернулась и пошла прочь.

— Какія выраженія! — возмущалась Традова. — И это называется прислуга! И это называется интеллигентная женщина!

Канова встрѣтила вышедшую къ ней хозяйку взрывомъ нѣжныхъ упрековъ.

— Дорогая! Этому прямо названія нѣтъ! Вы знаете, сколько времени мы не видѣлись? Три недѣли. Три не-дѣ-ли! Да, да! Я звонила тысячи разъ — никогда васъ нѣтъ дома.

— Когда вы звонили?

— Когда? Третьяго дня звонила, въ воскресенье звонила, еще какъ то звонила — у меня былъ бриджъ. Словомъ — каждый день и безъ конца. Что съ вами, наконецъ. Романъ, что ли? А?

— Хуже, — отвѣтила, понизивъ голосъ, хозяйка. — Гораздо хуже. Потомъ. Я пойду скажу этой подлечихѣ, чтобы подала чаю, а потомъ отошлю ее куда нибудь и можно будетъ поговорить. Вы прямо представить себѣ не можете... Ну, словомъ — потомъ.

Она встала и вышла изъ комнаты.

— Что за чудеса такія у нея творятся? И что такое у насъ, у старыхъ дуръ, можетъ быть хуже чѣмъ романъ? Въ бриджъ что ли продулась. Дѣла, однако, такія, что при прислугѣ говорить нельзя. Странно. Ужъ разсказала бы скорѣе.

Традова вернулась.

— Сейчасъ она подастъ намъ чай.

Потерла високъ, закрыла глаза и проговорила трагически:

— Кошмаръ!

— Марья Сергѣевна, голубчикъ, да что же у васъ, наконецъ? — участливо спросила Канова. — Вы меня прямо пугаете. У васъ какой то странный возбужденный видъ, щеки горятъ.

— Антонина Ивановна! — крикнула хозяйка, обернувшись къ двери. — Скоро ли вы?

Антонина Ивановна, полная достоинства, вплыла въ комнату съ подносомъ. На подносѣ стоялъ

чайникъ, сухари, сахарница и разнокалиберныя чашки.

— Что же вы такое притащили? — съ негодованіемъ воскликнула хозяйка. — Я же достала изъ буфета зеленыя чашечки, а вы принесли это безобразіе.

— А кто васъ разберетъ, когда и что вамъ требуется. Подашь зеленыя — зачѣмъ зеленыя, подашь эти — зачѣмъ не зеленыя.

— На все нужно соображеніе, — внушительно сказала хозяйка.

— Извините, — язвительно отвѣтила горничная. — Я на математическомъ факультетѣ не обучалась.

— Слышали вы что нибудь подобное? — довольно добродушно и какъ бы даже хвастаясь, обратилась хозяйка къ гостьѣ. — Ну, ладно, — сказала она Антонинѣ Ивановнѣ. — Принесите другія чашки и идите за водопроводчикомъ и непремѣнно дождитесь его, какъ я вамъ сказала.

Антонина Ивановна обиженно раздула ноздри и вышла.

Представьте себѣ верблюда съ завитой челочкой, въ муслиновомъ воротничкѣ. Вотъ на такого верблюда изумительно была похожа эта Антонина Ивановна. Можетъ быть, отсюда и получался обиженный видъ, отъ этой длинной закругленной верблюжьей губы. Но въ общемъ, для женщины среднихъ лѣтъ это было даже не очень скверно.

— Я ее нарочно послала за водопроводчикомъ, потому что раздобыть этого бездѣльника не такъ то скоро, — сказала Традова вполголоса.

Дверь щелкнула.

— Ну теперь, наконецъ, поговоримъ — съ нетерпѣніемъ сказала Канова.

— Подождите.

Традова подошла къ окошку и, высунувшись, долго смотрѣла внизъ.

— Ушла! — сказала она, наконецъ. — Ну вотъ, теперь слушайте. Вы видѣли эту бабу? Дерзка, нагла до послѣдней степени. Интеллигентка! Говоритъ «инциндентъ, константировать, и переструбаціи». Грязна! На головѣ букольки, а посмотрѣли бы вы на ея шею. Вообще имѣть у себя въ домѣ такое сокровище, это вѣрный способъ нажить неврастенію.

— Такъ гоните ее вонъ! Чего же вы думаете?

— И, конечно, давно прогнала бы, но тутъ, видите ли, совсѣмъ особое обстоятельство.

Она встала, вышла въ переднюю, пріоткрыла дверь на лѣстницу, посмотрѣла вверхъ, внизъ, захлопнула дверь и, видимо, успокоенная, вернулась на свое мѣсто.

— Она способна подслушивать, — пробормотала она. — Ну такъ вотъ. Я давно бы ее прогнала, но недавно сдѣлала я одно открытіе: представьте себѣ — она воровка!

— Да что вы!

— Воровка! — съ торжествомъ повторила Традова. — Что вы на это скажете?

— Ну это ужъ, знаете ли... Это прямо... Вѣдь она, кажется, дочь пристава, или что то въ этомъ родѣ.

— Никакой приставъ тутъ не помогъ. Воровка.

— Такъ чего же вы ее держите, не понимаю.

— И какая хитрая! Вы прямо ахнете. Вотъ недавно стащила она у меня перчатки. Такъ вѣдь не прямо стянула, какъ вообще крадутъ. Нѣтъ. Она сначала припрятала одну. И вдобавокъ — подумайте, какъ хитро! — съ правой руки, которая вообще чаще теряется. Ну я поискала, поискала, она сама мнѣ даже очень охотно помогала, лазила подъ диванъ. Хотя, пожалуй, какъ я теперь понимаю, какъ то подозрительно усердно. Даже глупо. Отодвигала буфетъ. Ну какъ можетъ перчатка попасть подъ буфетъ. Смотрѣла за картинами на стѣнѣ. Ну, конечно, перчатка не нашлась. Я рѣшила, что потеряла ее на улицѣ, перестала искать и, конечно, оставшуюся перчатку выбросила. А ей, нашей голубушкѣ, чертовкѣ, Антонинѣ Ивановнѣ, того только и нужно. Черезъ недѣлю встрѣчаю ее на улицѣ — она не ожидала — смотрю обѣ мои перчатки у нея на лапахъ. Какъ вамъ нравится? Вѣдь какова хитрость? Прямо какой то Мефистофель паршивый.

— Такъ надо же гна-ать!

— Нѣтъ, вы слушайте дальше! — волновалась хозяйка. — Купила я три пары шелковыхъ чулокъ, всѣ три одинаковыя. Это обстоятельство важное, замѣтьте. Одну пару ношу, двѣ

лежатъ въ шкапу. А шкапъ я часто забываю закрывать. Ну-съ, вотъ какъ то смотрю я, въ шкапу только одна пара. Гдѣ другая? Ищу, ищу — нѣту. Куда она могла дѣваться? Спрашиваю дурынду. Она дѣлаетъ козлиные глаза — полная невинность. — Ну, — думаю, — хорошо же. И послала ее въ магазинъ подобрать шелкъ по образчику. Это часа на три, потому что образчикъ стиранный и ни за что къ нему ничего не подберутъ. Я тоже не дура. Ну-съ вотъ, какъ только она уплыла, я сейчасъ же въ ея комнату. Тамъ у нея чемоданъ. Чемоданъ, какъ у всѣхъ воровокъ, конечно, на замкѣ. Тѣмъ лучше, значитъ, что то прячетъ. Я взяла связку ключей и живо подобрала. Открываю — и первое, что я вижу, мой кружевной пластрончикъ, два моихъ носовыхъ платка, новыхъ, голубенькихъ, съ монограммой, серебряный карандашъ — я даже не замѣтила, что онъ пропалъ — и, конечно, эти самые злосчастные чулки. Такъ и лежатъ еще не надѣванные. Какъ вамъ нравится? Я хотѣла было еще порыться, но такъ ужасно колотилось сердце, что боялась — упаду въ обморокъ. Ну, я, значитъ, отобрала всѣ свои вещи, все остальное аккуратно сложила какъ было, заперла чемоданъ. Потомъ рѣшила — спрячу я эти вещи, чтобы она не знала, что я ихъ нашла, и посмотрю, что будетъ. А куда спрятать? Можно было бы къ вамъ, да я тогда не догадалась. Волновалась ужасно. Ну и придумала такую штуку — видите эту большую лампу? У нея верхушка непрочно сидѣла, вѣчно отваливалась.

Такъ я ее совсѣмъ отодрала, засунула вещи внутрь и потомъ верхушку прочно-прочно приклеила. Но до чего у меня билось сердце! Но теперь ни за что не найдетъ. Ха-ха-ха! Дня черезъ два она, очевидно, полѣзла въ свой чемоданъ. Можете себѣ представить ея удивленіе! Я сразу замѣтила. Она стала такая заду-умчивая, задумчивая. Остановится, уставится на меня и смотритъ-смотритъ. А я — ни въ одномъ глазу. Хожу, напѣваю. Съ ней какъ всегда. Ни въ чемъ меня не заподозришь. Дала ей поуспокоиться дней десять. Потомъ, думаю, не пора ли понавѣдаться. Нѣтъ ли чего новенькаго. Услала ее подальше и — шасть къ чемодану. Ну, на этотъ разъ ничего не нашла, только въ бумажкѣ немножко моей пудры. Очевидно, думаю, боится. Не понимаетъ въ чемъ дѣло, однако, боится. Надо еще обождать.

Ключъ, который я подобрала, я со связки сняла и ношу всегда въ кошелькѣ, потому что она — вѣдь воровка, она хитрая, — она потихоньку мои ключи перепробуетъ и какъ увидитъ, что ея чемоданъ можно открыть, такъ сразу и пойметъ, что я тутъ побывала. И тогда ужъ никогда своихъ вещей не найдешь. Либо совсѣмъ воровать перестанетъ.

— Ну такъ это и хорошо, если перестанетъ, — замѣтила гостья.

— Ну, знаете ли, я вовсе не ставлю себѣ задачей исправлять ея пороки! — почему то обидѣлась Традова.

Обѣ нѣсколько мгновеній глупо смотрѣли другъ на друга. Одна удивлялась, что другая такъ страстно говоритъ, а другая удивлялась, что «ее не понимаютъ».

Наконецъ, хозяйка сморгнула съ глазъ свое удивленіе, и, снова оживившись, продолжала разсказывать:

— Ну, значитъ, еще разокъ заглянула я къ ней и опять ничего. Это меня, признаюсь, удивило. Только смотрю, стоитъ у нея старенькая картонная коробочка, перевязанная веревкой. А ну-ка, думаю, ужъ не собирается ли она меня перехитрить. Загляну-ка я сюда, разъ время еще есть. Развязываю осторожненько, чтобы потомъ опять такъ же завязать и, можете себѣ представить, нахожу свой бинокль, — но это еще пустяки, — а кромѣ бинокля вижу кое что получше — прелестную миніатюрку на слоновой кости въ очаровательной рамкѣ изъ настоящей черепахи. Она, дуреха, конечно, и не понимаетъ всей цѣнности этой вещицы. И тутъ же завернутые въ бумагу два чудныхъ платочка ручного кружева пуанъ де Венизъ. Подумайте только! Это она вѣрно тамъ стащила, у кого до меня жила. Ну такая прелесть, такая прелесть. Я вамъ сейчасъ покажу.

Она быстро шмыгнула въ свою спальню, погремѣла ключами, и, воровато оглядываясь и прислушиваясь, принесла какую то сумку.

— Вотъ, я пока все это сюда... Вотъ смотрите. Правда прелесть!

Гостья испуганно смотрѣла на миніатюру, на платочки. Все было такъ странно. Веселые лукавые глаза старой пріятельницы, какіе она никогда у нея не видала, и эти изящныя вещи, и все такъ жутко и интересно.

— Что же теперь будетъ? — въ недоумѣніи спросила она.

— Я еще пошарю, — счастливымъ шопотомъ, задыхаясь, сказала Традова. — У нея тамъ еще какая-то шкатулка...

— Слушайте, это вамъ вредно, — вдругъ дѣловито замѣтила гостья. — Вотъ вы какъ дышите. Въ вашемъ возрастѣ...

— Пустяки, — перебила ее хозяйка. — Мой отецъ ходилъ на охоту восьмидесяти лѣтъ отъ роду.

— Такъ вѣдь то охота, а это, это, ужъ и не знаю, какъ назвать. А что вы будете съ этими вещами дѣлать? — невольно переходя тоже на шопотъ спросила она.

— Дорогая! — страшно выразительно заговорила Традова. — Дорогая! Во первыхъ — одинъ изъ этихъ платочковъ — вашъ. Да, да, да, я сразу такъ рѣшила. Не спорьте, не спорьте. А во вторыхъ, умоляю васъ, спрячьте ихъ пока что у себя. И миніатюрку. Вѣдь она — воровка, за нее поручиться нельзя. Она подберетъ ключи, или взломаетъ замокъ — почемъ мы знаемъ?

— Но какъ же такъ, — слабо защищалась гостья. — Я боюсь. Это все таки краденыя вещи. Я ужъ право не знаю...

— Дорогая! Вотъ именно — краденыя. Не оставлять же ихъ у воровки! Пусть лучше пользуются ими порядочные люди. Вы выберите платочекъ, одинъ тутъ потоньше.

— Какъ у меня руки дрожатъ! Но въ концѣ концовъ вы ее все таки прогоните?

— Ну, конечно. Держать въ домѣ такую... Дочь пристава и такъ опуститься! Такое паденiе! Берите прямо съ сумкой.

— Ну спасибо. Ха-ха — вотъ такъ исторiя!

Благородный жестъ

Разбирая бумаги въ письменномъ столѣ, Керзель нашелъ пачку старыхъ писемъ, — когда то старательно имъ сложенныхъ. Это все были письма отъ милаго стараго друга, два года тому назадъ умершаго на югѣ Франціи, отъ Сережи Тавурова.

Дружбу ихъ, дѣйствительно, можно было назвать старой.

Началась она лѣтъ тридцать пять тому назадъ, еще на школьной скамьѣ, и такъ и не прекращалась, несмотря на то, что друзья разставались иногда на долгіе годы.

Такъ, въ отсутствіе Керзеля Тавуровъ женился на какой-то помѣщичьей дочкѣ, которую Керзель потомъ видѣлъ всего раза два, мелькомъ. Запомнилъ только, что зовутъ ее Нина Ивановна, и что дѣвичья фамилія ея — довольно удивительная — была Самопей. Фамилію эту онъ запомнилъ еще и потому, что она какъ то очень шла къ ея носительницѣ. Рожденная Самопей была маленькая, пухленькая, съ обиженными губками, со вздернутымъ, однако, остренькимъ носикомъ,

чуть чуть свернутымъ на бокъ. Вотъ къ этому носику, особенно какъ то шло, что онъ Самопей. Волосы Нина Ивановна взбивала надо лбомъ мелкими кудряшками и шла на человѣка бюстомъ впередъ.

Послѣ революціи Тавуровы переѣхали на югъ Франціи, гдѣ жили по деревенски. Керзель къ нимъ не ѣздилъ, но вызывалъ Сережу на свиданіе или въ Ниццу, или въ Монте Карло, и тотъ всегда съ радостью пріѣзжалъ.

Отъ него Керзель узналъ, что дѣлишки ихъ плохи и что у нихъ взрослая дочка, которая, къ счастью, успѣла быстро выйти замужъ и уѣхала съ мужемъ въ Калифорнію.

Но житейскихъ дѣлъ, какъ въ разговорахъ, такъ и въ письмахъ, друзья касались рѣдко, и какъ то вскользь. Зато горячо говорили о прочитанныхъ книгахъ, о литературѣ, философіи, и, главное, объ искусствѣ, которымъ оба интересовались.

Керзель чувствовалъ, что своей семейной жизнью другъ его повидимому удовлетворенъ и ни о чемъ его не разспрашивалъ, отчасти потому, что его абсолютно не интересовала фигура рожденной Самопей, отчасти же потому, что не хотѣлось вызывать друга на такой же интересъ къ его собственной интимной жизни, о которой онъ, какъ человѣкъ холостой, но никогда не одинокій, распространяться не любилъ.

Извѣстіе о смерти Тавурова застало Керзеля въ далекихъ краяхъ, въ Южной Америкѣ, куда его вызвали по дѣлу.

Онъ очень опечалился, послалъ вдовѣ теплое письмо, на которое получилъ длинный, очень его растрогавшій, отвѣтъ. На разстояніи рожденная Самопей, можетъ быть, именно потому, что онъ ее не видѣлъ, показалась ему вполнѣ пріемлемой особой.

Вернувшись въ Парижъ, онъ узналъ, что вдова Сережи Тавурова тоже сейчасъ живетъ въ Парижѣ, очень нуждается, что то вяжетъ на продажу и живетъ только подачками замужней своей дочери.

Ему стало жаль ее.

— Все таки, Сережа былъ съ нею счастливъ. Можетъ быть я что нибудь проглядѣлъ. Я слишкомъ склоненъ къ насмѣшливости. Это мелко. Помнится, Сережа говорилъ о ея золотомъ сердцѣ и чуткой женской душѣ. Да, очевидно, я проглядѣлъ.

И долго думалъ о «маскахъ души». Какъ ужасно, что судьба сама распоряжается выборомъ сосуда, въ который наливаетъ вино жизни — душу.

— Я прогналъ бы метръ д'отеля, который сервировалъ бы мнѣ мой любимый Шамбертенъ въ старой вагонной пепельницѣ. Я бы его не могъ пить изъ старой вагонной пепельницы. Я бы даже не повѣрилъ, что въ нее налитъ Шамбертенъ. Какъ же я могу вѣрить въ чуткость и нѣжность души, когда ее засунули въ тѣло этой Самопей.

Когда же онъ нашелъ въ столѣ старыя Сережины письма, и въ одномъ изъ нихъ прочелъ:

«Ниночка тебѣ кланяется. Она любитъ тебя вмѣстѣ со мной и письма твои уноситъ читать въ садъ, чтобы никто не мѣшалъ ей какъ слѣдуетъ вникнуть», онъ растрогался отъ этой фразы и рѣшилъ непремѣнно повидать Сережину вдову.

А тутъ какъ разъ подвернулся общій знакомый, который встрѣчался съ Ниной Ивановной и даже зналъ ея адресъ.

— Она связала женѣ какую то кофту и, кажется, прескверно, — сказалъ этотъ общій знакомый. — Въ сущности, она милая женщина, немножко провинціальна, но это вѣдь не такъ важно. И, главное, очень нуждается.

Керзель записалъ адресъ Тавуровой и рѣшилъ непремѣнно къ ней пойти. Кстати разспросить о послѣднихъ минутахъ Сережи.

Но, главное, его почему то умилило, что Тавурова скверно связала кофту. Бѣдненькая! Она вѣдь, все таки, не привыкла къ такой жизни. И вотъ бьется!

И пришло ему въ голову, что хорошо бы было устроить ихъ встрѣчу какъ нибудь особенно радостно. Дать ей отдохнуть хоть какихъ нибудь два часа въ красивой нарядной обстановкѣ, чтобы она потомъ вспоминала объ этой встрѣчѣ дѣйствительно какъ о праздникѣ.

Надумалъ такъ: заѣхать за ней въ автомобилѣ и повезти завтракать въ хорошій загородный ресторанъ. Это будетъ отлично. Это будетъ благородный жестъ.

Написалъ ей и получилъ отвѣтъ, что она будетъ его ждать въ назначенное имъ время.

Жила она въ Бійанкурѣ, гдѣ прохожіе оборачиваются на нарядный собственный автомобиль и смотрятъ ему вслѣдъ.

Тавурова ждала его на крыльцѣ своего дома.

— Это я для того, чтобы вамъ не подыматься, — объяснила она. — Шестой этажъ. Въ ваши годы это не полезно. Куда же мы съ вами закатимся? Въ Парижѣ много русскихъ ресторанчиковъ, гдѣ кормятъ недурно и не дерутъ шкуру. И, главное, все на маслѣ, такъ что вы ничѣмъ не рискуете.

Она говорила, не переставая, такъ что онъ только жестомъ смогъ пригласить ее занять мѣсто въ автомобилѣ. Пока она усаживалась, онъ украдкой, боясь ее смутить, разглядывалъ ея внѣшность.

Она очень постарѣла, но была все такая же кругленькая и также шла на человѣка бюстомъ. Очень измѣнился ротъ, въ которомъ верхніе зубы собрались какъ то всѣ въ кучу, точно перевязанные какой то золотой проволокой, и были эти зубы всѣ разныхъ цвѣтовъ и разныхъ направленій — одинъ вправо, другой — влѣво, третій — впередъ.

Одѣта она была прескверно, что, впрочемъ, онъ и ожидалъ. Но почему шляпа была на затылкѣ. Этого вѣдь нельзя оправдать бѣдностью.

Туфли на ней были изъ сѣрой парусины, перчатки нитяныя и рваныя. Ихъ можно было бы зашить.

— И не глупо ли я дѣлаю, что везу ее въ дорогой ресторанъ, — мелькнуло у него въ головѣ.

Но онъ тутъ же осудилъ себя.

— Вѣдь хотѣлъ сдѣлать ей праздникъ. Конечно, она бѣдно одѣта, — ну, такъ тѣмъ болѣе.

Тавурова, между тѣмъ, очень небрежно развалилась на своемъ мѣстѣ и все продолжала говорить:

— Да, дорогой мой. Вы изрядно постарѣли. Вы вѣдь, насколько я помню, всегда были старше Сережи, не правда ли?

— Да ужъ если старше, то, конечно, всегда, — пробурчалъ Керзель.

— Но у Сережи была какая то юная моложавость, озарявшая смуглыя черты его лица.

— Чортъ ее знаетъ, какъ она говоритъ! — думалъ Керзель.

— Скажите, Керзель, — самымъ свѣтскимъ тономъ продолжала Нина Ивановна. — Вы любите природу? Я обожаю природу. Это у меня съ дѣтства. Я никогда не была богато одареннымъ ребенкомъ, но зато я всегда была богато одухотвореннымъ ребенкомъ. Скажите, Керзель, почему вы не живете въ деревнѣ?

— Зачѣмъ же мнѣ жить въ деревнѣ? — съ искусственной любезностью спросилъ Керзель.

— Это вамъ, во первыхъ, полезно для здоровья, — говорила она, покрывая его отвѣтъ. — Во вторыхъ, это дало бы вамъ столько вдохновенья. Восходъ солнца. Я сплю съ раскрытымъ окномъ и когда я слышу утромъ хоръ птичекъ,

привѣтствующій восходъ свѣтила, я прямо плачу отъ умиленія.

— Ну вотъ мы и пріѣхали, — сказалъ Керзель, затормозивъ около ресторана. — Идемте.

Нина Ивановна оглядѣла залу довольно надменно.

— Это, кажется, хорошій ресторанъ, — рѣшила она.

— Голубушка! — воскликнулъ Керзель. — Да это одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ!

— Ну да, — спокойно сказала она, — такъ что ужъ навѣрное все готовятъ на маслѣ.

Керзель заказалъ завтракъ.

— Скажите, Керзель, — продолжала бесѣду Нина Ивановна. — А если бы вамъ купить коттэджъ гдѣ нибудь въ глухой провинціи? Вѣдь это было бы очень для васъ полезно?

— Дорогая Нина Ивановна, — отвѣчалъ онъ. — Я долженъ жить въ Парижѣ, у меня дѣла.

— Для дѣлъ вы могли бы изрѣдка пріѣзжать.

— Мои дѣла требуютъ постояннаго моего присутствія.

— Да, но вѣдь надо подумать и о здоровьѣ.

— Не правда-ли, какъ чудесно приготовленъ этотъ омаръ? — перемѣнилъ Керзель нудную тему. — Вы знаете, чтобы такъ приготовить, нужно брать непремѣнно живого омара.

— Да, да, — поспѣшила прервать его Нина Ивановна. — На свѣтѣ много жестокости. А скажите, Керзель, вы вообще любите коттэджи? Вамъ случалось жить въ коттэджахъ?

— Да, кажется, случалось, право не помню.

— У меня былъ одинъ знакомый, очень элегантный, высокаго роста, и, знаете, онъ купилъ себѣ въ разсрочку небольшой коттэджъ, гдѣ то въ Провансѣ, женился на чистой свѣжей дѣвушкѣ и счастливъ своимъ простымъ тихимъ маленькимъ, но глубокимъ счастьемъ.

— Ну, такъ этотъ вашъ господинъ высокаго роста, вѣроятно, любитъ деревенскую жизнь. А я ее терпѣть не могу.

— Ну, такъ вы понемножку привыкнете.

— Посмотрите лучше, какъ метръ д'отель приготовляетъ для насъ утку. Это цѣлая наука. Видите, онъ сначала на огнѣ дѣлаетъ соусъ. Видите, онъ смѣшиваетъ сливочное масло съ виномъ, а изъ утки онъ подъ этимъ прессомъ сейчасъ выжметъ сокъ и потомъ...

— А, скажите, Керзель, — прервала, словно отмахнулась отъ него Тавурова. — Сколько бы вы могли ассигновать на покупку коттэджа.

— Ахъ, Господи, — скрипнулъ зубами Керзель, — дался вамъ этотъ коттэджъ. Ничего я не буду ассигновывать, потому что я не хочу уѣзжать изъ Парижа. Но довольно объ этомъ. А теперь, дорогая Нина Ивановна, разскажите мнѣ о бѣдномъ моемъ другѣ, о Сережѣ.

— О Сережѣ? — довольно равнодушно отвѣчала она. — Сережа меня боготворилъ. Весь міръ для него былъ сосредоточенъ во мнѣ.

Произнесла она эту фразу скороговоркой, точно торопилась отдѣлаться, и потомъ, мѣняя тонъ, перешла на бесѣду, которая ей интересна:

— Знаете, Керзель, вы только попробуйте представить себѣ скромный уютный англійскій коттэджъ, тонущій въ изумрудной зелени украинскихъ садовъ. Подъ окномъ день и ночь щебечутъ птички, какъ бы славя Творца, такъ мудро ихъ создавшаго. Вы смотрите на небо, гдѣ сверкаютъ восточныя звѣзды, и въ груди вашей — невольно рождается пѣснь.

«Еще минута, — мрачно подумалъ Керзель, — и... и все пропало. Пропала поѣздка съ ней въ автомобилѣ, и дорогой обѣдъ съ чудеснымъ виномъ, и вся моя любезность, и весь мой благородный жестъ, потому что я ее либо чѣмъ нибудь тресну, либо облаю самымъ непристойнымъ образомъ».

— Дорогая Нина Ивановна! — дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ и опустилъ глаза, чувствуя, какъ они наливаются бѣшенствомъ. — Дорогая Нина Ивановна. Что же вы не ѣдите вашу утку? Неправда ли хороша? Это называется — по руански. Здѣсь замѣчательно...

— Да, ничего себѣ, — перебила его Таврова. — А скажите, Керзель, вы все таки когда нибудь живали въ деревнѣ?

— Господи! — такъ и подпрыгнулъ Керзель.

— Навѣрное, все таки живали, хотя бы въ дѣтствѣ, — ничего не замѣчая, продолжала Таврова. — Такъ вотъ, скажите, вѣдь не могли же вы забыть пѣніе жаворонка при первыхъ лучахъ весенняго солнца?

«А вѣдь я ее тресну! — съ холоднымъ ужасомъ думалъ Керзель. — У меня всѣ пульсы бьются. Я схожу съ ума!».

— А скажите, Керзель, неужели вамъ никогда не приходило въ голову, что какой нибудь крошечный, но прелестный въ своей скромности, коттэджъ...

И тутъ произошло нѣчто дикое, о чемъ потомъ Керзель вспоминать не любилъ, нѣчто, вызвавшее необходимость двухмѣсячнаго санаторнаго лѣченія.

Хотя онъ почти не помнилъ, что именно было, но было такъ: съ нечеловѣческимъ воплемъ (одинъ изъ лакеевъ увѣрялъ, что такъ вопятъ только собаки, попавшія подъ трамвай) вскочилъ онъ со своего мѣста и, тряся въ воздухѣ сжатыми кулаками, заоралъ:

— Къ чоррրту! Пропадай все! Не могу-у-у! Addition! Счетъ! Не могу-у-у!

Потомъ вдругъ въ полномъ отчаяніи схватилъ Тавурову за руку и съ рыданіемъ въ голосѣ молилъ:

— Ради Бога, простите! Я боленъ. Сердечный припадокъ... Мнѣ совсѣмъ худо...

И опять весь напружился и затрясся и зашелся предсмертнымъ собачьимъ воплемъ.

Но Нина Ивановна неожиданно вдругъ вся просіяла и въ блаженномъ экстазѣ воскликнула:

— Боже мой! Какъ вы мнѣ сейчасъ напоминаете моего дорогого мужа, этого незабвеннаго Сережу. Онъ, навѣрное, теперь смотритъ на насъ съ небесъ. Ахъ, какъ я счастлива и удовлетворена!

День

Какъ это могло случиться?

Какъ могло случиться, что богатый, сытый американецъ, занимающій аппартаменты въ одномъ изъ лучшихъ отелей Парижа и оборванка Наталья Петровна въ мышиной норкѣ грязнаго бійанкурскаго отельчика, прожили совершенно одинаковый день по тому жизнеощущенію, которое они получили, ничего общаго другъ съ другомъ не имѣя. Мало того — ни одно событіе этого дня не было для нихъ общимъ, и не было похожимъ.

Одинъ жилъ богато, красиво, праздно.

Другая — бѣдная портнишка, сѣренькая, озабоченная, усталая, поскрипывала, какъ расшатанный стулъ.

Словомъ — ничего не было похожаго ни въ нихъ самихъ, ни въ ихъ жизни того дня, о которомъ идетъ рѣчь. А между тѣмъ жизнеощущеніе получили они совершенно одинаковое.

***

Въ это утро пробужденіе у мистера Боу было непріятное. Непріятное, потому что еще сквозь сонъ почувствовалъ онъ тревогу, самую изъ всѣхъ унижающую: получитъ ли онъ сегодня изъ Америки тѣ деньги, которыя ему нужны.

Его компаньонъ, человѣкъ очень достойный и честный, имѣлъ крупный недостатокъ для дѣловыхъ отношеній. Онъ былъ неаккуратенъ. А у мистера Боу какъ разъ были срочные платежи. И это уже не въ первый разъ, что онъ его подводитъ. Но ничего не подѣлаешь, надо ждать.

Чтобы разсѣять дурное настроеніе, лучше всего пойти завтракать къ Прюнье.

Въ это утро пробужденіе у Натальи Петровны было непріятное, потому что еще сквозь сонъ почувствовала она тревогу, самую изъ всѣхъ унижающую: получитъ ли она сегодня деньги, которыя обѣщала заказчица заплатить за передѣлку юбки еще на прошлой недѣлѣ.

Заказчица женщина приличная, но имѣла крупный недостатокъ — очень была неаккуратна. А у Натальи Петровны какъ разъ навернулись срочные платежи. За комнату плати, да въ лавченку давно надо хоть что нибудь всунуть, да за приkладъ въ мерсери не заплачено.

Въ этихъ тревожныхъ мысляхъ просуетилась Наталья Петровна все утро, потомъ, чтобы отвлечься и успокоиться, рѣшила сварить къ завтраку тыквенную кашу. Тыквенная каша теплая, сытная, вкусная. И недорого. И къ вечеру

останется, такъ что и съ ужиномъ хлопотать не придется. А о дѣлахъ лучше не думать. Ужъ не первый разъ ее эта заказчица подводила. Что подѣлаешь? Сварила кашу.

***

Мистеръ Боу любилъ покушать. Если бы не высокое давленіе и не запретъ докторовъ, онъ бы понесся вскачь вдоль по меню, почтительно представленному ему лакеемъ.

Конечно, нужно быть воздержаннымъ. Но вѣдь гораздо вреднѣе пребывать въ такомъ дурномъ настроеніи. Дурное настроеніе именно хуже всего дѣйствуетъ на артеріи. Какъ будто даже кто то изъ профессоровъ что то въ этомъ родѣ говорилъ. Поэтому закажемъ омара по американски и сивэ изъ зайца. Меню идіотское. Все съ перцемъ, все жжетъ, и ни одинъ гурманъ два такихъ блюда не закажетъ. Но разъ это можетъ доставить удовольствіе и, успокоивъ нервы, понизить давленіе — то значитъ и колебаться нечего.

Пить онъ будетъ тепленькій Шамбертенъ. Хорошее вино не можетъ причинить вреда, потому что, вообще, отъ хорошаго никогда не бываетъ дурного. Въ противномъ случаѣ самое понятіе добра и зла до того бы перепуталось, что всѣмъ философамъ пришлось бы подать въ отставку.

Мистеръ Боу ѣлъ, пилъ и раздирался двумя чувствами: удовольствіемъ отъ вкусной ѣды и недовольствомъ на совершаемую глупость.

— Если бы Анни была здѣсь, она бы не позволила.

Но добрая старая Анни уѣхала въ Лондонъ. И хорошо, что ея нѣтъ, и онъ можетъ полѣчить свое давленіе на свой ладъ.

Хорошо то хорошо, но чувство досады мѣшало этому хорошему.

— Какъ то будетъ потомъ?

* * *

Сварила Наталья Петровна тыквенную кашу круто, пополамъ съ пшеномъ. Подмаслила и сѣла ѣсть.

Ѣла и раздиралась двумя мыслями. Одна мысль — «надо бы оставить къ вечеру». Другая — «а ну его къ чорту. Ужъ и поѣсть вволю не смѣй, все впередъ загадывай».

Она доѣла кашу, съ большимъ удовольствіемъ, но съ удовольствіемъ, сильно испорченнымъ досадой на неблагоразумный поступокъ.

— Какъ то будетъ потомъ?

Послѣ завтрака мистеръ Боу рѣшилъ пройтись пѣшкомъ. Ему казалось, что моціонъ компенсируетъ неблагоразумное обжорство.

Дойдя до набережной, онъ остановился и, снявъ шляпу, подставилъ легкому вѣтерку свое разгоряченное лицо.

— Какъ хорошо!

***

Легкій душистый вѣтерокъ откуда то съ далекихъ полей, съ широкихъ морей несъ дивное вѣяніе, давно забытое, вѣяніе свободы и счастья.

— Боже, какъ хорошо!

Мистеръ Боу закрылъ глаза и съ закрытыми глазами увидѣлъ себя весело озабоченнымъ мальчишкой, мчащимся съ горы на велосипедѣ. У пояса брякаетъ жестянка для сбора растеній. Въ ней два толстыхъ буттерброда. За спиной торчитъ сѣтка для бабочекъ. Впереди цѣлый день свободы и счастья. Вѣтеръ свиститъ въ ушахъ. Сердце поетъ. Въ горлѣ пищитъ отъ радости. А-ахъ!

***

Послѣ завтрака Наталья Петровна сняла со стола скатеретку и, высунувшись въ окно, стряхнула крошки.

Видъ изъ окна, изъ шестого этажа, широкій. Вдали сизыя горы, синіе лѣса. Несетъ отъ нихъ душистымъ вѣтеркомъ, сильнымъ, но ласковымъ. Зажмурилась Наталья Петровна и кажется ей, будто она тамъ, въ Тамбовской своей губерніи, такая, какъ прежде, легкая, быстрая, бѣжитъ съ горки къ рѣкѣ купаться. Горушка обрасла соснами, ноги скользятъ по иголкамъ, духъ захватываетъ, вѣтеръ волосы чешетъ. А сверху кричитъ голосъ: «Наташка, бѣги, догоню. Наташка, бѣги, до-гоню!» Сердце поетъ! Въ горлѣ пищитъ. Отъ свободы, отъ счастья!

**
*

Вернувшись въ отель, мистеръ Боу узналъ, что его дважды вызывалъ къ телефону нѣкій дѣловой человѣкъ.

Это было очень непріятно. Это былъ плохой знакъ. Если не удалось продать пакетъ этихъ идіотскихъ акцій, положеніе получится довольно серьезное. Очень даже серьезное. Во всякомъ случаѣ, тогда уже никуда не удастся двинуться. Придется сидѣть въ Парижѣ и выжидать. А онъ обѣщалъ Анни везти ее черезъ двѣ недѣли въ Испанію. Да и самому ему хочется проѣхаться. Отправить Анни одну? Не поѣдетъ. И между прочимъ, вотъ уже два дня, что она не звонитъ ему изъ Лондона. Это плохой знакъ.

**
*

Наталья Петровна, вытряхнувъ скатеретку, прибралась и рѣшила, что пора итти къ заказчицѣ.

— А гдѣ же мой кошелекъ? Куда же я его сунула?

Стала искать кошелекъ.

Вѣдь не вытряхнула же его въ окно?

Въ кошелькѣ, однако, не шутка, восемь франковъ съ мелочью! Вѣдь что же это такое? Теперь какъ же она къ заказчицѣ попадетъ — заказчица у Гаръ дю Норъ. Значитъ черезъ весь Парижъ при пѣшкомъ. Да что же это за напасть! А въ воскресенье обѣщала Нюточкѣ по-

ѣхать съ ней въ Со Робинзонъ. Вотъ тебѣ и поѣхали. А если еще и заказчица не заплатитъ, тогда что тутъ заведешь. Какъ все не ладно пошло. А тутъ еще и котъ пропалъ. Два дня домой не приходитъ. Котъ старый, паршивый, никто на него не позарится. Да и надоѣлъ — ходи тутъ за нимъ. А все таки, чего же онъ не приходитъ? Это плохой знакъ.

**
*

Дѣловой человѣкъ позвонилъ снова.

Нѣтъ. Напрасныя тревоги. Все благополучно. Пакетъ проданъ. Анни старая дура. Сидитъ у сестры и играетъ въ бриджъ. Ну и пусть сидитъ. Тѣмъ лучше. Сегодня вечеромъ можно будетъ немножко встряхнуться. Ничто такъ не старитъ человѣка, какъ старая жена.

**
*

Кошелекъ нашелся. Завалился подъ столъ.

Ну вотъ, значитъ, не такъ ужъ все скверно.

И куда же это котъ дѣвался? Да пропади онъ пропадомъ. На что онъ ей задался. У другихъ вонъ всякія собачки хорошенькія, это еще можно понять. Такую собачку просто любить. Шерстка у нея шелковистая, душа преданная. А что отъ кота, какая радость? Поѣлъ да заснулъ. Ну его совсѣмъ.

Пошла къ заказчицѣ. Сказала, что такъ молъ и такъ, заказана ей блузочка изъ ея матеріала,

очень выгодный заказъ и срочный, а денегъ на покупку нѣтъ, такъ вотъ и рѣшилась побезпокоить. Очень все гладко вышло. Заказчица повѣрила, заплатила и даже извинилась.

Домой шла Наталья Петровна въ очень пріятномъ настроеніи. Шла, улыбалась.

Почти у самаго дома встрѣтился какой то прохожій, заглянулъ ей въ лицо, да какъ заоретъ по-русски:

— Эхъ ты масленица моя, курносая!

— Фу! Даже испугалъ. И чего? Добро бы она была молоденькая, а то... Охъ, ужъ эти парижане! Правду про нихъ говорятъ, что старуху и ту не пропустятъ.

***

Къ обѣду мистеръ Боу спустился внизъ.

За сосѣднимъ столикомъ сидѣла молодая дама. Дама очень ласково на него поглядывала.

Мистеръ Боу усмѣхнулся и шопотомъ спросилъ у лакея, кто эта дама.

Лакей не зналъ.

Было занятно.

А Анни не звонитъ. Анни не пишетъ. Ну что же. Тѣмъ лучше.

***

Вечеромъ, когда онъ только что созвонился съ однимъ старымъ, но безпутнымъ пріятелемъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ «буатку», дверь безъ стука отворилась и вошло въ комнату неболь-

шое толстенькое существо въ клѣтчатой пелеринѣ и, пахнувъ знакомымъ Герлэномъ, встало на цыпочки и обхватило его обѣими руками за шею.

— Анни! Вы старая негодяйка! Вы не звоните и не пишите! Зачѣмъ вы явились?

Блѣдно-голубые глаза Анни смотрятъ виновато и счастливо.

— Не браните меня. Я играла въ бриджъ, это правда. Но я даже не осталась отыгрываться, потому что мнѣ вдругъ стало такъ грустно, безъ васъ, такъ ужасно грустно!

Онъ смотритъ въ эти знакомые глаза, чувствуетъ тепло и запахъ этихъ знакомыхъ рукъ. Отъ нѣжной умиленности онъ чувствуетъ слезы на своихъ глазахъ.

Онъ отворачивается и старается говорить равнодушно:

— Ничего, ничего, Анни. I'm very glad!

Вечеромъ вернулся котъ. Грязный, какой то мокрый, бокъ облѣзлый.

— Здравствуйте! — сердито крикнула Наталья Петровна. — Дорогой гость! Что же теперь прикажете вамъ за молокомъ бѣжать! У, свинья паршивая. И ни одинъ живодеръ на тебя не польстится.

Котъ прыгнулъ къ ней на колѣни, ткнулъ ее мокрымъ носомъ прямо въ щеку и, поджавъ коготки, толкнулъ ее лапой два раза въ грудь. Точно постучался въ сердце.

Она стянула съ плечъ вязаный платокъ, укрыла кота, приголубила. Знакомый теплый звѣриный запахъ. Отъ нѣжной умиленности она чувствуетъ слезы на своихъ глазахъ.

— Ну, ладно ужъ, ладно, — притворно ворчитъ она. — Ужъ лежи. Чего тамъ!

Сумасшедшій

Разговоръ шелъ на тему не совсѣмъ обычную. Говорили о сумасшедшихъ домахъ.

Одна изъ собесѣдницъ, датчанка, работавшая въ различныхъ европейскихъ клиникахъ для нервно-больныхъ, разсказывала чудеса объ Англіи.

— Вездѣ, буквально вездѣ, буйныхъ сумасшедшихъ связываютъ и сажаютъ въ изоляторы. Въ Англіи ничего подобнаго. Они считаютъ это не гуманнымъ. Въ Англіи буйныхъ держатъ на свободѣ. И Англія этимъ гордится.

Всѣ удивлялись.

— Но вѣдь такіе помѣшанные опасны для другихъ больныхъ!

— О, нѣтъ! — отвѣчала датчанка. — Для того, чтобы ихъ усмирить, вовсе не нужны такъ называемыя смирительныя рубашки и прочія штуки: у англичанъ для усмиренія буйныхъ существуетъ особая система, которая даетъ прекрасные результаты, и англичане ею гордятся.

— Что же это за система?

— А они просто бьютъ. Главная надзирательница, подходя къ больной, съ утра даетъ ей

такую здоровую затрещину, что ей этого воспоминанія хватаетъ на цѣлый день. А у кого память слаба, тому подновляютъ.

— Я ужасно боюсь сумасшедшихъ, — сказала одна изъ дамъ. — Они для меня страшнѣе звѣря. Вѣдь никогда не знаешь, что у него на умѣ. Вотъ, напримѣръ, тигръ. Если я встрѣчусь гдѣ-нибудь въ дикомъ мѣстѣ съ тигромъ, я отлично знаю, что онъ хочетъ меня растерзать, и я спокойна. А почемъ я знаю, что на умѣ у сумасшедшаго? Нѣтъ, это ужасно! — и она передернула плечами.

— А знаете, — сказала другая дама, чуть-чуть улыбаясь, — мнѣ какъ то пришлось обѣдать съ однимъ сумасшедшимъ, съ самымъ настоящимъ, который содержался въ клиникѣ и, представьте себѣ, было ничуть не страшно, а наоборотъ превесело.

— Господи! Да вы, вѣроятно, не знали, что съ вами сидитъ сумасшедшій? Иначе какъ же вы согласились?

— А вотъ я вамъ сейчасъ разскажу все по порядку.

Есть у меня одинъ знакомый врачъ по нервнымъ болѣзнямъ. По происхожденію онъ русскій, и семьи наши когда то очень дружили. Но учился онъ во Франціи и совсѣмъ офранцузился. Устроился онъ очень хорошо и завелъ собственную клинику, по-просту говоря — частный сумасшедшій домъ.

Мы съ нимъ часто видались, съ милымъ Сержемъ, и я всегда высказывала удивленіе — какъ

это можно было избрать такую ужасную спеціальность — врача-психіатра?

Онъ отстаивалъ свою позицію и увѣрялъ, что именно его спеціальность — самое интересное, что только можно придумать. Разсказывалъ всякіе удивительные случаи изъ своей практики. И между прочимъ разсказалъ объ одномъ своемъ паціентѣ любопытную исторію.

— Жилъ былъ молодой человѣкъ, отъ природы ужасно мрачный. Совершенный меланхоликъ. Очень былъ неглупъ, образованъ, но до того угрюмъ, до того жизнь казалась ему безсмысленной и тяжелой, что окружающіе только и ждали, когда же онъ, наконецъ, повѣсится. И вотъ повѣситься то онъ не повѣсился, но зато сошелъ съ ума. И, представьте себѣ, помѣшательство у него оказалось самое неожиданное: онъ вдругъ сдѣлался самымъ яркимъ, самымъ восторженнымъ оптимистомъ и весельчакомъ. Какая то безудержная радость бытія охватила эту несчастную мрачную душу. Онъ остритъ, смѣется, шутитъ, ни минуты не сидитъ на мѣстѣ. Встревоженные родные обратились къ врачамъ, между прочимъ и ко мнѣ, — закончилъ свой разсказъ другъ Сержъ.

— Мы принялись его лечить, — онъ у меня въ клиникѣ и до сихъ поръ, — и, знаете ли, дѣло идетъ довольно успѣшно. Онъ уже началъ терять свою жизнерадостность, становится понемногу угрюмымъ и молчаливымъ, какъ прежде. Только изрѣдка вспыхиваетъ у него эта бо-

лѣзненная возбужденность, но мы надѣемся, что не пройдетъ и мѣсяца, какъ онъ совсѣмъ войдетъ въ норму. Между прочимъ, знаменитый профессоръ Гильбе, недавно пріѣхавшій изъ-за границы, очень заинтересовался этимъ случаемъ и уже раза два смотрѣлъ моего паціента. Замѣчательный человѣкъ, этотъ Гильбе: умница, живой и какой талантъ, какой талантъ! Европейское имя. Да вотъ — хотите я вамъ его покажу? У меня завтра обѣдаютъ нѣсколько коллегъ, и онъ обѣщалъ непремѣнно придти и просилъ этого нашего паціента также пригласить. Хочетъ понаблюдать за нимъ въ домашней обстановкѣ, не въ клинической. Такъ вотъ, приходите завтра обѣдать. А сумасшедшаго не бойтесь, онъ вѣдь совсѣмъ безобидный, а если будетъ въ своемъ трансѣ, такъ даже очень занимательный, увѣряю васъ.

Я поблагодарила и рѣшила пойти.

— Не пожалѣете, — уговаривалъ меня Сержъ. — Такіе, какъ профессоръ Гильбе, рождаются разъ въ двѣсти лѣтъ.

Ну вотъ, на слѣдующій день я и отправилась къ Сержу обѣдать.

Пріѣхала я съ нѣкоторымъ опозданіемъ, всѣ гости были уже въ сборѣ и хозяинъ тотчасъ пригласилъ насъ къ столу.

Знаменитаго профессора не трудно было угадать, хотя бы по тому вниманію, съ которымъ окружающіе ловили каждое его слово. По внѣшности это былъ типичный русскій ученый, мохрастый, бородатый, разсѣянный, и только напря-

женный взглядъ его умныхъ, яркихъ глазъ выдѣлялъ его между коллегами. Усадили его, конечно, на почетное мѣсто, рядомъ съ хозяиномъ. Разговоръ велся «умный», по спеціальности гостей, о какихъ то рефлексахъ, мозговыхъ опухоляхъ и хирургическомъ леченіи нѣкоторыхъ формъ психическихъ заболѣваній.

И всѣ, конечно, съ благоговѣніемъ вслушивались въ слова знаменитаго Гильбе, которыя онъ лѣниво бурчалъ себѣ подъ носъ.

Обѣдъ налаживался исключительно скучный и нудный, если бы не присутствіе сумасшедшаго. Это былъ высокій, худощавый, даже нѣсколько болѣзненнаго вида господинъ среднихъ лѣтъ, бритый, неряшливо одѣтый (сумасшедшіе, кажется, вообще прежде всего теряютъ стремленіе къ элегантности). Его нервное, возбужденное лицо ни на минуту не оставалось спокойнымъ. Очевидно, онъ былъ въ одномъ изъ своихъ «трансовъ». Въ общемъ разговорѣ онъ участія не принималъ, изрѣдка только бросая бесѣдующимъ какую нибудь шутливую фразу, на которую знаменитый профессоръ устало морщился, а остальные, очевидно, не желая или даже опасаясь раздражать больного, учтиво улыбались.

Но больной веселился во всю. Сидѣлъ онъ рядомъ со мной и очень непринужденно тотчасъ сталъ за мной ухаживать. И, право, былъ очень милъ. Онъ такъ и сыпалъ веселыми анекдотами и подъ конецъ обѣда даже спѣлъ какіе то очень забавные куплеты и произнесъ очень остроум-

ный тостъ, въ которомъ высмѣивалъ Фрейда и невропатологовъ, послѣдователей его теоріи.

Знаменитый Гильбе, часто внимательно къ нему приглядывавшійся (онъ вѣдь самъ и просилъ пригласить сумасшедшаго на этотъ обѣдъ, чтобы понаблюдать за нимъ), нахмурился и даже пошепталъ что то на ухо хозяину. Остальные приглашенные и виду не показали, что выходка съ тостомъ была нѣсколько безтактна. Дѣйствительно, — не считаться же съ собственнымъ паціентомъ.

Я же веселилась отъ души, и грустно было думать, что эта банда ученыхъ бородачей только о томъ и думаетъ, какъ бы увести этого бѣднаго человѣка изъ міра больной, но чудесной и радостной жизни въ безысходную тоску жизни нормальной.

Онъ, между прочимъ, какъ будто замѣтилъ недовольные взгляды профессора Гильбе, на минутку задумался и притихъ. Сталъ говорить со мной, разспрашивать. Я сказала, что собираюсь въ Италію.

— Ахъ, какъ бы я хотѣлъ поѣхать съ вами! — воскликнулъ онъ. — Я обожаю Италію. И, повѣрьте, вы со мной бы не соскучились.

— Такъ отчего же вамъ не поѣхать? — спросила я, чтобы что нибудь сказать.

Онъ усмѣхнулся и, показывая головой на группу врачей, громко сказалъ:

— Вотъ эти сердитые дяди меня ни за что не выпустятъ. Они думаютъ, что для человѣка естественнѣе всего сидѣть всю жизнь въ сума-

шедшемъ домѣ. Что вы на меня такъ смотрите? — обратился онъ къ хозяину. — Развѣ я не правду говорю!

— Ни за что не выпустимъ! — улыбаясь, сказалъ хозяинъ. — Мы такъ счастливы, что заманили васъ къ себѣ.

— Однако, — подумала я. — Очень ужъ они откровенны. Очевидно, это новая система обращенія съ сумасшедшими.

Но шутку хозяина очень оцѣнилъ знаменитый профессоръ. Онъ буквально закатился смѣхомъ и никакъ не могъ успокоиться. Всѣ уже давно говорили о другомъ, а онъ все еще хохоталъ, утирая слезы салфеткой. Потомъ заикалъ и успокоился.

— Какъ бѣднаго бородача проняло ваше остроуміе, — шепнула я сумасшедшему.

Тотъ съ комическимъ сочувствіемъ покачалъ головой:

— Несчастный человѣкъ! — вздохнулъ онъ.

— Миленькій мой, — подумала я, съ участіемъ глядя на своего собесѣдника. — Не пройдетъ и мѣсяца, какъ ты станешь такимъ же угрюмымъ, какъ этотъ бородачъ.

Послѣ этого инцидента сумасшедшій совсѣмъ притихъ. Онъ сталъ пристально, даже какъ то тревожно посматривать на Гильбе и, какъ только хозяинъ далъ знакъ вставать изъ за стола, онъ подошелъ къ знаменитому профессору и, взявъ его довольно фамильярно подъ руку, увелъ въ уголокъ кабинета и сталъ съ нимъ о чемъ то очень конфиденціально бесѣдовать.

Не предвидя больше ничего интереснаго, я, ни съ кѣмъ не прощаясь, отправилась домой.

На другой день милый Сержъ позвонилъ мнѣ по телефону, спрашивая, не очень-ли я скучала.

— Дорогой мой! — отвѣтила я. — Вашъ сумасшедшій страшно мнѣ понравился! Конечно, иногда замѣтно, что онъ вродѣ идіота, но, тѣмъ не менѣе, онъ прямо очарователенъ. Милый, остроумный, чудесный! Хочетъ ѣхать со мной въ Италію.

— Когда же онъ все это успѣлъ вамъ сказать? — съ недоумѣніемъ спросилъ Сержъ.

— За то профессоръ вашъ, — продолжала я, — прямо чортъ знаетъ что такое. Неужели онъ у васъ считается такимъ свѣтиломъ? А вы еще говорили «умница, яркій, живой». А всего живости было только то, что онъ заикалъ. Ужасъ какой! Онъ по моему весь обѣдъ испортилъ. А вы то всѣ передъ нимъ на заднихъ лапкахъ!

— Что? Что? Ничего не понимаю! — кричалъ Сержъ. — Что? Ха-ха-ха! Голубушка вы моя! Да вы совсѣмъ дура! Ха-ха-ха!

— Что съ вами? — оборвала я его «съ холоднымъ негодованіемъ».

— Голубушка вы моя! — надрывался отъ смѣха Сержъ. — Голубушка! Да вѣдь тотъ, который икалъ, это и былъ сумасшедшій, а весельчакъ, который вамъ такъ понравился, несмотря на то, что онъ «вродѣ идіота», вѣдь это же — ха-ха-ха, — вѣдь это же профессоръ Гильбе! Охъ, не могу, умираю! Профессоръ Гильбе!

Объ одномъ диванѣ

Стоялъ въ салончикѣ диванъ.

Самый обыкновенный. Обитый какимъ-то рябенькимъ гобеленчикомъ, потертымъ и выгорѣлымъ.

Никто на диванъ вниманія не обращалъ. Онъ слился съ остальной обстановкой въ одно общее, — тусклое и незамѣтное.

И вотъ, однажды Лида Блекъ, владѣлица этого дивана, сказала своему мужу:

— Знаешь, Володя, слѣдовало бы этотъ диванъ перебить. Онъ самъ по себѣ очень недуренъ и удобенъ. Такой диванъ долженъ украшать комнату, а онъ ее только портитъ. Какъ ты думаешь — надо перебить?

Мужъ отвѣчалъ лѣниво:

— Къ чему?

— Какъ — къ чему? Я же тебѣ объясняю, что такой диванъ долженъ украшать комнату, а онъ ее портитъ.

— А зачѣмъ тебѣ украшать комнату?

Лида посмотрѣла на него внимательно и отвѣтила:

— Затѣмъ, что ты свинья.

Отвѣтъ этотъ каждому постороннему человѣку показался бы безсмысленнымъ. Просто, молъ, выбранилась дамочка, очевидно въ силу дурного характера и грубости своего нрава.

Но, въ сущности, отвѣтъ ея былъ глубоко осмысленъ. Отвѣтила она не только на вопросъ, который, конечно, таилъ въ себѣ раздражающее начало. Отвѣтила она также и на его неестественно-равнодушный тонъ, на его лѣнивую позу, на его (и это въ значительной степени) нелѣпо закинутую ногу, которую онъ вызывающе раскачивалъ, на его презрѣніе, на его насмѣшку — на все вмѣстѣ.

Онъ это такъ и понялъ. Подумалъ, опустилъ ногу, сѣлъ прямо и сказалъ просто и даже грустно:

— Зачѣмъ придумывать себѣ хлопоты? Все горе человѣка происходитъ отъ того, что онъ все время заботится о томъ, какъ бы все для себя сдѣлать получше. Сидитъ около стола, ну, кажется, и сидѣлъ бы. Нѣтъ. Вскочитъ, пересядетъ къ окну. Если спросить его, зачѣмъ пересѣлъ, такъ, пожалуй, и самъ не знаетъ. А тамъ глубоко у него, въ подсознательномъ, идетъ работа. Работа на улучшеніе его существованія. Тамъ, въ подсознательномъ, показалось, почувствовалось, что, пожалуй, у окна будетъ лучше. И вотъ данъ приказъ, и несчастный болванъ пересаживается. Все время съ утра до вечера занятъ человѣкъ одной заботой — какъ бы улучшить свое существованіе. Для этого онъ ѣстъ,

ходитъ на службу, женится, переклеиваетъ обои, шьетъ себѣ брюки въ полоску, закатываетъ сцены ревности, разсказываетъ анекдоты, дѣлается министромъ, даже стрѣляется.

Чего ты удивляешься? Конечно, человѣкъ стрѣляется для улучшенія своего быта. Видитъ, что все скверно и вдобавокъ ничего нельзя передѣлать — ну и рѣшаетъ — все долой и на-смарку. Это, молъ, мнѣ не годится. А какъ можно погнать все на-смарку, буквально все, вплоть до собственныхъ ногъ, которыя устали, до сердца, которое болитъ, до головы, которая ничего осмыслить не можетъ? Погнать все это къ чорту можно только револьверомъ. Вотъ до чего, голубушка моя, доводитъ забота объ улучшеніи своего быта. Начинаютъ съ дивана, кончаютъ револьверомъ.

— Ты, значитъ, совершенно отрицаешь всякую культуру? — сказала Лида и сдѣлала умное лицо.

— И какой ужасный путь, полный сплошныхъ разочарованій, открывается передъ нимъ. Этотъ путь отъ дивана до револьвера, — продолжалъ онъ, не слушая ее. — И чѣмъ больше накрутилъ человѣкъ въ своей жизни — тѣмъ ему хуже. Разочарованіе царей и героевъ страшнѣе, чѣмъ разочарованіе дуры, передѣлавшей диванъ. Хоть можетъ быть съ какой нибудь точки зрѣнія, очень, очень далекой, безпредѣльно высокой — это почти то же самое. Иди, женщина, иди къ Бонмарше, покупай покрышку на диванъ.

Лида вспыхнула:

— Пожалуйста, не командуй! Гдѣ хочу, тамъ и куплю. Въ твоихъ совѣтахъ не нуждаюсь.

**
*

И началось.

Такъ какъ вся мебель была коричневая, необходимо было выдержать покрышку въ тѣхъ же тонахъ.

Ходила два дня по магазинамъ, наконецъ, нашла. Именно то, что нужно. Коричневое съ легонькимъ рисуночкомъ, вродѣ какихъ то устрицъ, но съ лепестками. Очень мило и не марко.

Однако, когда матерію принесли и она набросила ее на диванъ, хорошее настроеніе отъ удачной покупки сразу погасло.

Матерія была очень мила — словъ нѣтъ. Но покрывать ею диванъ было невозможно. Невозможно не потому, что диванъ сталъ бы некрасивъ, а потому, что все кругомъ, точно подчеркнутое яркой свѣжей тканью, стало вдругъ до того блеклымъ, тусклымъ, и, откровенно говоря, грязнымъ, что получался прямо неприличный видъ.

Какъ быть? Какъ затусклить матерію? Посыпать пудрой? Выстирать? Вывѣсить на солнце?

Кто то посовѣтовалъ даже отдать въ красильню вычистить. Въ красильнѣ, молъ, всегда все портятъ.

Еще кто то посовѣтовалъ завести собаку и, чтобы собака день и ночь лежала на диванѣ. А въ дождь выгонять собаку на улицу и потомъ

сразу валить ее на диванъ. Все это, конечно, никуда не годилось.

Пришлось перемѣнить матерію.

Выбрала что то не очень красивое, зато вполнѣ тусклое. Посмотришь, и такая тоска тебя одолѣваетъ, что прямо плакать хочется.

Рѣшила, все таки, взять.

— Нужно быть благоразумной. Что-жъ дѣлать, если къ этой проклятой квартирѣ подходитъ только унылое?

Прислали матерію.

Спокойно и рѣшительно развернула ее Лида и набросила на диванъ.

— Какой ужасъ!

Матерія оказалась не коричневатой, а сѣрой. Сѣрой съ зелеными пузырями.

Она дѣйствительно была тусклой и мутной, но вся эта хандра была совершенно другого цвѣта.

И это было уже непоправимо. Тутъ, если даже рѣшишься собаку валять, такъ и то не поможетъ.

Пришлось снова ѣхать въ магазинъ, но такъ какъ тамъ больше подходящихъ матерій не было, то кассиръ выдалъ деньги обратно.

— Ну, теперь руки у меня развязаны и можно свободно выбирать въ другомъ мѣстѣ.

Купила нѣчто бурое въ маленькой мебельной лавчонкѣ, но это нѣчто оказалось дома такимъ ужаснымъ, что ужъ лучше было бы оставить диванъ въ прежнемъ видѣ. Къ нему, къ прежнему, по крайней мѣрѣ, привыкли и его урод-

ства уже не замѣчали. А къ этому, чтобы привыкнуть, можетъ быть, годы понадобятся.

Маленькая лавчонка матерію назадъ не приняла, и Лида пережила много тяжелыхъ и унизительныхъ минутъ.

Рѣшила матерію спрятать.

— Можетъ быть, когда нибудь какому нибудь бѣдному пригодится на какую нибудь подстилку.

Лучше всего, конечно, было бы совсѣмъ отъ этой затѣи отказаться и жить попрежнему, тихой жизнью со старымъ диваномъ. Но одна изъ лидиныхъ пріятельницъ, баба услужливая, но непріятная, прислала своего родственника, любителя-обойщика, который, явившись на квартиру, когда никого не было, взялъ да и ободралъ старую обивку.

Теперь уже путь къ отступленію былъ отрѣзанъ. Пришлось отказаться отъ новаго платья и пожертвовать эти деньги на диванъ.

Тутъ кто то далъ блестящую идею:

Сдѣлайте диванъ вразрѣзъ всему окружающему. Ничего общаго. Самъ по себѣ. Зеленый. Яркій, торжествующій. Все кругомъ вянетъ и гаснетъ. А онъ одинъ сверкаетъ наглой красотой. Это идея.

Идея Лидѣ понравилась.

Для наглой красоты приказчикъ посовѣтовалъ взять крашеный холстъ, потому что онъ стирается.

— Развѣ диваны стираются? — удивилась Лида, но спорить уже не могла. Она такъ уста-

ла и замоталась отъ всѣхъ этихъ неудачъ, что думала только о томъ, какъ поскорѣе избавиться отъ взятой на себя обузы.

Пріятельницынъ родственникъ, ободравъ диванъ, уѣхалъ на два мѣсяца въ Ниццу. Пришлось искать обойщика.

Пришелъ консьержкинъ братъ. Осмотрѣлъ диванъ. Сказалъ, что за эту работу можетъ приняться только черезъ два мѣсяца. Велѣлъ, чтобы ему заплатили за деранжеманъ, депласеманъ и ангажеманъ. Всего тридцать два франка сорокъ сантимовъ.

Потомъ нашли русскаго обойщика, который долго толковалъ о католицизмѣ и православіи, потомъ пошелъ за гвоздями и пропалъ на два дня. Вернувшись, заявилъ, что сейчасъ начинать не стоитъ, потому что завтра суббота, а потомъ воскресенье. Въ понедѣльникъ тяжелый день, а лучше всего во вторникъ съ утра.

Но во вторникъ онъ не пришелъ.

А диванъ стоялъ голый и изъ него лѣзла мочала и какая то неопредѣлимая дрянь и летѣла густая, крупная пыль.

Черезъ недѣлю нашли новаго обойщика, который обтянулъ только полдивана, а потомъ рѣшилъ жениться и ушелъ.

Лида осунулась, стала раздражительной, необщительной, окончательно возненавидѣла мужа, отъ отчаянія купила какой то совершенно ей ненужный воротникъ изъ козы подъ барана. И ночью плакала отъ ужаснаго козьяго духа, который не пропалъ, а только обострился отъ подба-

раньей выдѣлки. Она стала бояться проходить мимо голаго дивана и даже начала подумывать бросить все и уйти въ монастырь.

Но дѣло съ диваномъ все таки кое-какъ наладили.

Особой наглой красоты не вышло, но все таки, приглашенная къ чаю тетка, проворчала:

— Экъ закатила! Мужъ въ драномъ пальтишкѣ бѣгаетъ, а она на ерунду денегъ не жалѣетъ.

А веселый, молодой человѣкъ, душа общества, состроивъ наивную рожу, спросилъ:

— Это, Лидочка, навѣрное только начерно обтянуто, потому оно такое голое? А сверху будетъ плюшъ?

А пріятельница, услужливая и непріятная, сказала снисходительно:

— Ничего, голубчикъ, вовсе это не такъ ужъ скверно. Конечно, это некрасиво, но практично и, навѣрное, недорого.

Поздно ночью, въ третій разъ зажигая лампу и принимаясь за уголовный романъ, вдругъ вспомнила она фразу: «разочарованіе царей и героевъ страшнѣе, чѣмъ... чѣмъ отъ дивана...» Что это такое? Какой это мудрецъ сказалъ? Гдѣ я это читала?

Но тутъ же вспомнила, что это слова ея собственнаго мужа. Сердито фыркнула и сказала вслухъ:

— Какой идіотъ!

Семейное утро

Воскресенье — день отдыха и «фамъ де менажъ» по воскресеньямъ не приходитъ.

Лизочка сама убирала комнаты, уронила съ полочки тяжелый флаконъ прямо въ умывальную раковину. Раковина треснула, Лизочка обидѣлась, надулась и завалилась въ столовой на диванъ читать вчерашнюю газету.

Дѣйствительно — чортъ знаетъ что! — Одинъ день въ недѣлю свободный, такъ все такъ обставлено, что утомишься больше, чѣмъ въ будни. И все валится, и все бьется, и потомъ она же еще окажется виноватой.

Въ газетѣ, кромѣ обычной политической ерунды, въ которой даже мужчины разобраться не могутъ, почти ничего интереснаго не было.

Лизочка поискала очередное убійство. Оно оказалось совсѣмъ не занятнымъ: какой то мальчишка зарѣзалъ двухъ старухъ изъ простонародья. Ну, кому это нужно? Если бъ еще какую нибудь молодую лэди...

Тоска... Въ переводномъ романѣ благородный сыщикъ женился на златокудрой милліо-

нершѣ, которая положила ему голову на плечо, да такъ и поѣхала въ Америку.

Везетъ же людямъ! Конечно, разъ у тебя милліонъ въ карманѣ, такъ никакой сыщикъ отъ тебя не откажется. Везетъ людямъ. А тутъ разъ въ жизни собралась полочку вытереть, такъ и то умывальникъ разбила.

Въ столовой Лизочкина сестра Варя гладила платье. Ее позвали Журавлевы завтракать.

Варя ворчала.

— Вчера сдѣлала маникюръ, а сегодня отъ горячаго утюга весь лакъ облѣзъ. Прямо хоть въ гости не ходи. Каждый разъ столько работы, что устаешь хуже, чѣмъ на службѣ. Воротничекъ выстирала, платокъ выстирала, лифчикъ выстирала, чулки заштопала. Съ ума сойти!

— Подумаешь тоже! — откликается Лизочка. — Разъ въ недѣлю постирать, да погладить! А каково свѣтскимъ дамамъ, у которыхъ всѣ дни разобраны — то на пикникъ, то на журфиксъ, то на обѣдъ, то на вечеринку. Это значитъ каждый день поднимайся ни свѣтъ ни заря, да стирай, да шей, да штопай. Вотъ ужасъ! А вѣдь есть такія, у которыхъ по нѣсколько приглашеній въ день. Прибѣжала съ завтрака — собирайся на чай. Опять, значитъ, бензинъ на сцену, чисти перчатки, грѣй утюги. Нѣтъ, я, очевидно, абсолютно не способна на свѣтскую жизнь. Я даже удивляюсь, что тебѣ за охота. Посидѣла бы дома, почитала бы.

Варѣ это удивленіе непріятно. Да и вообще, каждому человѣку непріятно, когда ему со-

вѣтуютъ «почитать». Такой совѣтъ всегда дается какъ бы свысока, отъ высшаго къ низшему, и подразумѣваетъ, что высшій снисходитъ и хочетъ поднять уровень низшаго. Непріятный совѣтъ. Отвратительный.

— Спасибо! — отвѣчаетъ Варя. — Ты свое дѣло сдѣлала, умывальникъ разбила, такъ и сиди, а въ совѣтахъ твоихъ не нуждаются.

Попрекъ неосновательный. Умывальникъ Лизочка разбила не нарочно. Но какъ во всѣхъ ссорахъ между очень близкими людьми, вовсе не требуется, чтобы слова были логически осмыслены. Близкій человѣкъ хорошо знаетъ близкую душу и просто ищетъ иголку, которая больнѣе уколетъ.

Поэтому Лизочка не стала оправдываться и доказывать свою невиновность. Къ чему? Дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что нужно поскорѣе найти въ своемъ репертуарѣ слово, которое можетъ острѣе ранить.

— Чего ты злишься? — дѣланно-спокойно сказала она. — Я же не виновата, что Кавуновъ не обращаетъ на тебя никакого вниманія.

Варя открыла ротъ, задохнулась, растерялась. Ничего не нашла. Нашла одно, всегда спасающее.

— Дура! — сказала она.

И обѣ замолчали.

Заскреблось во входной двери. Звякнулъ ключъ.

Вошла старуха. Шляпа сбита на затылокъ, выраженіе лица человѣка, бѣжавшаго черезъ

силу и пришедшаго къ столбу все таки последнимъ.

Въ рукахъ у старухи клеенчатая сумка, распертая зелеными салатными и луковыми хвостами. Подмышкой — булка-батонъ.

Кинула бѣглый взглядъ въ столовую. Увидѣла два блѣдныхъ веснущатыхъ лица съ бѣлыми злыми глазами, до того похожія одно на другое, особенно одинаковымъ выраженіемъ тоски и злобы, что казалось, будто это одна физіономія, съ неудовольствіемъ глядящая на свое выраженіе въ зеркалѣ.

— Слава Богу, — спокойно сказала старуха. — Все въ порядкѣ — опять ссорятся.

Вздохнула и пошла въ кухню. И слышно было, какъ падаютъ высыпаемыя на столъ картофелины.

— И это — мать! — пробормотала Лизочка.

Варя остановилась, прислушалась къ тому, что дѣлается въ кухнѣ, и вдругъ обрадованно, точно нашла что то забытое, но пріятное, закричала:

— Мама! А что же вы въ церковь-то? Вѣдь еще не поздно.

— Гдѣ-же ужъ теперь, — устало отвѣчала старуха. — Пока соберусь, пока что...

— Ничуть не поздно! — радостно настаивала дочь. — Только что половину десятаго пробило. Какъ разъ. Долго-ли тебѣ собираться — все равно надѣть нечего. Подбери волосы да и иди.

Казалось — заботливая дочь старается угодить матери.

Сатруха подошла къ двери и, смотря въ сторону, пробормотала:

— Какъ будто дождь собирается.

Лизочка дернулась на диванѣ и воскликнула громко и оживленно:

— Ничего подобнаго. Сама отлично знаешь, что погода чудесная.

Старуха вздохнула и пошла въ кухню.

— Каждое воскресенье та же исторія! — крикнула ей вслѣдъ Варя. — Собирается въ церковь намъ на зло, что мы не ходимъ. А самой лѣнь и начинаетъ придумывать предлоги: «Ахъ, поздно, да ахъ, не поспѣть, да ахъ, дождикъ идетъ». И къ чему эти комедіи разыгрывать! Нѣтъ — надо непремѣнно ломаться.

Въ кухнѣ было тихо, и безъ репликъ обвиняемой трудно было продолжать съ тѣмъ же краснорѣчіемъ.

Варя молча доглаживала платье.

Лизочка уткнулась въ газету. Она, собственно говоря, еще не помирилась съ сестрой, только общность интересовъ — злоба на мать — на минутку соединила ихъ. Но мириться и не хотѣлось. Хотѣлось придумать еще что нибудь позлѣе, поярче, поострѣе. Подойти и, будто нечаянно, облить черниломъ платье, которое она разглаживаетъ. Какой ужасъ! Какое горе! Единственное нарядное платье... Что бы она, Варя, сдѣлала? Закричала бы? Она бы вся позеленѣла и глаза бы подкатила. Другое такое платье

не скоро наживешь. И въ четвергъ танцовать не въ чемъ было бы пойти. «Кавуновъ пригласилъ».

Она вспомнила, какъ Варя искусственно-равнодушно объ этомъ разсказала, будто вскользь, а сама навѣрное отъ радости ночей не спитъ. Ну такъ вотъ: платья нѣтъ, сиди дома.

Мама навѣрное заплачетъ. Она любитъ при случаѣ выдавить слезу.

Ничего. Это ей полезно. Развлеченій никакихъ нѣтъ, такъ вотъ и ищетъ предлоговъ поревѣть.

Не хотѣлось отрываться отъ мечтаній о Варииномъ горѣ. И она старалась придумать еще что-нибудь, что-нибудь совсѣмъ ужасное, непоправимое. И ей самой дѣлалось больно за Варю, и чѣмъ больнѣе было, тѣмъ радостнѣе, и уже оторваться отъ этой игры не было ни силъ, ни желанія.

Варя подняла голову, прислушалась, сказала будто про себя:

— Мама плачетъ.

И стала разглаживать ленточки.

— Тебѣ хорошо, — пробормотала Лизочка, — а я очевидно останусь безъ завтрака.

Тихій шорохъ подъ дверью въ передней. Почта. Газета и письмо.

Варя подняла письмо.

— Можетъ быть, оно мнѣ, — встрепенулась Лизочка. — Тогда ты не имѣешь никакого права. Вѣчно все хватаешь первая.

Но Варя читала повидимому что то такое радостное и свѣтлое, что даже лицо ея измѣни-

лось, лобъ разгладился, губы шевельнулись милой улыбкой.

— Лизочка! — крикнула она. — Штиманы разводятся. Штиманша Штимана накрыла въ «Ротондѣ» съ какой то манекеншей и учинила скандалъ съ трескомъ. А художникъ Укроповъ, ничего не понявъ, кинулся защищать Штиманшу и попалъ какому то французу зонтикомъ въ кофе. Штиманша въ отчаяніи, два раза отравлялась (такъ ей и надо!), а Штиманъ ноль вниманія и хочетъ жениться на манекеншѣ. А французъ тянетъ Укропова въ судъ за кофе и всѣхъ въ свидѣтели. А у манекенши богатый другъ. Узналъ — изъ-за процесса — что она была со Штиманомъ въ «Ротондѣ», обозлился и бросилъ ее. А изъ мезона ее за этотъ скандалъ выгнали.

— Вотъ проклятый французъ! Сколько бѣды надѣлалъ. Надо мамѣ разсказать, она Штиманшѣ кофту вязала.

Обѣ кинулись въ кухню:

— Мамочка! Милая!

Мать сидѣла на табуреткѣ съ кочаномъ капусты въ рукѣ. Подняла усталое, отекшее лицо, пробормотала виновато:

— У меня сегодня что то съ сердцемъ...

— Мамочка, милая! — перебила ее Лизочка. — Слышала — какой скандалъ? Несчастный Укроповъ! Его больше всѣхъ жалко. Бѣлокурый и съ бородой.

Обѣ, перебивая другъ друга, принялись разсказывать.

Мать смотрѣла на ихъ оживленныя лица, ласковыя къ ней, тихо улыбалась и, даже не стараясь разобраться во всѣхъ этихъ Штиманахъ, дѣлала только видъ, что слушаетъ и веселится, и думала:

— Онѣ у меня славныя дѣвочки. Тяжело имъ живется, устаютъ, нервничаютъ, ну и сердятся — что подѣлаешь. А вѣдь дѣвочки, въ сущности, хорошія, добрыя дѣвочки! Вотъ какъ жалѣютъ кого-то. Добрыя!

Вещь

Каждому человѣку свойственно желать жить по человѣчески. Но не у всѣхъ одинаковое понятіе о человѣческой жизни.

Маргарита Александровна, милая Маргуша Кавенасъ, думала, что жить по человѣчески — для нея, по крайней мѣрѣ — это значитъ разстаться съ докторшей Бурякиной, у которой она снимала двѣ комнаты, съ кухонными, ванными и прочими правами, и нанять собственную квартирку.

Планы эти были одобрены всѣми друзьями Маргуши и даже ея врагами. Друзья одобряли прямо и искренно, враги при этомъ думали:

— Побѣгай-ка, матушка, поищи да обставь, да устрой, такъ небось узнаешь, гдѣ раки зимуютъ.

Итакъ, несмотря на разницу въ отношеніяхъ и движимые вполнѣ противоположными побужденіями, и друзья и враги давали совѣты совершенно одинаковые.

И поиски начались.

— Видѣла я квартиру, — разсказывала Маргуша о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ, — три комнаты, ванна, на очень хорошей улицѣ и страшно дешево — всего восемь тысячъ.

— Да ты съ ума сошла! — кричали друзья. — Да такая квартира должна стоить четыре тысячи, а не восемь.

— Да вы шутите! — кричали враги. — Одна наша знакомая только что взяла на той же самой улицѣ, навѣрное въ томъ-же самомъ домѣ, дивную квартиру въ пять комнатъ съ садомъ что то... чуть не даромъ... Тысячи три. Если даже она на одну тысячу наврала, ну даже на двѣ, такъ и то выходитъ пять, а не восемь.

— Да что далеко ходить, — перебивали друзья. — Дьяконовыхъ знаете? Взяли квартиру въ семь комнатъ за три тысячи, да еще прежніе квартиранты имъ чудное зеркало подарили. Вотъ какъ люди устраиваются.

Потрясенная Маргуша позвонила къ Дьяконовымъ по телефону. Цифры оказались всѣ вѣрныя, только навыворотъ: семь тысячъ за три комнаты да еще заставили купить въ видѣ отступного за двѣ тысячи какое то паршивое зеркало.

Маргуша вздохнула и продолжала поиски. Ни друзьямъ, ни врагамъ она больше ничего не разсказывала.

Когда квартира была взята и она имъ объ этомъ объявила, они снова начали кричать и даже тыкали растерянной Маргушѣ записочки съ адресами какихъ то замѣчательныхъ квар-

тиръ, которыя они, къ сожалѣнію, только сейчасъ могли раздобыть. Но разъ ужъ слишкомъ поздно, то, конечно, ничего не подѣлаешь.

Вопросъ исчерпанъ.

Но, исчерпавшись, породилъ другой вопросъ: обстановка. Съ чего начать?

— Прежде всего — самое необходимое. Что самое необходимое? Шкапъ. Какой шкапъ? Посудный. Съ этого, значитъ, и начинать.

За завтракомъ у Лиросовыхъ какъ разъ завели разговоръ о мебели и, какъ водится, стали совѣтывать.

У Лиросовой оказался тутъ же на-лицо бофреръ Васенька, большой знатокъ и любитель маршэ-о-пюсъ.

— Голубчикъ, Маргарита Александровна! — воскликнулъ онъ. — Только прикажите! Я маршэ-о-пюсъ знаю, какъ свои пять пальцевъ. Вамъ что прежде всего нужно?

— Мнѣ — шкапъ. Прежде всего шкапъ.

— Шкапъ? Чудесное дѣло. Какого стиля?

— Гм... — отвѣтила Маргуша.

— Остальная мебель вокругъ шкапа какого стиля будетъ? Модернъ?

Маргуша, которая рѣшила заткнуть посудный шкапъ въ кухню, отвѣтила смѣло:

— Да, скорѣй модернъ.

— А то, знаете, очень недорого можно достать старинные нормандскіе шкапы. И чѣмъ больше вы ихъ закупите, тѣмъ дешевле они обойдутся. Если купить пятнадцать штукъ, такъ шестнадцатый вамъ совсѣмъ даромъ дадутъ.

— Вотъ если бы сразу съ шестнадцатаго! — вздохнула Маргуша. — А то что я буду дѣлать съ ними со всѣми?

— Какъ что? — удивился бо-фреръ Васенька. — Распредѣлите по знакомымъ, а по мѣрѣ надобности будете брать къ себѣ. Такъ у васъ всегда будетъ запасъ. И какъ практично, нормандскій шкапъ. Въ немъ бретонцы даже ночуютъ. Такъ что въ настоящемъ такомъ шкапу, если онъ не поддѣльный, можно всегда массу насѣкомыхъ найти. По этому ихъ и отличаютъ отъ поддѣльныхъ.

Высокій, элегантный господинъ, сидѣвшій на другомъ концѣ стола и уже давно прислушивавшійся къ разговору, такъ, что даже разсѣянно отвѣчалъ на вопросы своей сосѣдки, вдругъ оживился, улыбнулся и сказалъ Маргушѣ:

— Вы, кажется, интересуетесь маршэ-о-пюсъ? Но вѣдь это прямо моя сфера. Если нужны какія нибудь указанія, обратитесь прямо ко мнѣ. Я съ радостью. Это для меня праздникъ. Вамъ нуженъ шкапъ? Какой шкапъ?

— Посудный.

— Ага! — сообразилъ что то господинъ. — Какая у васъ посуда?

— У меня восемь чашекъ, — отвѣтила Маргуша и, сконфузившись, прибавила, — пока что.

— Маргуша! — сказала Лиросова. — Можешь слѣпо слѣдовать совѣту барона. Онъ прямо магъ и волшебникъ.

Баронъ скромно, но съ достоинствомъ улыбнулся.

— C'est très exagéré! — сказалъ онъ. — Итакъ — восемь чашекъ. Вы подбирали, значитъ, уники? Въ такомъ случаѣ мы для нихъ лучше сдѣлаемъ витрину. Жалко прятать ихъ въ шкапъ.

— И еще одиннадцать тарелокъ, — пробормотала Маргуша.

— Да? Вы, очевидно, фарфористка? Въ такомъ случаѣ я смогъ бы вамъ указать одну торговку на маршэ-о-пюсъ, у которой иногда попадаются прямо замѣчательныя вещи. Но этимъ мы займемся уже впослѣдствіи. Теперь скажите, у васъ нѣтъ въ вашихъ планахъ опредѣленнаго стиля? Я недавно купилъ — ахъ, какія иногда бываютъ удачи! — кресло Луи-Филиппъ, прямо за безцѣнокъ — семьсотъ франковъ. Конечно, пришлось перемѣнить ножки, сидѣнье, правую ручку и отчасти спинку. Спинку только отчасти. Замѣчательная вещь. Уника. Я видѣлъ тамъ еще одну, уже не въ такомъ хорошемъ видѣ, сильно источено червемъ, но если осторожно съ нимъ обращаться, не толкать и вообще не трогать...

— Значитъ, оно не можетъ служить, какъ мебель? — испуганно спросила Маргуша.

Баронъ удивленно вскинулъ брови:

— Надѣюсь, вы не собирались на него садиться? Хе-хе! Уника! Музейная вещь. Я постараюсь подобрать вамъ еще нѣсколько такихъ вещицъ...

— Мерси, — вздохнула Маргуша. — Только какъ я буду... просто, значитъ, стоять рядомъ съ кресломъ?

— Ха-ха! — засмѣялся Васенька. — Будете стоять. А захотите посидѣть, возьмете билетъ въ метро, да и отсидитесь.

Баронъ сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, и продолжалъ:

— Мой принципъ — выдерживать комнату въ тусклыхъ тонахъ и давать пятно. У Лили Пресвитовой мнѣ помогла ея тетка. Комната вся мутно-сѣрая, а тетка въ углу на диванѣ дѣлала пятно.

— Ахъ, она неряха! — искренно возмутился Васенька.

Баронъ снова не слышалъ и продолжалъ:

— Тетка надѣвала ярко-оранжевое платье, волосы мы ей выкрасили въ рыжій цвѣтъ — чудесное пятно. Она безъ ногъ, такъ что сидитъ тихо. И это, замѣтьте, гораздо оригинальнѣе, чѣмъ какая нибудь синяя севрская ваза, или красная лампа. Тетка — это новѣй и неповторимѣе. У васъ есть тетка? Ну да это уже детали, которыя мы обсудимъ впослѣдствіи. Скажите, сколько комнатъ вы хотѣли бы обставить для начала?

— Для начала... три, — сказала Маргуша. Испугалась и поправилась: — Для начала одну.

— У васъ есть какая нибудь смѣта? — дѣловито спросилъ баронъ. — Потому что если вы не хотите много тратить, то небольшую комнату можно прилично обставить тысячъ за восемнадцать, двадцать.

— Ахъ, нѣтъ! — взметнулась Маргуша. — Я такъ не хочу.

— Ну, конечно, это будетъ только прилично...

— А скажите, — перебила Маргуша, — если неприлично обставить, такъ тогда можно за сколько?

Баронъ растерялся. Но тутъ вступилъ въ разговоръ бо-фреръ Васенька.

— Дорогая Маргарита Александровна! Баронъ васъ совсѣмъ запугалъ. Ну гдѣ намъ, бѣженцамъ, заводить тетку Луи Филиппа и всякую тамъ червоточину. Вамъ совсѣмъ не это нужно. Вамъ нужно, чтобы у васъ была солидная вещь, на которую можно и сѣсть, и лечь и въ нее набить всякой всячины. Именно вещь, а не труха. А остальное уже пустяки. Можно купить франковъ на пятьдесятъ текинскихъ ковровъ и разбросать ихъ всюду — и красиво, и оригинально, и дешево. А то вдругъ — двадцать тысячъ на одну комнату! Конечно, можно и сто тысячъ, да вѣдь не въ этомъ наша задача. Вотъ, смотрите, Шурнова, Марья Константиновна, какъ обставила свою квартирку! Четыре комнаты за триста франковъ, и прелесть. Одна комната, положимъ, у нея и раньше была, а гостиная новая, гостиную ей дядя подарилъ. Спальня вся новая — китоваго рога — Андрей Николаевичъ подарилъ. Онъ же и столовую орѣховаго дуба, съ ворсомъ.

— А вы говорили — триста франковъ!

— А это она за лампу. Лампу въ переднюю купила. Ну да. Это не важно. Словомъ — если хотите — я къ вашимъ услугамъ. И если что куплю, такъ ужъ это будетъ вещь. Именно ве-ещь. Дешево и практично. А съ остальнымъ можно и подождать.

Маргуша улыбнулась.

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна. Я такая неопытная. Умоляю васъ! Какъ можно скорѣе. У меня сейчасъ есть двѣ тысячи.

— Отлично, дорогая! Давайте двѣ тысячи и завтра же на маршэ-о-пюсъ будетъ для васъ куплено все самое необходимое, практичное, элегантное и дешевое. А ковры — это все потомъ. На пятьдесятъ франковъ.

— Какой вы милый.

***

Черезъ два дня Васенька вошелъ въ комнату Маргуши, въ ожиданіи мебели, жившей еще на старой квартирѣ. Вошелъ, опустился на стулъ и вытеръ лобъ.

— Готово, — сказалъ онъ.

— Что — готово? — взволновалась Маргуша.

— Купилъ вещь.

— Вещь?

— Да. Она уже доставлена. Сегодня все утро собирали. Немножко велика, такъ что придется оставить ее въ передней, а то если въ другой комнатѣ, то темно будетъ.

— Темно?

— Да. Закроетъ окно.

— А... если къ другой стѣнѣ?

— Закроетъ дверь.

Маргуша вздохнула съ дрожью.

— Но вы не бойтесь. Вещь дивная, — искусственно бодрымъ голосомъ сказалъ Васенька. —

Именно вещь. Во всякомъ случаѣ, если надумаете поставить въ салонъ, то уже этимъ самымъ вопросъ о другой мебели исчерпывается.

— Господи! Можно взглянуть?

Пауза. Вздохъ.

— Пойдемте.

***

Маргуша открыла своимъ ключемъ дверь новой квартиры. Дверь стукнула обо что-то и остановилась.

— Что тамъ? Что то мѣшаетъ.

— Это онъ! — шопотомъ отвѣчалъ Васенька. — Да не напирайте же, онъ все равно не пуститъ. Можно и такъ пролѣзть, если втянуть животъ.

— Господи! Да кто же это, да что же это? — ахала Маргуша.

Она невольно тоже стала говорить шопотомъ.

— Пролѣзайте сюда, слѣва. Вотъ.

— Отчего такъ темно?

— Онъ закрылъ окно и дверь въ столовую. Но вы всегда сможете проходить черезъ спальню. Не все ли равно? Надо жить для себя, а не для другихъ.

— Да кто «онъ»? — въ ужасѣ спросила Маргуша. — Кто тутъ смѣетъ?.. Что за достоевщина?

— Шкапъ. Два метра сорокъ пять... Вещь.

— Господи! А еще что нибудь купили?

— Нѣтъ.

— Отчего?

Пауза.
Всхлипываніе и вопль:
— Сколько же вы за него заплатили?
Пауза. Вздохъ.
— Все.

ОГЛАВЛЕНІЕ

PRINTED IN CHINA